№ 3 (15)

Культура Алтайского края

СЕНТЯБРЬ
2014

Прочитайте код
с помощью
RM GUIDE.

Петр Оссовский.
На хлебной ниве.
1983. (Центральная
часть триптиха
«Алтай».)
Холст, масло.
135x170.

12+

Фото предоставлено
ГХМАК

Иванов Юрий Алексеевич
(1950–2014).
Франсуа Виньон.
2007.
Холст, масло.
Фото предоставлено ГХМАК

Работы Юрия Иванова отличают по доброму юмору, мягкой иронии. Сквозь красочный слой полотен буквально просвечивает любовь художника к комичному. Персонажи произведений Иванова всегда заслуживают какой-то большой отдельной истории, они литературогеничны.

в номере:

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

4 *Олег Ковалёв.* **«МАСТЕР»: ПРАЗДНИЧНОСТЬ И МАСШТАБНОСТЬ** *(О музыкально-драматической сюите Эдуарда Артемьева)*

6 *Александр Вавжинчак.* **МОЯ ВСТРЕЧА С АЛТАЕМ**

8 *Эмилия Хомич.* **ПОЭЗИЯ ИЛИ СТИХИ?**

стр. 48

СЛОВО

12 *Дмитрий Марьин.* **«ЭТО БЫЛ НАШ, КРЕСТЬЯНСКИЙ, МУДРЫЙ-МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК»**

15 **КНИЖНЫЙ ИНСТИНКТ.** *Рецензии на книги Андрея Коробейщикова, Антона Ужакина*

16 *Константин Гришин.* **РОЗМАРИ ТИТЦЕ: «Я ВСЕГДА ХОТЕЛА ЗАНИМАТЬСЯ ЧЕМ-ТО ЭКЗОТИЧЕСКИМ...»**

стр. 16

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

18 *Наталья Царёва.* **ШУКШИНСКАЯ ВЫСТАВКА**

20 **ВЫСТАВКИ. ИЗБРАННОЕ** *(Авторы: Оксана Сидорова, Елена Дариус, Надежда Фомина, Александр Рыжов)*

24 *Лидия Зиновьева.* **ОКНО В АЗИЮ**

26 *Галина Батюк.* **«МАРИША» ИЗ ШИПУНОВА И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК**

28 *Александр Рыжов.* **МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ЮРИЯ ИВАНОВА**

стр. 18

НАСЛЕДИЕ

30 *Евгений Платунов.* **УЛИЦЫ БАРНАУЛА И УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

34 *Светлана Мягких.* **КАКИМ ТЫ БЫЛ...**

МУЗЫКА

36 *Олеся Михайлова.* **УНИВЕРСАЛЬНЫЙ «КАМЕРАНС»**

37 *Галина Пресс.* **В КОНСОНАНСЕ КУЛЬТУР**

КИНО

39 *Елена Огнева.* **АЛТАЙСКИЕ «ХЛЕБ И РОЗЫ»**

РАЙОН

42 *Лариса Вигандт.* **СКАЗОЧНАЯ СТРАНА** *(О культурной сфере Змеиногорского района)*

ЛИТОТДЕЛ

48 *Захар Прилепин.* **ОБИТЕЛЬ** *(Фрагменты из романа)*

52 *Константин Гришин.* **СТИХИ**

53 *Евгений Егофаров.* **СТИХИ**

54 *Иван Жданов.* **«ЭПОХА КОНЧИЛАСЬ. А УТРО НЕ ВЗОШЛО».** *Эссе о поэте Сергее Новикове*

55 *Сергей Новиков.* **СТИХИ**

58 *Ольга Кан.* **СТИХИ**

стр. 30

«КУЛЬТУРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ»

№ 3 (15), сентябрь, 2014
(журнал выходит поквартально)

Учредитель журнала: Краевое автономное учреждение «Алтайский дом литераторов». Выпускается при поддержке Администрации Алтайского края и управления по культуре и архивному делу.

Адрес редакции и учредителя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Короленко, д. 73, тел: 63-48-80. E-mail: ak.culture@mail.ru

редакционный совет

Безрукова Е.Е. *(председатель совета)*
Вигандт Л.А. *(главный редактор)*
Галошин А.В.
Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Уразова В.А.
Царёва Н.С.

Дизайн, верстка — Четырина Н.П.
Корректор — Сигарева М.В.
Андрес издателя: ОАО «Алтайский дом печати», 656049, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28, тел. (3852) 638761, 637971, e-mail: zakaz@adp.alt.ru

Издание зарегистрировано в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ТУ 22 – 0201 от 30 декабря 2010 года.

Тираж: 2000 экземпляров.

Дата выхода в свет: 25.09.2014

Журнал распространяется бесплатно

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

«Мастер»: праздничность и масштабность

текст
ОЛЕГ КОВАЛЁВ

22 июля 2014 года в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 85-летию со дня рождения В.М. Шукшина, состоялась премьера музыкально-драматической сюиты для симфонического оркестра, солистов, хора и чтецов (по произведениям В.М. Шукшина и его современников) «Мастер».

Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина. Исполнение сюиты «Мастер». *Фото Александра Волобуева*

В одну реку нельзя войти дважды. Впрочем, организаторы концерта (или представления — не знаю, как точнее его назвать) скорее всего и не пытались повторить «Алтайский сказ», своего рода продолжением которого стал «Мастер», хотя в каком-то смысле, безусловно, опирались на успех предыдущего проекта.

На сей раз это была не столько премьера нового музыкального произведения, исполнение которого сопровождалось тщательно продуманным видеорядом, сколько литературно-музыкальная композиция, также приуроченная к юбилею — нашего знаменитого земляка. Шукшин был представлен прежде всего как писатель, хотя синтетический характер произведения не позволял ни на минуту забыть о разнообразии художественной деятельности писателя, режиссера и актера.

Праздничность и масштабность проекта подчеркивало участие в нем известного современного композитора Эдуарда Артемьева, а также приезд специально приглашенных звезд — Игоря Скляра, кстати, включенного в проект по предложению Артемьева, и Сергея Гармаша. Впечатляло количество исполнителей, присутствовавших на сцене: около 100 человек оркестрантов (расширенный состав), 35-40 человек хористов, большая группа драматических актеров из разных театров.

Как рассказал на пресс-конференции перед концертом дирижер Алтайской краевой филармонии и один из главных участников проекта Дмитрий Лузин, Эдуард Артемьев создал сложную, разноплановую партитуру, в которой сплавились традиции православных песнопений, русской симфонической музыки XIX века, русской лирической песни, где встречаются отдельные фразы из произведений Софьи Губайдулиной, отсылки к музыке Георгия Свиридова, Игоря Стравинского, в которой можно услышать даже звуки природы. Партитура Артемьева напоминает композицию в буквальном смысле этого слова. При этом струнные, по мнению Лузина, использовались композитором как солирующие инструменты, звучание которых должно восприниматься как голоса самой природы, а хор в произведении Артемьева часто выступает как инструмент, особая краска, что особенно хорошо чувствуется, когда хор поет без слов. В финале произведения, как символ России, звучит знаменитая тема из Пятой симфонии Чайковского.

И все-таки премьерное исполнение произведения оставляло впечатление: музыка отнюдь не главный персонаж этого значимого события в культурной жизни края. Наверное, так и должно быть — ведь произведение посвящено писателю, а значит, слово должно главенствовать. Итак, все законо-

Народный артист РФ Сергей Гармаш в роли Мастера. *Фото Александра Волобуева*

мерно и объяснимо, и тем не менее выскажем сожаление по поводу невозможности по-настоящему услышать и оценить музыку, тем более что ее не хотелось воспринимать только как фон — ведь это была не подборка эффектных популярных мелодий, а партитура, специально написанная для праздника и предлагающая авторский — композиторский — взгляд на личность и творчество Шукшина.

Скажем сразу, что мы приняли и замысел, и — в целом — его воплощение. Можно представить, сколько труда было вложено организаторами в данный проект, а поэтому надо прежде всего поблагодарить всех, кто принимал участие в работе и тем или иным образом содействовал его осуществлению. Назовем главных участников проекта: композитор Эдуард Артемьев, дирижер Дмитрий Лузин, руководитель хора Александр Тарнецкий, автор либретто Наталья Гончарова, режиссер-постановщик Олег Пермяков, создатель компьютерной графики и анимации Дмитрий Попов, автор идеи Елена Надточий.

Одним из участников уже упоминавшейся пресс-конференции была директор Алтайской краевой филармонии Елена Надточий. Она автор идеи, поэтому ее комментарий имел для собравшихся на пресс-конференции журналистов особую ценность. По словам Елены Леонидовны, авторы пытались показать Шукшина как шестидесятника, бывшего частью московской молодежной среды конца 1950–1960 годов. Отсюда — широкое обращение к творчеству современников Шукшина и, так сказать, актуализация проблемы контекста его творчества. На концерте слушатели имели возможность вспомнить песни периода молодости Шукшина — Владимира Высоцкого, супругов Татьяны и Сергея Никитиных. Звучали, кроме того, тексты Арсения Тарковского, Геннадия Шпаликова.

Можно только приветствовать такой подход к творчеству Мастера: эпоха Шукшина уходит все дальше в прошлое, и многое в его произведениях становится непонятным новым поколениям. А кроме того, в восприятии читателей, да и критиков, Шукшин часто оказывался вне контекста — как самородок, явившийся с гор Алтая и покоривший Москву своим талантом.

Один из вопросов, который обозначила Елена Надточий в своем выступлении на пресс-конференции и который тоже в какой-то мере раскрывал замысел организаторов проекта, касался уже не Шукшина, а судеб симфонической музыки и симфонического оркестра — прекрасного, но несколько консервативного (по крайней мере, в современной России) инструмента для исполнения музыки. Как будет выглядеть симфонический оркестр в будущем? — спрашивала себя и слушателей Елена Леонидовна и видела перспективу именно в синтезе разных традиций, стилей и жанров. В рамках такого синтеза задумывалось и юбилейное мероприятие.

Наверное, если и можно говорить о недостатках проекта, то они — оборотная сторона его достоинств. Это, на наш взгляд, прежде всего избыточность использованных средств — здесь было слишком много всего. Возможно, сказалось то, что у произведения не было автора — единой сильной воли, сплавляющей все многообразие текстов в одно целое. В итоге слушатель оказался один на один с этим множеством и скорее всего воспринимал все раздельно — и пение Игоря Скляра, и музыку, и видеоряд, и фотографии, и игру актеров. Да, у каждого свой Шукшин, и в какой-то степени удалось показать это многообразие взглядов, но из данного многообразия не складывалось целое. Приглашенные звезды, несомненно, подогревали интерес к проекту, но отнюдь не способствовали целостности впечатления. Появление Сергея Гармаша было встречено аплодисментами, однако его поведение на сцене вызывало скорее недоумение. В литературной композиции известный актер читал текст от автора, как бы изображая Шукшина или, точнее (ведь о внешнем сходстве никто не заботился), Мастера. В качестве основной была заявлена проблема творчества, поэтому в исполнении Гармаша Шукшин не был только Шукшиным — перед нами предстали муки Мастера вообще, Мастера как такового. Итак, актер изображал автора — Шукшина, внимательно всматривающегося в листочки рукописи, всегда погруженного в работу. Однако из зала это выглядело так — и, я думаю, большинство зрителей не могло отделаться от подобного впечатления, будто актер впервые видит свой текст, на ходу осваивает его и пытается запомнить.

В качестве кульминации спектакля, по-видимому, был задуман фрагмент из романа «Я пришел дать вам волю». Действительно ощущалось, что это кульминация. Однако восприятию мешала все та же переизбыточность: слишком большой фрагмент из романа, слишком громко, надрывно кричали актеры. Это был тот случай, когда вроде бы все делается правильно, и ты понимаешь это, но произведение странным образом не действует.

Но пусть не будут восприняты эти немногие критические реплики как попытка придраться к проекту и снизить его ценность. Любой сугубо хвалебный отзыв неизбежно воспринимается как пресный и неинформативный, а нам хотелось придать этой небольшой реплике хоть сколько-нибудь содержательный характер.

Кажется, и у слушателей, и у исполнителей в тот вечер было ощущение, что они являются свидетелями настоящего художественного события. И это замечательно: все собравшиеся в зале были с особым трепетом настроены на восприятие произведения, готовы к тому, чтобы пережить катарсис. Исполнители, по крайней мере, местные, были настроены на то, чтобы выложиться максимально. Неудивительно, что в зале то и дело светились вспышки сотовых телефонов, кто-то пытался снимать происходящее на сцене на видео, где-то непрерывно щелкала фотокамера, и в зале было, думается, немало людей, которых привлекло сюда не столько само произведение и желание его послушать, сколько стремление запечатлеть событие — либо в памяти, либо в цифре.

Моя встреча с Алтаем

текст
АЛЕКСАНДР ВАВЖИНЧАК

Когда в марте 2013 года я обнаружил в своей электронной почте письмо от коллеги из Алтайского госуниверситета, извещающее о шукшинской научной конференции, приуроченной к 85-летию великого писателя, режиссера и актера, я сразу понял, что мне предстоит совершить одно из самых интереснейших путешествий в жизни. Алтай, Алтайский край — эти слова многим европейцам, в том числе и полякам, ничего не говорят. Не каждый сможет даже определить, о какой стране идет речь. Однако, для тех, кто имел счастье прочесть хоть пару рассказов Шукшина, или увидеть один из его фильмов, или просто интересуется Россией, Алтай остается одним из тех мест, куда непременно стоит поехать. Так было и в моем случае, поэтому решение было принято немедленно.

Для европейца, живущего хоть и в большой, по нашим, европейским меркам, стране, поездка в Россию, в ее азиатскую часть — весьма серьезное мероприятие. Часто бывая в России, навещая родственников со стороны матери, зная более-менее особенности страны, я не страдал от стереотипов, согласно которым, пролетев над уральским хребтом, мне доведется попасть в какую-то глухомань, но все же испытывал определенные эмоции и подсознательную тревогу: что же мне предстоит увидеть и пережить в краях, которые я знал только по рассказам и фильмам Василия Макаровича Шукшина.

И вот наступило время поездки — сначала аэрофлотовским рейсом из Кракова в Москву, и после краткого визита к родственникам — ночной перелет в Барнаул. Город встретил меня солнечным и теплым утром, которое к 9 часам уже перешло в жару, сопровождаемую совершенно непривычной европейцу духотой. Первое удивление вызвала машина, на которой меня довезли до города. Руль с правой стороны вызывал ассоциации с Англией — и только потом я догадался, что в Японии тоже ведь левостороннее движение, а о популярности в Сибири подержанных японских машин пару лет назад писала даже польская пресса, смакующая описание всяких странностей российской повседневности — чем экзотичней и страшнее реалии, тем лучше. Отсюда, собственно, и берутся всякие стереотипы, влияющие даже на тех, у кого есть русские корни, и кто знает Россию лучше остальных. Что ж, от европейского сознания никуда не денешься, и даже я в первые секунды поездки из аэропорта в центр города подумал про себя: а дорога-то хороша!

Александр Вавжинчак. *Фото Олега Ковалёва*

В первый день мне не довелось осмотреть город — краткий отдых после перелета, а затем открытие шукшинской конференции. Среди участников — шукшиноведы из многих российских городов и вузов, а также зарубежные филологи из Казахстана, Латвии, Польши и США. Пленарная сессия прошла в здании филологического факультета АлтГУ, затем, после обеда, состоялся переезд в Бийск, на базу отдыха местного пединститута «Озеро Канонерское». Условия базы, расположенной среди лесов, способствовали совмещению научного семинара с летним каникулярным отдыхом — дискуссии и обсуждения рефератов участников, вышедших, кстати, в сборнике, изданном АлтГУ при поддержке администрации губернатора Алтайского края (в Европе гуманитарные науки редко могут рассчитывать на такую помощь!), проходили не только в зале заседаний, но и в неофициальной обстановке — на прогулках к озеру либо у вечернего костра. Даже очень влажная и днем особенно жаркая погода, а также засилие комаров не смогли испортить настроя в дружной международной филологической компании.

Бийск стал очередным сюрпризом. До поездки он представлялся мне маленьким провинциальным городком, тем не менее, мы прибыли в весьма крупный районный центр — с населением в 200 с небольшим тысяч жителей, он вошел бы в десятку крупнейших городов Польши. А что уж говорить о Барнауле, который по численности населения сравним с Вроцлавом, Гданьском или Познанью — крупными административными, промышленными и культурными центрами.

Знакомство с несколькими местными жителями произошло по одному и тому же сценарию. Услышав, что я приехал из Польши, они задавали один и тот же вопрос: а вы знаете, что в Бийске похоронен отец Ярузельского, вашего бывшего президента? Признаться, для меня это было новостью. О сибирской ссылке семейства Ярузельских, арестованных в июне 1941 года на территории аннексированной СССР Литвы, знают все, но то, что они оказались именно здесь, на Алтае, сперва в поселке Турочак, а позже в Бийске... А ведь именно отсюда начался новый виток в жизни молодого поляка — призыв в Красную армию, затем в созданную Первую армию войска польского, которая вместе с советскими войсками дошла до Берлина... После войны он вступил в ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) и сделал военную карьеру, а затем в 1981 году

возглавил польское государство. В сегодняшней Польше его деятельность оценивают весьма неоднозначно — одни не могут простить генералу введение военного положения в декабре 1981-го, считая сексотом, коммунистическим правителем и карателем, другие же признают его заслуги в процессе переговоров и мирной смены политического строя страны, а также выхода из орбиты влияний СССР и России. Эмоции, связанные с таким восприятием этой несомненно крупной исторической фигуры, выплеснулись и в июне нынешнего года, после ухода Ярузельского на 91-м году жизни. Предполагая возможность политических споров, протестов и демонстраций еще при жизни, с присущими ему скромностью и достоинством, генерал отказался от пышных похорон государственного уровня, предпочтя им воинские почести. Его воля была исполнена.

После окончания длившейся два дня конференции наступило время экскурсий и впечатляющих поездок. Первой из них стала поездка на известный курорт Белокуриха, куда участники конференции отправились на автобусе. Полтора часа в автобусе я с удовольствием «вкушал» виды, меняющиеся за окном, — бескрайние пространства степного Алтая поражали летним разноцветием и душистыми запахами хлебов и трав. Смотря в окно, я всей душой ощущал, что нахожусь на территории огромной страны. В восточном, западном, северном направлениях линия горизонта виднелась далеко-далеко, на десятки километров, и лишь на южной стороне все более четко вырисовывались горы Алтая, а скорее не горы, как мне объяснили, а предгорье, за которым и начинался настоящий горный Алтай.

Белокуриха встретила нас прекрасной, теплой, но не жаркой погодой и сразу же озадачила. Мы прибыли на вполне европейский горный курорт — здания санаториев, гостиниц, пансионов ничем не отличались от того, что можно увидеть в Европе, и даже в Польше. И вот тут я сразу решил проделать то, что делаю всегда в новых местах... и благодаря чему лично я ощущаю особенность того или иного места, а именно — попробовать местную воду. Те, кто говорит, что вода безвкусна — абсолютно не правы! Вкус у воды есть, и везде он разный. Сказано — сделано, и — да! Пресная, кристально чистая вода Белокурихи не подвела. То же ощущение природной чистоты я ощутил, вдыхая воздух на горе Церковке, кстати, там же впервые в жизни довелось наблюдать бурундуков в естественной среде: маленькие, красивые зверушки без страха принимали угощение из рук туристов — столь близкий здесь контакт человека с природой.

Только совершив поход по белокурихинским магазинчикам, ярмаркам, торговым палаткам, европеец понимает, что он попал на другой континент. Товарами из Китая его, конечно, не удивишь, но, например, одежда из верблюжьих шкур монгольского производства не оставит никаких сомнений: мы в Азии. К этому надо добавить огромное количество лечебных средств — травяных сборов, настоек, мазей, порошков — от любых недугов! Европейские экологи сошли бы с ума при виде продуктов животного происхождения. К счастью, гринписовских активистов в Белокурихе не наблюдалось.

В целом, Белокуриха произвела неизгладимое и абсолютно позитивное впечатление. Однако и следующий день был не менее впечатляющим. Поездка в Сростки, на малую родину Шукшина, — мечта любого филолога-русиста. Прибыв на место, мы с жадностью впитывали атмосферу крупного алтайского села, центральным местом которого является расположенный в здании старой школы музей писателя. Здесь органически слилось прошлое с настоящим — оригинальные интерьеры, класс, в котором учился будущий писатель, парта, за которой он сидел, собрания документов, издания его книг, оригинальные костюмы из созданных им фильмов соседствуют с аудиовизуальной частью экспозиции. Видно, что музей живой, ему не страшно стремительно бегущее время и изменяющиеся реалии, а это значит, что и у музея, и у всего, что хранит память о Шукшине, — светлое будущее. То же самое ощущаешь и в других зданиях музея — доме, в котором Василий провел детство и юность, а также в доме, купленном им для матери на деньги, полученные за публикацию романа «Любавины». Заходя в эти дома, оказываясь в реалиях крестьянского быта 30-х и 40-х годов прошлого столетия, а затем и в 60 — 70-х, невольно становишься сопричастным и алтайской деревне, и истории русской литературы в целом.

У Чуйского тракта мы пообедали, навестили торговые палатки, отведали вкуснейших сростинских пирогов, а затем отправились на гору Пикет. Был четверг, до главных юбилейных мероприятий оставалось два дня. На вершине горы, рядом с большим памятником В.М. Шукшину строили сцену, в воздухе витало предчувствие большого праздника. А в то же время людей практически не было, и можно было вдоволь наслаждаться прекраснейшими видами. У подножья горы расположились Сростки, с юго-запада огибаемые уже успокоившейся после июньского паводка Катунью, а вдали, в раскаленной июльским палящим солнцем дымке, подрагивали Алтайские горы. Вскоре мы спустились к реке, воды которой только начали приобретать свой легендарный бирюзовый оттенок. Вдоль берега видны были последствия недавнего наводнения — остатки хлама, принесенные водой, поломанные ветви деревьев, подмытые заборы и мусор — печальные, постыдные следы непродуманной деятельности человека. И в то же время пробуждалось понимание, что в этих местах суровая природа все-таки смогла найти точку соприкосновения с человеком, создать органичную связь, которая, несомненно, и позволила произрасти великому таланту Василия Шукшина.

В четверг вечером мы вернулись в Барнаул, и всю пятницу я посвятил экскурсиям по административному центру края. Как и везде, в любом городе мира, в Барнауле множество и положительных, и отрицательных черт. Городская жизнь бурлит, несмотря на знойную погоду: улицы многолюдны, большое движение на дорогах. Исправно работает транспорт, хотя мы — я и преподаватель Алтайского университета и член редакционного совета журнала «Культура Алтайского края» Олег Ковалёв — предпочли прогуляться пешком. Оказавшись в старых районах города, я испытал удручающие эмоции, что невольно стал свидетелем утраты городом своей истории — встречавшиеся изредка деревянные двухэтажные здания, по сути памятники русского деревянного зодчества, в большинстве своем находятся в упадке и, скорее всего, исчезнут из городского ландшафта. Для меня, жителя Кракова — города с тысячелетней историей, центр которого занесен в список исторических памятников человеческой цивилизации ЮНЕСКО, такое отношение к старинным зданиям просто немыслимо. Ведь это именно то, чем город мог бы привлечь туристов! Понятно, что для этого нужны средства —

АЛЕКСАНДР СТЕФАНОВИЧ ВАВЖИНЧАК

Родился в 1974 году в Кракове. Кандидат филологических наук, литературовед. С 2001 года преподаватель в Институте восточнославянской филологии Ягеллонского университета. Научные интересы: современная русская литература, кино, музыка, история и современность российских СМИ. Автор книг и статей по творчеству ряда современных русских писателей: Валентина Распутина, Василия Белова, Василия Шукшина, Владимира Личутина, Александра Проханова, Владимира Сорокина, Максима Кантора.

и не малые, к тому же я уже ранее отметил для себя заметную ангажированность краевой администрации в развитие культуры региона.

В Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая еще раз встретился с шукшинским наследием. Здесь размещается интереснейшая экспозиция «По шукшинским местам», идея создания которой состояла в сравнении с современными видами тех мест, в которых уже почти полвека назад снимал свои фильмы Василий Макарович. Некоторые сопоставления по-настоящему потрясали тем, что несмотря на годы они почти не изменились. Были и другие работы, на которых снятые в разное время места были абсолютно неузнаваемыми. Эта небольшая экспозиция несет в себе огромный багаж знаний о режиссерском и актерском таланте Шукшина, о современном ему Алтае, о магии кино, способном со временем становиться не только произведением искусства, но и документом, а также раскрывающая талант современных фотографов, создающих экспериментальные, завораживающие своей эстетикой фотоработы.

Напоследок кратко еще об одном, наверное, самом молодом музее Барнаула — Музее «Мир времени». Этот музей — частный, создан предпринимателем Сергеем Корепановым. Здесь собраны разнообразные экспонаты, связанные с очень широкой трактовкой времени, отображающие историю человечества, отраженную в эволюции природы, прикладном искусстве, предметах бытового использования. Здесь перекликаются разные эпохи, разные национальные культуры и цивилизации. Особенность музея состоит также в возможности дотронуться, рассмотреть вблизи любой экспонат. Думаю, посещение этого музея для любого может стать настоящим приключением, запомнившимся надолго.

И все же, самым главным впечатлением от этой поездки, как и от любой другой, остается опыт общения с людьми: открытыми, веселыми, доброжелательными. Они такие же, как везде, во всем мире, но в то же время — особые, неповторимые. Алтайские. И покидая Барнаул субботним утром 26 июля, наблюдая в иллюминатор за удаляющейся, исчезающей землей Алтайского края, я постепенно утверждался в мысли, что сюда не то, что стоит, а просто необходимо вернуться.

Поэзия или стихи?

В сентябре 2014 года вышли в свет три поэтических сборника молодых авторов. Они объединены одной книжной серией – «От имени моего». Название новому литературному проекту дал одноименный сборник стихов Вячеслава Мордвинова, который любители поэзии увидели немного раньше – в июле.

Идея новой книжной серии для молодых поэтов принадлежит руководителю Алтайской краевой писательской организации Анатолию Кирилину. Издатель, директор Алтайского дома печати Николай Герцен помог воплотить мечту в жизнь. Логотип серии придумал Николай Коротков. Редакторами сборников выступили Анатолий Кирилин, Владимир Коржов, Сергей Клюшников. Начинающих литераторов Елену Большакову, Артёма Деревянкина, Евгению Клинк, Вячеслава Мордвинова можно поздравить с первой книгой!

текст

ЭМИЛИЯ ХОМИЧ

Аккорд, рожденный стойким мастерством

Набрала традиционное название статьи «Поэзия молодых», и подумалось: «Не слишком ли велик аванс?»

В том смысле, что есть стихи и есть поэзия. Поэзия — это не привычка писать стихи и даже не постоянство в желании рифмовать и совсем не склонность к красивым метафорам. Кто-то из поэтов старшего поколения сказал, что поэзия — способ существования и биография. Подтверждение мудрости старших дает книжка стихов Елены Большаковой «На светлом фоне — темный силуэт». Хорошее контрастное название, обещающее поэтику цвета, синтез искусств. Кстати будет отметить, как неформально отозвался о стихах молодой поэтессы автор предисловия писатель Владимир Коржов: «акварельные, камерные и пластичные...» Не просто набор красивых комплиментов, а констатация старшего товарища по цеху — дорогого стоит.

Силуэт в названии и на обложке — многообещающий символ, который, я надеюсь, оправдает наши ожидания. Нельзя не заметить лирическое освещение сюжета, поэтическую семантику осени и метафору зимы, глубокий психологизм эмоционального фона.

Стихи предпочитают публичность, поэзия любит одиночество. Редкий случай, когда автору удалось избежать навязчивости его освещения. Поэтессе хватило вкуса не сделать стихотворение однопланом, не повторять известных интроспекций:

По осени бываю я
Пустой, затерянной и ждущей,
Как одинокая скамья
В тени сырой древесной гущи.
(«По осени бываю я»)

Поэтесса стремится к гармонии формы и содержания, как итог самостоятельной успешности рождается композиционный прием закольцованных строф:

Играя в шахматы с луной,
Я поняла, как одинока,
Как до раскаянья далеко,
И как нелепо быть больной,
Играя в шахматы с луной.

Погладив тишину по шерсти,
Я ощутила — есть тоска,
Но и она не так резка,
С каким отчаяньем не мерьте,
Погладив тишину по шерсти.

Доверив тайну темноте,
Была испугана напрасно —
В ней много тайн, как люди, разных.
И я вернулась к суете,
Доверив тайну темноте.
(«Полночные открытия»)

В каждом из трех пятистиший своя доминанта: одиночество, тоска, тайна.

Интригующая тайна усиливает психологизм состояния. На первый план выходит тема превратностей женской судьбы, но без домашних подробностей и клубнички. Само событие в прошлом, в настоящем — комплекс вины.

Было бы странно, не окажись у молодой поэтессы стихов о любви и ее спутницах: встрече, грусти, разлуке, печали и тоске. Обыкновенные для этой темы мотивы у Елены Большаковой оформлены «в привычном ритуале строгом», но без драматизма, надрыва и ложного пафоса. «С непредсказуемым итогом»:

И все по сердцу, по живью
В привычном ритуале строгом.
Любовь — сплошное «дежа вю»
С непредсказуемым итогом.
(«Нас ждут попутные ветра»)

В программном для вечной темы стихотворении «Любовь» Елена Большакова находит свою оригинальную форму выражения этого чувства. Чем менее драматично, менее страстно, тем достовернее ощущение боли, психологически убедительнее «грусть в морщинках над переносицей»:

Ничего о себе не зная,
Много думает, мало спит,
На порог выходит босая,
На случайный номер звонит.
С ней приблизиться к истине просто,
Легче действовать злу поперек,
С ней в соавторстве каждый апостол,
Ясновидец, учитель, пророк.
Мы ее раньше веры открыли,
С ней рифмуются все имена,
Рвется ввысь, а при сложенных крыльях
Превращается в дружбу она. («Любовь»)

В тексте каждого из двух последних примеров — своя реминисценция. В первом — строчка Степана Щипачёва: «...любовь — не вздохи на скамейке и не прогулки при луне». Во втором «выглядывает» Андрей Вознесенский: «...провожать необутая выйдешь». Два примера стихотворения одной реминисценции.

Молодая поэтесса получает удовольствие от игры словом, удачно найденной детали, от точного описания новой подробности. Обращает на себя внимание тщательно выверенный подбор рифм, оригинальная строфика и ритм, а также тонкая образная форма изложения истории своей любви. Автобиографический аспект, оттеняющий эту историю, подчеркивает ее достоверный характер, вызывает читательское доверие. Добавим к этому уважение критика за деликатное решение темы.

В женской лирике, как правило, автор отдает предпочтение интроспекции. Отдав должное традиции, поэтесса избежала ее навязчивого «звучания». Лирическая героиня тонко чувствует красоту, она искренна и откровенна:

Откровенна я, откровенна...
А когда я была другой?
Тайны личные тают мгновенно,
На прощанье махнув рукой ...
Безобидна я? Да, безобидна,
Демонстрируя силу и злость ...
Если слез моих тихих не видно,
Значит, мне их сдержать удалось...
(«Откровенна я, откровенна... »)

Действительно, не по-женски сдержанная лирика. Стихотворение, по сути, построено на конфликте не состоявшегося диалога, а потому все слова героини — слова вдогонку тем, кто не понял или обидел ее. И чеховская интонация в зарисовке свидания. Ретро темы любви чаще всего обрамляют лирические пейзажи. Бремя памяти уступает место эстетическим ценностям.

Медленно, величественно, плавно,
Белизна спускается с небес.
Одному напоминая саван,
А другому — кружева невест.

И когда поземка землю лечит,
Ей на раны чистый бинт кладет,
Думает один, что все конечно,
А другой — что скоро новый год.
(«Медленно, величественно, плавно»)

Мы с рассвета задуем свечи.
Память книжную перелистаем,
Повторюсь я женою в вечности,
Королева во мне растает. («Маргарита»)

Приятно иметь дело с образованным автором, каковым является Елена Большакова... Ее кредо: «Зло возможно, но на самом деле/Мир вокруг замешан на добре».

Более всего Елена Большакова дорожит своей оригинальностью: «...другой сюжет, другая суть во мне», и имеет право быть самодостаточной, как критик имеет право на сравнение.

Алый парус Евгении Клинк

Речь пойдет о дебютной книге Евгении Клинк «И жажда неутолима...». Набор тем почти совпадает с предыдущей книжкой. И главное состоит в том, что основная тема обоих сборников — тема любви. И оба случая интересны. Но все-таки случай Евгении Клинк особый. Любовь как тема многогранна, система ее мотивов не укладывается в школьные схемы анализа текста. У нее есть стихи «не по возрасту» драматичные или трагически пафосные. («Смотрю на мир усталыми глазами», «Стоя на краю», «Ты говоришь со мною в тишине»).

Одиночество любви, как водится в женской лирике, не знает вектора, потому нет развития темы на перспективу отношений. Они ретроспективны, то есть без будущего. Оригинально это выражено в стихотворениях «Убийственно тихо в простывшей квартире», «Звезды ярко светят. В эту ночь», «Дура». Диалог по теме строит сама героиня. Своеобразный риторический диалог с вопросами и репликами в одну сторону. Тем не менее, лирическая героиня Евгении Клинк более оптимистична, она мобильная и жизнестойкая, во всяком случае, в сравнении с героиней Елены Большаковой. Это не значит, что одна из них хуже или лучше, она — другая. У нее на душе тоска, в голове суицид, но она умеет, когда это необходимо, защитить себя.

Чувства ее переполняют, эмоции захлестывают. Разные темпераменты авторов по-разному тонируют тему одиночества — для Евгении Клинк «это просто, как солнце по кругу»:

Одиночество. Мир обреченный.
Это просто, как солнце по кругу. («Просто»)

«Я хочу о тебе, а пишу о себе и погоде» — это признание героини Большаковой можно брать эпиграфом к любовной лирике Клинк, настолько они совпадают в способах реализации темы. Склонная к глубокому психологизму, в лучших стихотворениях Клинк использует предметно-вещный и постситуативный психологизм.

Убийственно тихо в простывшей квартире —
Распахнуто настежь большое окно,
Играет приемник. В вечернем кафе
Концерт фортепьяно. Допито вино.

Мягкий элегический тон сменяется яркой экспрессией — в ней горечь пережитого и одиночество настоящего.

Но где-то на дне в опустевшем бокале
Увижу я прошлого памятный след —
Мы жили с тобою, мы горя не знали,
Теперь я одна, а тебя больше нет.

И сердце стареет, и в сердце усталом
Все пусто и выжжено горем дотла.
Я сделаю шаг, и бушующий ветер
Случайным движением жизнь оборвет,
Несдержанным криком закончится вечер,
А утро уже никогда не придет.

Несмотря на суицидное настроение («Убийственно тихо в простывшей квартире», «Стоя на краю»), замкнутый характер, лирическая героиня вполне адекватна к социализации, поэтому можно надеяться, что автор найдет другие формы выражения этого чувства. Хотя и сейчас уже имеется подсказка на выход из тупиковой ситуации: «распахнуто настежь большое окно», за ним — зимняя дорога, лес или город, но в любом случае — жизнь. Плюс к этому нужен выход поэтессы на социально-психологические проблемы, нужен интерес к жизни, а значит, нужны философские размышления «о времени и о себе». Можно по-другому разложить «фишки»: взять за основу гендерный принцип или путешествие во времени. Но прежде следует достать из подвала алый парус, стряхнуть пыль, зашить след прошлого («Приют несвершений»), потому что и Большаковой, и Клинк присуще романтическое мировосприятие, а его не спутаешь с брутальным авангардом. Поэтессы склоны к романтическому переосмыслению действительности. Обе любят ветер, февраль, «встречать рассвет и ночи проводить». Обе мучительно переживают комплекс вины, правда, им удается избежать самокопания.

В стихах обеих поэтесс много ярких метафор, литературных ассоциаций и реминисценций. Поэтессы начитаны и литературно образованы, однако при этом не застрахованы от ляпов и нелепиц, а также стиховедческих просчетов.

Например, в стихотворении Елены Большаковой читаем:

Не жду звонка. Его обманчив голос.
Такому вестнику от века грош цена.
Душа на две планеты раскололась:
Одна безжизненна, а на другой — война.

Ты их сроднишь, придя из ниоткуда,
И руку мне поселишь на плечо.
А мой, еще оставшийся рассудок
Слезами на обыденность стечет.

(«Не жду звонка. Его обманчив голос»)

Познакомьтесь: новый струнный инструмент от Евгении Клинк:

Ночь сыграла на струнах луны,
Я себя растеряла почти,
Натыкаясь на холод стены,
Я опять повторяю: «Прости».

(«Ночь сыграет на струнах луны»)

В стихах, о которых мы говорим, нередко встречаются строки случайные и невыразительные:

Я очнулась, взглянула несмело,
Лезет в окна холодный рассвет,
То не сон был, а я так хотела!
Потому что тебя рядом нет.

(«Я стояла одна на дороге»)

Замечания носят рекомендательный характер, а в целом обе книги достойны читателя.

За солнечным зайчиком...

В процессе чтения книги стихов «Между строк оседает душа» Артёма Деревянкина мне вспомнились слова Иосифа Бродского: «Поэзию пишут не оттого, что хотят рассказать какую-то историю или выразить идею, а оттого, что хотят услышать определенные звуки, слова, комбинации». «Услышать определенные звуки, слова, комбинации»? Это, пожалуйста, к Артёму Деревянкину. Бешеный темперамент, сумасшедшая раскованность, умопомрачительная рискованность. Нет, это не о Деревянкине. Это о его лирическом герое. Все это может спровоцировать сбой ритма, чревато неточной рифмой, неожиданной метафорой и даже цинизмом. Но есть одно неопровержимое оправдание — талант автора.

Понимая свои «обстоятельства», поэт желает объясниться и делает это с достоинством свободного человека:

Исповедуюсь, чтобы звучать
Оправданием дерзости юных:
Я поэзию стал ощущать,
Кровь оставив на лировых струнах!

(«Я сейчас поднимусь и скажу»)

Я прямотой пошел в отца,
Усмешкой в мать.
Не стоит любящим сердцам
Слова ронять.

(«Я жить хочу по чесноку»)

А самое главное: книга, о которой идет речь, — книга о любви, трепетной и трогательной. Нарочитая бравада порой эпатажных стихов не дает усомниться в искренности чувств. Для автора это прием самозащиты хрупкой любви. Поэт избегает ритуалов любви, вопросы ставит, что называется на ребро.

На нее в четыре глаза глядел,
Жалко, пятого Господь мне не дал!
Я о ней то песней ревности пел,
То венчальною минутой страдал.

(«Эта девочка, как юность, легка»)

Стиховая моторика «скоростная», характер лирического переживания за счет этого раскрывается динамично, риф-

мы отскакивают, как резиновые мячики. Катрены остроумные, афористичные и в меру ироничные. А заданный темп и некоторая скороговорочность — от избытка чувств, свойственного молодости. Не случайно любимый знак автора — восклицательный!

Мой язык загажен сплошь неологизмами
Молодежного жаргона и арго.
Но когда смотрю в глаза ее лучистые,
То мне кажется — я мыслю высоко.

Я бы мог сыграть ей Баха или Римского
Перебором трех аккордов без басов,
Потому что ее кудри золотистые
Мою душу раздевают до трусов.

Для нее душа горит, томится строчками,
Переваривая горькое былье.
Но судьба стреляет метко заморочками
И с души срывает нижнее белье.
(«Мой язык загажен сплошь неологизмами»)

В книге Деревянкина большое информационное поле. Любовь любовью, но у мужчины есть и другие важные дела. Однако, важнее важного то, что все освещено «солнечным зайчиком» любви. Нельзя обойти социально-психологические проблемы, на которые выходит автор во второй части книги. Он использует деталь, основанную на тонкой наблюдательности, благодаря которой персонажи узнаваемы и вызывают симпатию («Кондукторша», «Трудница», «Свадебно-циничное», «Козловы»). Характеристики, оценки и наблюдения даются с точки зрения современной молодежи, что само по себе уже ценно. Поэт находится в поиске оригинального образа, точной детали. Творческое воображение поэта неистощимо и зачастую заканчивается успехом. Несмотря на отдельные стиховедческие ошибки, случайные строчки и не к месту рифмы, стихи обещают дорасти до поэзии. У автора есть перспектива роста, как физического, так и творческого. К чести автора следует сказать, что он самокритичен и обладает здоровыми амбициями. Он жаден до впечатлений, постоянно в состоянии готовности — «минута и стихи свободно потекут». В таком состоянии рождается предчувствие поэзии.

Новое слово Вячеслава Мордвинова

Автор книги «От имени моего» Вячеслав Мордвинов предлагает вниманию читателей новое слово молодежной поэзии.

Новое слово прежнего пуще.
Оно уже есть и нет,
Как раннее солнце, несущее
Через ограду свет.

Возникло и дышит —
Жизнью полнится!
Кажется, тронешь рукой —
И пожелание тотчас исполнится
И обретешь покой.
(«Новое слово прежнего пуще»)

Стихи Мордвинова переполнены радостью ощущения родной природы: «Лесные дороги песчаные», «Ветра на небо тучи нанесли», «Шары огромных звезд». Стихов на эту тему в книжке значительно больше, чем я указала. Автор из тех счастливцев, кто смотрит на небо, и оно доверительно открывает свои тайны. Смотреть на небо вошло в привычку, а привычка — вторая натура. В нашем случае натура художественная.

Меняю взглядом облака —
Их путь бежит издалека.

На краю, там, где белая пена,
Где из озера вышла река,
Происходит неясная смена
Белой пены на облака.

Пейзажи окрашены лиризмом, они медитативные и соответствуют настроению автора.

Мы имеем пример медитативно-изобразительной лирики, когда пейзаж помимо эстетической функции несет еще философскую тенденцию к новым открытиям и их осмыслению. Пространство стихотворений разомкнуто. Лирическому герою в нем комфортно и радостно, это освоенное им пространство, он способен здесь чувствовать и мыслить, а его принимают и понимают:

И между снегом и водой, как между да и нет,
Качнется веточкой живой несорванный ответ.
(«Когда необходим простор и даже — высота»)

Смотрю за тающей кормой,
И слов молитвенный покой
Волна качает.
(«Все между нами может быть»)

Спасибо, мир, тебе
За то, что полон неги.
За бесконечный сон,
Сгорающий дотла.
За море синевы
И солнце на разбеге,
И что среди зимы
Так хочется тепла.
(«Как хочется тепла»)

Можно констатировать, что в сборнике стихов Вячеслава Мордвинова заявлен хороший творческий потенциал, который может не реализоваться, если автор не перестанет, извините, «косить» под метареализм. Да и влияние постмодернистской поэтики должно быть убедительно необходимым.

А теперь о лексических, стилистических ошибках и несоответствиях логического характера. Этого тоже значительно больше, чем я назову. Вот несколько примеров: «недвижный простор», «город, мелькнувший однажды во взоре», «замедление земли», «возникнет вдаль черта» т. д. и т. п. Такие недочеты не могут не портить общего впечатления. Но как бы то ни было, книга Мордвинова уже стала фактом литературного процесса: достоинства перевесили недостатки.

Радует и обнадеживает то, что молодые поэты находятся в поиске, что даже при общих темах каждый из них индивидуален и неповторим, каждый имеет свое мировосприятие и у каждого свой почерк.

Валерий Золотухин с земляками у входа в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Быстром Истоке

«Это был наш, крестьянский, мудрый-мудрый человек»

На Алтае выйдет в свет книга «Валерий Золотухин в воспоминаниях земляков»

текст
ДМИТРИЙ МАРЬИН

В 2016 году Валерию Сергеевичу Золотухину исполнилось бы 75 лет. Разум и сердце никак не могут смириться с необходимостью употреблять сослагательное наклонение в отношении этого замечательного актера, писателя, человека. Еще совсем недавно он отметил свой 70-летний юбилей на малой родине, на Алтае, вместе с земляками. И вот очередную юбилейную дату мы будем встречать уже без него...

Программа мероприятий по увековечиванию памяти Валерия Золотухина, разработанная Управлением по культуре и архивному делу Администрации Алтайского края, достаточно обширна, охватывает все сферы творческой деятельности актера и писателя. Свой посильный вклад в дело сохранения памяти Валерия Золотухина и популяризацию его творчества решил сделать и Алтайский государственный университет. В 2016 году будет издан сборник «Валерий Золотухин в воспоминаниях земляков», над которым уже сейчас работают университетские филологи.

С целью поиска материала для будущей книги 16 июля 2014 года состоялся выезд одной из студенческих групп факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии под руководством автора этой статьи в село Быстрый Исток — на малую родину Валерия Золотухина. Поездка осуществлена в рамках ежегодной диалектной практики. Студенты-второкурсники посетили дом, в котором прошли детские годы известного артиста и писателя (теперь здесь музей), церковь, построенную на собранные им средства, побывали в гостях у односельчан, близко знавших Валерия Сергеевича.

Главным делом поездки стали поиск и запись воспоминаний об известном земляке. Заметим, что сейчас не все быстроистокцы, близко знавшие Валерия Сергеевича, готовы рассказывать о нем. Кто-то наотрез отказался. Причины разные. Но за всеми ними стоит горечь внезапной утраты близкого человека. За несколько часов удалось побеседовать с десятью респондентами. Они рассказали много интересного о встречах с В.С. Золотухиным.

Нина Михайловна Боровикова, муж которой был учителем немецкого языка и классным руководителем Валерия, вспомнила, что будущий артист в детстве любил немецкий язык и частенько даже на других уроках мог блеснуть его знанием. Позже сам Валерий Сергеевич не раз рассказывал, что на съемках фильмов, где в кадре ему приходилось изъясняться по-немецки, консультанты-лингвисты

Фото предоставлены редакцией газеты «Ударник труда» Быстроистокского района

В селе Новопокровка Быстроистокского района. С казаками

всегда хвалили его за отличное произношение! Директор Быстроистокского историко-краеведческого музея Ирина Николаевна Дудникова хоть и не была лично знакома со своим именитым земляком, но не раз бывала на его творческих встречах, проходивших в родном селе, стояла у истоков музеефикации дома, в котором прошло детство Валерия Золотухина. Эти рассказы ценны для науки.

Один из ближайших друзей алтайского писателя и актера Виталий Дмитриевич Кирьянов, в усадьбе которого Валерий Золотухин останавливался во время своих приездов в родное село, охотно поделился воспоминаниями о знаменитом земляке. В саду Виталия Дмитриевича стоит гостевой домик, где жил Валерий Золотухин, беседка, где он встречался с односельчанами, баня, которую он очень любил и в которой однажды даже сфотографировался для глянцевого журнала. Кирьянова и Золотухина связывала не только двадцатилетняя дружба, но и общее дело. Виталий Дмитриевич руководил строительством церкви Покрова Богородицы в Быстром Истоке, средства на которую многие годы собирал Валерий Сергеевич и в ограде которой он, согласно завещанию, был похоронен.

Виталий Дмитриевич не только поведал несколько занимательных историй из жизни артиста, но и показал его автографы на подаренных книгах. Один из них, оставленный в сборнике золотухинских рассказов «Банька по-черному», гласит: «Кирьянову Виктору Дмитриевичу от Валерия Золотухина! Виктор! Услышим ли мы звон колоколов нашей церкви при жизни? Давай! Храни тебя Бог! В. Золотухин. 26.07.01. Барнаул». Автограф замечательный, прежде всего, вот чем: «Виктору» здесь вовсе не опечатка, а интересная и характерная для Золотухина lapsus calami. Однажды в дарственной надписи, адресованной автору этой статьи, сделанной на титуле первой своей книги (повесть «На Исток-речушку, к детству моему», изданная в 1978 году «Молодой гвардией»), мэтр ошибся, назвав меня Владимиром Дмитриевичем! И лишь поставив точку, понял свой промах и сделал соответствующий постскриптум. Да, он довольно часто путал имена, как видим, даже близких ему людей. Уверенно могу сказать, что происходило это совсем не от забывчивости, невнимательности или безразличия. Золотухин жил в мире театра, образов и ролей, и каждый знакомый ему человек являл собой отражение этих образов и типажей, как-то по-особенному для артистического сознания запечатленных в имени. Наверное, так.

Запись бесед с респондентами велась на диктофон, и теперь студентам-филологам предстоит расшифровка и первичное лингвистическое описание текстов, так как наряду с главной целью нужно было решить и другую: зафиксировать диалектные особенности речи быстроистокцев. А вниманию читателей нашего журнала мы предлагаем отрывок из воспоминаний Виталия Дмитриевича Кирьянова.

В заключение хочется напомнить, что сборник «Валерий Золотухин в воспоминаниях земляков» — не единственный книжный проект по увековечиванию памяти актера и писателя из Быстрого Истока. В 2016 году в рамках второго этапа губернаторской издательской программы увидит свет новое собрание сочинений Валерия Сергеевича Золотухина в трех томах.

Валерий Золотухин со своим учителем Владимиром Степановичем Фоминым

***

Из воспоминаний Виталия Дмитриевича Кирьянова:

«Мы с Валерием близко познакомились в 1994 году. Хотя знали друг друга и раньше, где-то с конца восьмидесятых. А в 1994-м я учился в Академии управления при Президенте, в Москве, на «Юго-Западной». Встретились как-то с нашими, алтайскими ребятами, кто там тоже учился. Зашел разговор про Золотухина: он тогда только начал деньги на церковь собирать. Все говорят: «Надо делать!» И я поддержал. Мне тогда и сказали: «Поезжай к нему, договорись, будете вместе вопросы решать. Он — здесь, ты — там». Вот я и приехал к нему на Таганку. Посидели, обговорили некоторые моменты. С тех пор мы с ним довольно плотно работали все эти годы, почти двадцать лет. Ну и пошло: он — в Москве, я — тут. До 2000 года у нас ничего не получалось. Фонд для нас создавали и Гайдар, и Чубайс. Кого только не было, все правительство России! Но не шло дело.

Когда он приезжал сюда на Алтай в девяностые (он любил на Алтай ездить!), тогда не было такого, чтобы машину выделяли — в Сростки съездить, еще куда-то. Я его на своей машине встречал. Мы в Сростки выезжали. По друзьям, по знакомым. Останавливался часто в Белокурихе, там давал концерты, потом еще книжками своими торговал. «Все в жертву памяти твоей», о Высоцком. Я ему помог тысячу томов туда привезти. Еще друзья его приезжали. Вместе смеялись, шутили, торговали книгами. А строительство церкви все время на уме у нас было. Но то одно наметим — не получается, второе наметим — не получается, третье — не срастается. Потом уже в 2000 году Валерий приехал и сказал: «Все! Давай что-то делать! Хоть первый брус туда привезем!» Они тогда с Ириной Линдт дали концерт и заработали первые сто тысяч. Ездили по райцентрам. Лето, жара! Как раз тогда Золотухин с Молодежным театром стал работать. И пошла стройка! Потом помог Аман Тулеев, губернатор Кемеровской области. Затем и тогдашний губернатор Сан Саныч Суриков. Так с трех мест поступили деньги, и мы начали в тот год строить. Завезли брус, и пошло! Ну, а когда началась стройка, то и другие помогать деньгами стали. Из Москвы даже. Так за два года мы и сложили церковь. Когда начали строить, я в Барнауле работал. Пришлось оставить работу, в Быстрый Исток вернуться. У меня тут дом был. Потом, когда церковь построили, батюшки долго у нас не было. Я опять вернулся в Барнаул, там уже на пенсию ушел. Опять сюда вернулся.

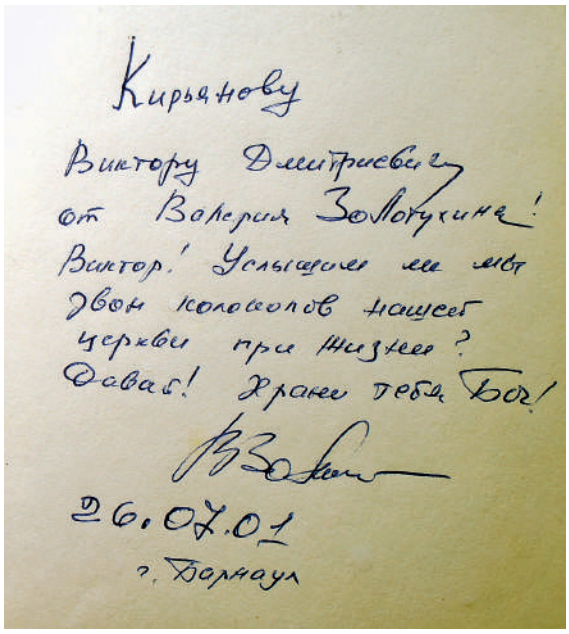
Когда Валерий Сергеевич приезжал в Быстрый Исток, то все время жил здесь, у меня. Ночевал всегда в маленьком домике (показывает рукой на второй дом в усадьбе). Очень много фотографий сделано в этой беседке. Летом всегда кофе здесь пил. Друзья приходили, знакомые — всех здесь принимал. Иногда стулья еще выносили. Так мы и жили.

Много путешествовали. Много ездили. По краю много ездили. На Шукшинские чтения. Там вот «девятка» стоит — на ней. Последние годы в селе Валерий реже бывал, все больше в Барнауле, в театре. Он

сам уже много раз в Молодежный театр прилетал. Загорелся идеей строительства нового театра, потом Покровский фестиваль... Я, зная его загруженность, суперзагруженность (у него в дневнике на полгода каждый день расписан! Валерий был трудоголиком. Без работы просто не мог! Если дела нет, то обязательно найдет!), думал: «Ну, зачем эта еще нагрузка умственная, физическая, перелеты?!» Жалко мне его было. Ругался на него, бурчал. «Зачем, — говорю, — тебе это надо? В один месяц надо с Алтая в Москву прилететь. Из Москвы на Камчатку. С Камчатки в Москву, потом в Грозный. Из Грозного опять сюда. И еще под Киевом в "Ефросинье" сниматься! Плюс еще худрук театра на Таганке, плюс еще здесь в Барнауле! Ну, разве можно так!» Отдыхать он вообще не умел. Понятия даже такого не имел. Позагорать, покупаться — у него не было такого. И ведь много по свету летал. А спросишь его: «Ну, вот во Франции ты же был? Ну, что там?» Ничего не помнит! «Из Японии прилетел?» — «Пятый или шестой раз». — «Ну что там-то?» — «Ну, цивилизация еще выше стала!» И все. Ничего не помнит. Потому что все в работе всегда был. Мы один раз поехали за медом

с ним в Солонешенский район. Белый мед солонешенский мы там покупали всегда. Приехали, пока мед, туда-сюда, решили мы в Денисову пещеру съездить. По дороге остановились. А мы на «Ниве» ехали, его брат Владимир Сергеевич за рулем был. Постояли. Говорим: «Ой, как хорошо!» Валерию: «Вот ты поездил везде, как тебе наша красота?» А он стоял-стоял, кепку свою рукой приподнял, говорит: «А я ведь в природе-то ничего не понимаю! И ведь, правда, красиво! Я только сейчас понял!» То есть

Автограф Валерия Золотухина, оставленный в книге «Баньки по-черному» для Виталия Кирьянова. *Фото Дмитрия Марьина*



Кирьянову
Виктору Дмитриевичу
от Валерия Золотухина!
Виктор! Услышишь ли ты
звон колоколов нашей
церкви при жизни?
Давай! Храни тебя Бог!
26.07.01
г. Барнаул

Виталий Кирьянов. *Фото Дмитрия Марьина*

он все время в работе, в работе и в работе был. Потом как-то он концерт давал ребятишкам в пионерском лагере под Бийском и рассказывал им, что на велосипедах надо туда, в Денисову пещеру, ездить, что там самый древний человек, наш предок жил... Старшее поколение знает его по фильму «Бумбараш», а в лагере он спросил: «Вы знаете, в каких я фильмах играл?» А они неожиданно: «Знаем! Бочку со спиртом когда с Евдокимовым пили!» («Не валяй дурака, Америка!»). Я ему и говорю: «Вот тебе и "Бумбараш!"»...

Гимнастику он всегда делал. Эта стойка его на голове меня вывернула! Каждое утро! Вот он приезжал, походный у него чемоданчик был. Каждое утро у него начиналось с молитвы, маленький иконостасик у него был, свечечка там горела. Молитвы читал. На ночь тоже молился. Зарядку делал, стоял на голове, потом дыхательную гимнастику. Ругались мы на него за стояние на голове! Но уж привычка у него была такая!

Он всегда с удовольствием ехал в Быстрый Исток. Бывало, на ночь он приезжал. Два года назад. Приедет, просто переночует и поехал дальше. Последние годы удобно было. В театре когда он стал работать, «Волгу» ему купили. Не надо было бегать искать машину, как раньше. Для него пять — шесть часов в машине — ничего! В машине он спать мог. Мы однажды его в Междуреченск везли к родне. Он на заднее сиденье лег и в Междуреченске проснулся только! Он в самолете спал. Попросит, ему найдут место, где лечь можно, — и спит! При таком ритме жизни он всегда находил минутку поспать-отдохнуть. Ложился рано спать. В 10 часов вечера уже спал. Мы всех тут ругали, чтобы расходились по домам, не мешали. Но и вставал рано, раньше всех. Вот в том доме он жил. Встанет рано, сам все делал. У него кофейничек был электрический. Он варил себе кофе. Термосок у него был всегда с собой. Яблоко, мед всегда с собой, сыр всегда с собой. Любимый банан. Никого не беспокоил. Мы тут пока располокаемся, смотришь, а он тут сидит или гуляет по саду. Каждый день он писал свои дневники, что случилось за день. <...>

Никому никогда не отказывал, если автограф попросят. Не грубил. Никогда не говорил, что занят. Бывало, я чувствовал, что опаздываем, поторапливал его. А он: «Подожди! Нельзя же человека обидеть!» Еще и сфотографируется. Это был наш, крестьянский, мудрый-мудрый человек...

Последние годы много о Быстром Истоке думал. Мечтал, чтобы ночью в селе фонари на улицах светили. Газ хотел провести. Ходил с просьбами к руководству. Помогал местным жителям. Но не осуществилось. И для Алтая многое старался сделать. Очень сильно свой край любил. Переживал, если засуха была. Вот случилась беда у нас эта (наводнение — М.Д.) не знаю, как бы он перенес. Разрывалась бы его душа.

Вопросы никогда второпях не решал. У него была большая житейская мудрость. Житейская большая, но обыденная, бытовая была простота полная. Его обмануть могли на ходу, обворовать. Бесконечно всем верил!

О болезни своей он не догадывался. Ничего не показывало. Мы последний раз с ним виделись в ноябре, в Москве. А в декабре он уже захандрил. Потом я позвонил ему на Новый год. Когда уже заболел, я позвонил, ему поднесли трубку к уху, чтобы он просто слышал меня.

Как увековечить его память? Есть память-то! Церковь, построенная им! Помню, когда уже открыли церковь, он походил по ограде и спросил: «Ну, где меня похоронишь?» И так каждый раз, когда приезжал, спрашивал. Воля его исполнилась... Покровский фестиваль — тоже хорошая память. Сейчас взялся за это Барнаул, Управление по культуре. Думаю, теперь серьезные коллективы будут приезжать к нам. Валерий хотел, чтобы в его родном селе люди увидели настоящий театр. Книги надо его издавать. Сейчас многое в Интернете, но настоящая книга все же ценнее».

АНДРЕЙ КОРОБЕЙЩИКОВ

СВЕТЛЕНИЕ

Барнаул, 2014

Последнее творение Коробейщикова обозначено как эксперимент не только с формой, но и с содержанием. Эксперимент с формой заключается в следующем: автор, в традициях Милорада Павича, структуру романа делает сообразно изображению стрекозы. Такой концепт, конечно, добавляет в роман немного экзотики, но, все же, стрекоза в качестве структуры кажется большой натяжкой.

Визуальное оформление романа обращает на себя внимание: возникает ощущение, что иллюстрации, не выдержанные в единой эстетике, и эпиграфы (от слов из песни группы «Моральный кодекс» до Парацельса), каждый из которых занимает отдельную страницу, нужны лишь для увеличения объема произведения, который со всеми уловками доходит до 240 страниц.

От несуразностей оформления можно переходить к несуразностям содержания.

Автор допускает небрежность при подаче речи персонажей. Забавно читать, как внук и дед спорят друг с другом на одном сленге. Например, старый дед сетует: «Сегодня Радугу уже напрямую связывают с ЛГБТ. А ведь когда-то это был чистый символ».

Дотошный читатель заметит и несостыковки в хронологии исторических событий. Вряд ли во время Второй мировой войны в русской захолустной деревеньке могли знать об антибиотиках, когда сам пенициллин начали производить в СССР только в 1942 году.

В книге практически отсутствует действие, лишь первая часть «Русские не сдаются!» может претендовать на вялый, но экшен. Все остальное — монотонные рассуждения рассказчика или пространные диалоги, сливающиеся во все тот же монолог.

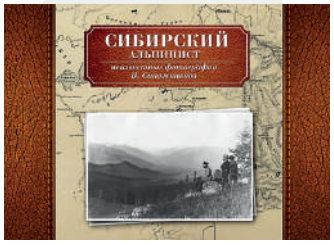
Коробейщиков создает в «Светлении» мифологию, где светлая сторона — ведуны уральско-алтайской традиции «акан», а темная — «мангысы» и «чужаки».

Книга, по сути, имеет два финала — хороший и плохой. Читателю решать, что ему ближе. И тут как на распутье: налево пойдешь — ребенка потеряешь, направо (хороший финал) пойдешь — «аканом» станешь. Трудно отделаться от мысли, что выбором читателя манипулируют, навязывая светлое будущее победившего «аканизма».

Нельзя не заметить благородный порыв, с которым написано «Светление». Вера автора в чистую детскую духовность, а также в силу русского человека всегда будет встречаться читателем неравнодушно, с благосклонностью. Подкупает и доверительная интонация, с которой повествует Коробейщиков, — дискурс без циничной иронии, литературных витиеватостей, все прямо и просто. Впрочем, эти же особенности могут быть и не в пользу автора. Прожженному читателю доверительной интонации будет недостаточно, и концептом со стрекозой тут не отделаешься.

Автор подготовил себе алиби от любой критики: по логике романа любая хула в адрес «Светления» будет рассматриваться как козни «мангысов», пытающихся утаить правду от жителей Земли. В таком случае, критику остается надеяться на то, что хотя бы сам автор осознает, что это произведение — «очередная сказка».

Александр РЫЖОВ.



СИБИРСКИЙ АЛЬПИНИСТ

Редактор-составитель
Антон Ужакин

Барнаул, 2014

Композиция текстовой части «Сибирского альпиниста» напоминает «Героя нашего времени»: несколько независимых рассказчиков, из статей которых мы узнаем новые и новые сведения о некогда знаменитом, но подзабытом путешественнике — современнике и коллеге Пржевальского, исследователе Монгольского Алтая, ученом европейского уровня, профессоре Томского университета, его ректоре, министре народного просвещения в правительстве Колчака... Будто «зум» фотоаппарата, сильная оптика приближает к нам исследователя, в «осколках разбитого зеркала» — душах алтайских ученых — мы видим, как проступает лик человека необычайно увлеченного, фанатика, но, как требуют законы жанра, необычайно закрытого, и, вероятно, по рангу и «градусу» политической карьеры знавшего довольно многое...

Холодок набегает на читателя, когда автор биографического очерка об ученом Антон Ужакин описывает дорожную, случайную встречу экспедиции Сапожникова с экспедицией Козлова. «О чем могли говорить в то время профессор университета и кадровый офицер Генерального штаба?» Тайна за семью печатями. Впрочем, как сказать. Монгольский Алтай — предмет интереса Сапожникова — как всякая неколонизированная территория представляла для Российской империи и стран сопредельных огромный экономический интерес. Сапожников сумел изменить сложившиеся стереотипы современных ему ученых относительно этой горной страны, описать ее флору и фауну, сделать 10 тысяч фотоснимков, малая часть которых публикуется в настоящем издании.

История обретения чемоданчика с фотопластинами, рассказанная Альфредом Поздняковым, читается, как хороший детективный рассказ. Заслуга Антона Ужакина — автора книги — в том, что почти каждому снимку из наследия Сапожникова он сумел найти исчерпывающее описание в книгах исследователя, хрониках его путешествий и по многим фрагментам рассказа идентифицировать нужный снимок, привести их в соответствие. Работа гигантская, работа колоссальная и научная.

Константин ГРИШИН.

Розмари Титце: «Я всегда хотела заниматься чем-то экзотическим...»

Недавно Барнаул посетила известная переводчица Розмари Титце. Ей принадлежат переводы на немецкий язык произведений Льва Толстого, Владимира Набокова, Андрея Битова, Евгения Попова, Гайто Газданова, Петрушевской, Горина, Житкова и многих других.

РОЗМАРИ ТИТЦЕ / ROSEMARIE TIETZE

Родилась и выросла в Шварцвальде (Баден). Изучала театроведение, славистику и германистику в университетах Кёльна, Вены и Мюнхена. Стажировалась в Москве (ГИТИС).

Переводчик прозы и драматургии (Аксёнов, Битов, Горин, Житков, Набоков, Пастернак, Петрушевская, Е. Попов и др.), доцент Мюнхенского института иностранных языков. Проводит выступления с русскими авторами, статьи, радио- и телепередачи о русской культуре и об искусстве перевода, семинары по художественному переводу и по дидактике перевода.

Инициатор и председатель немецкого фонда переводчиков художественной литературы (Deutscher Übersetzerfond). Лауреат премии им. Фосса Немецкой Академии Языка и Литературы, премии города Мюнхена и др.

Живет в Мюнхене.

Фото Константина Гришина

Фрау Титце побывала в исторической части Барнаула — у Демидовского столпа, на улице Ползунова, посетила могилы Ядринцева, Штильке и Геблера в Нагорном парке. В интервью Розмари («Друзья называют меня Маша») рассказала о сфере своих переводческих интересов и том, чем же так пленила переводчицу Россия и отечественная литература.

— С чего началось ваше знакомство с русской культурой?

— Я всегда хотела заниматься русским языком, хотя мой родной городок смотрит на Францию, на Рейнскую долину. Мне хотелось заниматься чем-то экзотическим, чем никто не занимается. Может быть, на мои пристрастия повлияло знание о том, что мой отец пропал без вести. Остался в России.

По специальности я театровед. Сначала училась в Германии, потом два семестра в Вене. Там я стала заниматься русским языком, оттуда впервые поехала в Москву и продолжала заниматься славистикой в Мюнхене. К концу учебы попала в официальную программу обмена и год стажировалась в Москве, в ГИТИСе. Тогда я поняла, что хочу заниматься русским искусством, переводить русских авторов.

— А чем вас покорили «шестидесятники» Битов, Попов? Почему вы избрали для перевода именно их?

— Семидесятые годы, когда я начала читать русскую литературу в оригинале, было их время. Мой первый большой перевод — Аксёнов, «Поиски жанра». Я очень люблю эту книгу. К поздним вещам отношусь прохладнее. Но «Поиски...» — необычайно свежая книга, в ней изощренная литературная игра, современное понимание жизни. Меня увлекла переводческая задача: передать игру слов, создать аналог разговорного языка, городского сленга, который вообще не фигурировал ни в каких словарях! Проблема в том, что в западной Германии тогда выпускали в основном то, что было уже переведено в ГДР, задешево покупая права. Найти свою нишу было тяжело. Я долго искала. И добилась возможности издавать свои переводы. За книгу «В поисках жанра» боролась более двух лет.

— Как бы вы охарактеризовали манеру Битова, Попова одной фразой?

— Одной фразой не могу. Битовым я стала интересоваться где-то в середине семидесятых. Случайно мне попала в руки его книга «Уроки Армении». Я подумала: это мой автор. Но оказалось, что книга уже переведена в ГДР. Но я настырно предлагала издателям Битова, сама составила книгу из его коротких вещей — в восьмидесятые. И первая битовская книга в моем переводе вышла в 1990 году. Видите, какой путь! Я живу в текстах Андрея, и не могу говорить о них с должной дистанцией. Мне близок разговорный подтекст его фразы, притом, что мысли он передает достаточно сложные.

— Часто его мысль похожа на змею, которая кусает свой хвост.

— Абсолютно точно! Такая спиралевидная. Что меня привлекает в русских авторах — они контактны, отвечают на мои вопросы более-менее терпеливо. Битов иногда немного бастует. Когда работала над «Пушкинским домом», его немецкий перевод уже вышел, он был сделан с американского издания, в которое не вошли битовские комментарии. Я убедила издательство в том, что необходим новый перевод. Тем более что прежний был не совсем удачен, над ним работали двое переводчиков. Когда я работала над «Пушкинским домом», мы с Битовым два раза встречались. Есть и в Германии,

и в Швейцарии такой «дом творчества» для переводчиков, со своей библиотекой, где можно сидеть и работать. Битов приезжал, его туда приглашали. Мы каждый день обсуждали текст. Я спросила: «Могу ли добавлять мои комментарии в текст твоих комментариев?» И он согласился! По мотивам моих вопросов он добавил новые комментарии в «Пушкинский дом». Получилась игра, совсем в духе этой книги.

— А какие еще есть способы получить реальный комментарий, кроме встреч с автором?

— Переводя Аксёнова, я обращалась к нему лично. И Василий Павлович объяснял мне джазовый сленг. Долго пришлось искать подходящие эквиваленты на немецком языке. Я ведь не общалась с музыкантами! И, наконец, нашла композитора, который многое мне объяснил. С «Анной Карениной» было еще интереснее — я искала человека, который в совершенстве знал язык охотников. Меня познакомили с настоящим фанатиком этого дела, не чуждым переводческому ремеслу. Мой немецкий словарь, благодаря этим беседам, стал разнообразнее и богаче.

— Переводя Попова, вы наверняка не были знакомы с реальностью, которую он описывает: эти сезонные рабочие, бичи...

— Это Евгений Анатольевич был на редкость терпелив *(улыбается)*. Ведь еще в советское время я ездила в Москву и встречалась с авторами. Мы вообще с ним много смеялись — по поводу нелепого выступления одного немецкого критика... Я выпустила «Душу патриота» и позже сборник рассказов Попова. Особенно сложны оказались рассказы, нелегко было подобрать соответствующий языковой материал. В Германии тоже есть деревенский сленг, но он у нас в основном на диалекте. О чем смеялись? В одной из швейцарских газет вышла рецензия, писали: «...книга интересная и всё такое, только непонятно, почему опытная переводчица подбирает слова из абсолютно разных языковых пластов, ведь у Попова это просто разговорный язык?» Когда я пересказала это Попову, он очень смеялся.

«По России я стала путешествовать, когда это стало возможным — с 1990 года, но ранее я выпустила антологию сибирских рассказов. Читала «Сибирские огни», местные журналы конца 1970 — начала 1980-х. И мне удалось убедить руководство Союза писателей СССР в Москве, чтобы нашей маленькой группе (нас было пятеро) разрешили поехать на Байкал. А сейчас я путешествую по России свободно. Я была на Сахалине, на Соловецких островах. Начиная с 10-го класса, с учебника русского языка, я мечтала о походе на байдарке, и я его совершила»

— Вы перевели на немецкий девять книг Андрея Битова. Не кажется ли вам, что в последние годы он пишет свободнее, стилистически небрежнее?

— Свободнее — действительно. Если говорить о последней книге «Преподаватель симметрии», то Битов писал ее много лет. Он не похож на Толстого, который упорно обновляет и переписывает свои книги. Андрей долго обдумывает прозу, а пишет в один присест и потом даже не хочет перечитать текст. В «Преподавателе...» было несколько логических нестыковок между частями — то, что обычно обнаруживает редактор. Они выявились во время нашей дискуссии, и Андрей сделал свою редакцию. В начале книги сказано, что немецкое издание отличается от русского.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Сейчас я готовлю к выпуску кавказскую прозу Толстого в одном томе. Уже договорилась с сотрудниками музея Толстого в Москве, и они сказали, что я могу работать у них в библиотеке. Я поеду туда с вопросами, я их измучаю *(смеется)*. Работа идет сложно. Взять хотя бы «Казаков» — к обычным сложностям художественного перевода добавилась проработка этнографической информации: как объяснить то, это, и так, чтобы вышло не слишком сложно. Кроме того, я сейчас работаю над переводами Газданова. Я, можно сказать, открыла его немецкому читателю — до меня перевели всего два рассказа. Перевод «Призрака Александра Вольфа» хорошо продавался в Германии, это был успех. Тираж достиг 30-50 тысяч экземпляров.

— У него колдовская проза, многие удивляются: «Почему Набоков, а не Газданов?»

— Эта магия стиля и заинтересовала меня. Кажется, она сохранилась и в переводе. Когда книга вышла, в газетах были ну просто гимны: «Как, как же мы не знали такого писателя!» В феврале вышел перевод романа «Вечер у Клэр». Но немецкие читатели отдают предпочтение «Призраку...». Русским нравится «Вечер у Клэр». Не знаю, почему это так.

Беседовал
Константин ГРИШИН.

Иван Сорокин. Весна в деревне. 1954. Холст, масло. 38х78. *Все фото предоставлены ГХМАК.*

Шукшинская выставка

В Государственном художественном музее Алтайского края прошла выставка «О человеке, добре, о зле, о красоте», посвященная 85-летнему юбилею Василия Макаровича Шукшина.

текст
НАТАЛЬЯ ЦАРЁВА

Слова, вынесенные в название выставки, взяты из публицистической прозы Шукшина — очерка «Как я понимаю рассказ». «Нет писателя без искренней тревожной думы о человеке, добре, о зле, о красоте», — пишет наш земляк. Размышляя над сказанным, можно с уверенностью добавить, что нет и не может быть в России настоящего художника, не живущего этими же чувствами. Наглядным подтверждением стали произведения классиков отечественного искусства второй половины XX века, отобранные на выставку из обширной музейной коллекции.

Скульптура, живописные полотна и графические листы, представленные в экспозиции, созданы в 1950–1980 годы художниками – современниками Василия Макаровича. Почти все авторы в те годы были еще достаточно молодыми людьми, а сегодня они — заслуженные мастера, народные художники, академики, лауреаты самых престижных премий в области изобразительного искусства.

Один из экспонентов выставки — классик советского искусства член-корреспондент Академии художеств Василий Нечитайло. Он принадлежал к «герасимовскому» выпуску Московского государственного художественного института (МГХИ им. В.И. Сурикова), в котором в то время преподавали Игорь Грабарь, Борис Иогансон, Григорий Шегаль, Сергей Герасимов. Московская школа живописи развивала студентов в стиле высокой реалистической живописной культуры, умения мыслить пластически, приобщала к богатству мировой эстетической традиции. В мастерских царил культ живописи.

Алексей и Сергей Ткачёвы. Лето. 1970. Холст, масло. 103х147

Всю жизнь художник Нечитайло писал только то, что «видел образно, то, что пережил сердечно, что отложилось в его душе, о чем он не мог не писать». Местом, где родились лучшие работы мастера, был Переславль.

Он пишет поэтическую русскую провинцию, с подлинным восторгом воссоздает на своих полотнах жизнь и быт маленько-

го городка. Переславль называют отечественным Барбизоном. Здесь находится дом творчества «Дача Кардовского», где с незапамятных времен аккумулировались свежие силы искусства. Переславльские места стали источником поэтических откровений для многих прославленных мастеров живописи. На выставке в художественном музее представлена работа Нечитайло «Март в Переславле» (1971).

«Более всего мне дорог высокий гуманизм русской художественной школы, гуманизм, возведенный в степень этической нормы», — так высказался другой выпускник Суриковского института Владимир Гаврилов. Как и Нечитайло, Гаврилов постоянно работал с натуры, писал пейзажи, натюрморты с особым только ему присущим «гавриловским настроением», находя и воплощая его даже в самом простом и обыденном мотиве. Именно так написан «Вечерний натюрморт». Знакомый многим художникам столик с деревянной скамьей в одном из уютных уголков дома творчества «Академическая дача». Это место по-своему историческое. Здесь тихими летними вечерами собирались художники, обсуждали творческие замыслы, обменивались впечатлениями, шутили. Незаметно подкралась осень и привычное место преобразилось. Дворик залит мягким светом ранних осенних сумерек, уже зажегся свет в окне соседнего дома. Легкая серовато-серебристая воздушность окутывает предметы, омытую дождями и ветрами посеревшую от времени столешницу, черного кота-бродягу, понуро сидящего на скамейке, забытый кем-то белый эмалированный чайник. Гармонично и мягко передает художник настроение спокойного философского созерцания вечерней тишины, навевая мысли о скоротечности жизни.

Большинство из представленных на выставке работ музей показывает впервые. Более пятидесяти лет в запасниках музея хранился пейзаж лауреата Государственной премии им. И.Е. Репина, академика, народного художника России Ивана Сорокина «Весна в деревне». Высоко отзывался о творчестве Сорокина один из патриархов отечественного искусства Семён Чуйков, писавший о мастере: «Пейзажи Сорокина не только красивы, но глубоко содержательны, серьезны и образны. Они пробуждают в зрителе хорошие, благородные чувства и доставляют эстетическую радость». В скромной по размерам, всего 38x78 сантиметров, работе художника, принадлежащей ГХМАК, чувствуется то главное, что отличает творчество Сорокина: национальный склад мышления, душевность мотива и изысканный, буквально импрессионистический, хотя и сдержанный колорит.

Радостью жизни исполнены работы братьев Сергея и Алексея Ткачёвых. Четыре холста: «Лето» (1970), «В поле. Самолеты летят» (1953 – 1954), «Прачки», «Первая зелень», дают зрителю полное представление о творчестве художников: темпераментного, обладающего острой живописной манерой Сергея и лиричного, тонкого живописца и рисовальщика Алексея. В центре внимания художников, выросших в селе, — русская деревня. Герои их картин — реальные люди, современники, родные, друзья, соседи. Вместе с тем, художники стремятся к созданию типических образов, в которых воплощается национальный характер. Через призму деревенской жизни, обостряя явления и характеристики персонажей, используя художественную деструкцию, Ткачёвы передают правду времени. Бытовые сцены сельских будней обретают у Ткачёвых бытийное начало. Обращение художников к сельской тематике сближает их творчество с актуальными в 1960 — 1970 годах тенденциями в литературе, которые развивают писатели, названные критиками «деревенщиками», — Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин. Они дают новый взгляд на силу и правду людей, живущих на земле.

Графические работы занимают в экспозиции отдельный зал. В выставочном пространстве представлены произведения графиков из Барнаула: Владимира Раменского, Александра Потапова, Юрия Кабанова, Владислава Туманова; из Санкт-Петербурга: Галины Молчановой, Давида Боровского, Андрея Ушина; томской художницы Лидии Лапиной, москвичей Игоря Шилкина и Олега Закоморного. Самый молодой участник выставки Олег Закоморный, кстати, автор запоминающегося карандашного портрета В.М. Шукшина, известен алтайскому зрителю еще и как автор памятника «Его величеству крестьянину», установленного на Октябрьской площади в Барнауле. Российские мастера уникальной и печатной графики, как и живописцы, обращаются к вечным для нашего искусства

Владимир Гаврилов. Вечерний натюрморт. Холст, масло. 160x120

темам. На языке графических техник, которые представлены карандашным рисунком, офортом, цветной линогравюрой, литографией, бережно пересказывают они сюжеты, связанные с рабочими сельскими буднями. В кратком обзоре выставки, к сожалению, невозможно остановиться на всех авторах и работах, но не сказать о скульптуре в данном случае просто нельзя.

В нарочито грубоватой народной манере решены скульптурные работы мастеров из Екатеринбурга и Санкт-Петербурга. Яркие образы Бориса Рыжкова («Баня»), Вениамина Сидоренко («Самолет», «Наша мама», «Жили-были дед да баба») решены просто и убедительно и вызывают не только улыбку, но и, как все произведения, представленные на выставке и созвучные творчеству Василия Макаровича Шукшина, приглашают современного зрителя к размышлениям о духовно-нравственных основах человеческого бытия.

Владимир Панов. Иллюстрации к драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад». 1. Арбенин. 2. Нина и Шприх. 3. Арбенин после ухода неизвестного. 1958. Бумага, тушь

Из собрания ГХМАК

К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

ГРАФИЧЕСКАЯ ИНСЦЕНИРОВКА «МАСКАРАДА»

В собрании Государственного художественного музея Алтайского края хранятся иллюстрации к драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

В творчестве Лермонтова находили вдохновение талантливые музыканты, актеры, художники, среди которых множество великих имен. Ге, Врубель, Иванов, Репин, Серов, Суриков, Васнецов, Кустодиев, Лансере, Фаворский создали иллюстрации, являющиеся шедеврами мирового искусства.

К драме Лермонтова «Маскарад» обращались художники разных школ и поколений. Первая иллюстрация к произведению была выполнена в 1864 году Александром Игнатьевичем Лебедевым. В 1891 году в связи с пятидесятилетием со дня смерти поэта в свет вышло двухтомное издание М.Ю. Лермонтова с великолепно исполненными рисунками Леонида Осиповича Пастернака.

В собрании Государственного художественного музея Алтайского края представлены работы Владимира Петровича Панова. Графические листы являются дипломным проектом художника, выполненным им по окончании Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова.

Для создания дипломных иллюстраций к литературному произведению подающему надежды художнику предоставили целый учебный год и отдельную мастерскую. Защита дипломного проекта состоялась в 1958 году, а в 1961 — работы были переданы в художественный музей Алтайского края. Это обложка и титульный лист книги, 14 иллюстраций к ключевым моментам драмы М.Ю. Лермонтова: «Князь Звездич и неизвестный», «Нина и Шприх», «Нина и Арбенин, возвещающий о ее скорой смерти», «Арбенин после ухода неизвестного» и др.

Произведения Владимира Панова представляют собой графическую инсценировку «Маскарада». Обращаясь к традиционному истолкованию литературного произведения средствами психологического рисунка, автор заостряет сценичность лермонтовского текста, переводя ситуацию в мизансцену, диалог — в жест, красноречиво передающий всю полноту эмоций, переживаемых действующими лицами. Работы интересны и разнообразны по композиции, их отличает точность изображения бытовой обстановки, что еще в большей степени роднит листы Панова с искусством театра.

Выразительна линия художника. Изысканно округлая, скользящая в исполненном чистой одухотворенности облике Нины Арбениной, она становится причудливо изогнутой, витиеватой в изображении Адама Петровича Шприха (иллюстрация «Нина и Шприх»), которому Лермонтов устами князя Казарина дает нелестную характеристику:

...да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации,
сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком,
везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё,
в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником —
безбожник,
С святошей — езуит, меж нами —
злой картежник,
А с честными людьми —
пречестный человек...

Следуя за сюжетом, автор достаточно полно раскрывает образ Евгения Александровича Арбенина, демонстрируя всю гамму чувств, переживаемых главным героем драмы. Тяжеловесно-монументальная в начале фигура Арбенина в конце повествования становится бесформенно-беспомощно-опустошенной. Наиболее близка характеру литературного произведения иллюстрация, где рядом с мужчиной, подходящим к двери, мы видим его тень, нарочитая осязаемость которой служит выражением сумрака, овладевшего душой и рассудком Арбенина (иллюстрация «Арбенин»).

Работа над иллюстрациями к драме М.Ю. Лермонтова была продолжена Владимиром Петровичем Пановым в последующие годы. На новом этапе автор главным средством выразительности выбрал цвет. Рассуждая о профессии художника книги, он писал: «Совсем другие задачи стояли во время созданий иллюстраций к «Маскараду» Лермонтова. Ни о какой «приглушенности» здесь не может идти и речи: нужны напряженный цвет, контрастные тени, резкий свет; понадобится едва ли не вся палитра красок!» В 1983 году вышло в свет красочное издание драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» с цветными иллюстрациями Владимира Панова.

Оксана СИДОРОВА

/ Целина — 60 лет

ЦЕЛИНА ФЁДОРА ФИЛОНОВА

Фёдор Филонов. Зябь. *Фото предоставлено ГХМАК*

Фёдор Андреевич Филонов (1919 – 2007) родился в Рубцовском районе Алтайского края и его по праву можно считать художником-летописцем эпохи освоения целины.

В 1959 году Филонов создает цикл «Алтайская целина», выполненный в технике тушь-перо. Отличительной чертой этой редко встречающейся в наши дни техники является то, что освещение, объем и материальность предметов передается через тон и художник должен достаточно точно определить и передать на листе тональные и световые отношения. В XIX веке в этой технике работал Иван Шишкин, а затем его ученик Григорий Гуркин. Филонов, постигая секреты мастерства, копировал перовые рисунки Гуркина. В своих работах художнику удалось развить перовую технику.

Ясность и точность тоновых отношений, выверенность композиционного построения, виртуозность линий отличают серию работ Фёдора Филонова из цикла «Алтайская целина». Четко прорабатывая первый план, художник находит точную меру обобщения второго и третьего планов. Он удачно сочетает горизонтальные и вертикальные линии, дающие ощущение спокойной безграничности полей, с диагональными линиями, оживляющими композицию рисунков, создающими в них определенную динамику. Работы цикла документальны и правдивы. Художник внимателен к деталям, и потому картины воспринимаются как подробная «запись» увиденного.

В середине 1950 годов, работая с натуры, Филонов часто обращается к технике акварели, для которой характерны большая оперативность. Акварелью выполнены и работы художника 1980 годов, в которых он вернулся к местам освоения целины («Краснощековские степи» (1981), «Поля Калманки» (1986), серия «Алейская степь» (1981 – 1982) и др.).

В акварельных работах ярко проявился дар Филонова видеть и передавать красочное многоцветие. Исполненные легко и свободно, акварели передают остроту впечатлений от непосредственного восприятия природы. В них художник мыслит большими пространствами, сочетая их на тонко найденных градациях различных цветов и объединяя единым сложным колоритом. Поля Алтая — главный мотив в работах художника, однако Филонов не повторяется, каждый раз создавая новые в эмоциональном плане полотна: «Первые всходы» (1982), «Алейские степи», «Степь алтайская» (1982), «Копны соломы» (1985), «Убранное поле» (1986).

Тема освоения алтайской земли и преображения ее просторов в плодородные нивы нашла отражение и в живописных работах Фёдора Андреевича. Среди них такие произведения, как «Вечер на целине» (1954), «На целинном току» (1955), «Зябь» (1962).

«Вечер на целине» — это картина-новелла, раскрывающая перед нами особенности жизни целинников. Без пафоса, достоверно и интересно показывает художник сцену, взятую непосредственно из жизни. И в этой простоте и незамысловатости заключается ее обаяние и ценность.

В лучших традициях русского реалистического пейзажа выполнена картина «Зябь». Полотно наполнено эпическим звучанием: красива и величава возделанная человеком земля. Эту работу можно назвать одной из лучших в творчестве художника и в целом всего алтайского искусства 1960 годов. В ней есть все: одухотворенность и живописная свобода, бережное отношение к натуре и внимание к передаче состояний световоздушной среды.

Тонкий, проникновенный пейзажист (тематический и лирический пейзаж — его основной жанр), очевидец освоения целинных и залежных земель Фёдор Андреевич Филонов воспевал в своих произведениях красоту степного Алтая.

Елена ДАРИУС

/ *85 лет со дня рождения Владимира Муратова*

ИСКУССТВО, РОЖДЕННОЕ В ОГНЕ

Владимир Сергеевич Муратов (1929–2005), художник по стеклу, керамике и эмали, принадлежит плеяде знаменитых земляков наших. Его имя хорошо знакомо любителям русского декоративно-прикладного искусства.

Владимир Муратов. Утро. Синий петух. Декоративная пластика. 1995. Стекло цветное, дутьё ручное, гутная техника, налепы.

Фото предоставлено ГХМАК

Владимир Муратов родился в селе Хмелевка Сорокинского района (теперь Заринский район).

«Искусство, рожденное в огне», — так определял свое творчество народный художник РФ Владимир Муратов, и именно так решено было назвать выставку, приуроченную к его юбилейной дате.

В 1965 году, окончив Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной по классу стекла, Муратов начинает работать художником хрустального завода в городе Гусь-Хрустальный. Через несколько лет он становится известен как автор великолепной стеклянной скульптуры, как мастер гутной техники, когда изделие изготавливается вручную непосредственно возле стекловарной печи при помощи стеклодувной трубки и умелых рук.

На заводе Муратову приходилось участвовать в выпуске как простой бытовой посуды, сувениров, так и многопредметных ансамблей, скульптуры и монументально-декоративных объектов, которые во многом определяли тенденции и пути развития художественного стекла в нашей стране. В руках художника стекло и хрусталь превращались в образцы высокого искусства.

Владимир Муратов. Золотая зима. 2003. Медь, горячие эмали.
Фото предоставлено ГХМАК

Владимир Муратов отдал хрустальному заводу больше тридцати лет. Сегодня без преувеличения можно говорить об эпохе Муратова в гусевской школе художественного стекла.

В 1990 годы старейший в России Гусевский хрустальный завод переживает трудные времена. На заводе начались сокращения. Среди уволенных оказался и Муратов. У художника не было больше возможности творить в стекле. «Естественно, вначале я очень переживал, долго не находил себе места, ведь на заводе прошла вся моя жизнь, — говорил Владимир Сергеевич, — но с обстоятельствами необходимо бороться. Тем более если есть силы, душа полна творческого горения, — все это надо было использовать сполна. Я не раскис и не сник, а стал искать новые возможности для работы». В годы, когда мастеру было уже за 60, в его творчестве появилось новое направление — художественные эмали. «Я страстно увлекся эмалью, — вспоминал Муратов, — прямо-таки влюбился в нее! Какая прекрасная, богатая техника, какие возможности!» Эмаль так же, как и стекло, рождается в огне. Талантливый художник очень быстро нащупал путь к образной выразительности в новой для него технике, и на художественных выставках засияли его эмали!

Из многочисленных путешествий по стране и по миру Владимир Муратов привозил акварели. «Акварельная поэтика» — так говорят об этих удивительных работах художника. Они отличаются утонченным колоритом, легкостью и артистизмом. Акварельные работы Муратова обладают самостоятельной художественной ценностью. Некоторые из них стали эскизами к эмалям.

Произведения Владимира Муратова можно встретить в коллекциях всех ведущих музеев нашей страны, а несколько работ попали в знаменитый музей Корнинг в Америке, где собраны лучшие образцы стекла от Древнего Египта до наших дней, и в музей стекла в японском городе Осаке.

Государственный художественный музей Алтайского края также располагает богатой коллекцией работ Владимира Муратова. На выставке «Искусство, рожденное в огне» представлены: искрящийся хрусталь, декоративные скульптуры из цветного стекла, живописные эмали, акварели.

Жизнь большого художника была полностью отдана искусству. Он не умел жить без него. Выставка «Искусство, рожденное в огне» — это дань памяти и еще одно признание в любви нашему великому земляку на его малой родине.

Надежда ФОМИНА

Аркадий Казанцев. Времена года. 2002

Фото Александра Рыжова

/ Арт-галерея «Бандероль»

НОВЫЕ ЗЕМЛИ АРКАДИЯ КАЗАНЦЕВА

Этим летом арт-галерея «Бандероль» разместила в своих стенах выставку с латинским названием «Terra Arcadia», которая открывает посетителям многомерный мир графического искусства Аркадия Казанцева.

Аркадий Казанцев, в прошлом ученик Владимира Раменского, ныне преподаватель Новоалтайского художественного училища и член объединения «Сибирская школа ксилографии». С выставками СШК работы Казанцева путешествовали по крупнейшим городам России, а также побывали в Китае.

Аркадий Казанцев. Ночной праздник в волшебном саду. 2013. Смешанная техника

Фото Александра Рыжова

Персонально художник выставляется не так уж часто, поэтому «Terra Arcadia» по задумке должна была получиться выставкой-резюме, визитной карточкой для тех, кто видит искусство Казанцева впервые.

Выставочное пространство, заполненное графическими листами Аркадия Казанцева, напоминает штудию со всевозможными образцами техник (недаром в НГХУ он преподаватель-многостаночник, рисунок, живопись, композиция, компьютерная графика — его предметы). Аркадий предоставил «Бандероли» произведения в технике офорта (обычном и цветном), линогравюры, ксилографии (торцовой и обрезной), коллографии. По-особенному в экспозиции смотрелась серия «Тотемы» (2012), выполненная в технике модульная гравюра на изопоре (это, кстати, самый простой и доступный в финансовом плане способ печати крупного формата).

Автор чаще предпочитает работать в технике офорта, очень богатом разнообразными фактурами и модификациями. В цветном офорте «Парк Сибелиуса» (1996) использованы техники резерважа и акватинты. На выставке также представлены офорты травленым штрихом и офорты белым штрихом. Тонкой, ажурной вязью штрихов, сотканных в красивый аллегорический образ, выделяется произведение «Времена года» (2002). Эта работа своей искусностью отсылает к классическим офортам немецких и голландских мастеров.

Графика Казанцева также разномастна и в уникальных техниках. Охват — от рисунка пером до цифровой графики.

Содержание выставки составляют минималистичные натюрморты, пейзажные рисунки и, конечно же, большое количество иллюстраций к произведениям разных авторов.

Одно из главных достоинств иллюстраций Казанцева в том, что в них ощущается уникальный хронотоп, перенесенный из литературного текста на изобразительную плоскость. В иллюстрационные произведения Казанцева погружаешься охотно, прямо-таки с читательским интересом.

С творчеством Аркадия Викторовича теперь можно знакомиться не только на выставках. График недавно проиллюстрировал шеститомное собрание сочинений Георгия Дмитриевича Гребенщикова, которое вышло в свет в рамках губернаторского издательского проекта. Эту масштабную работу художник выполнил при помощи цифровых редакторов (на которые сейчас переходят почти все современные художники-иллюстраторы).

Выставка «Terra Arcadia» открыла для нас и «новые земли» Аркадия Казанцева. Центр экспозиции заняли яркие по колориту живописные работы в смешанной технике. Казанцев начал новую главу в своем творчестве. Немного отстранившись от реализма и от литературных образов, он выстраивает мир, возникший из ностальгии по искусству прошлого века. Полотна «Коровья луна» (2013), «Берегиня» (2013) вызывают аллюзии на живопись художников модернизма Марка Шагала, Пабло Пикассо и др. Новое направление в творчестве Казанцева рождает ощущение волшебства, очаровывает фантазией.

Отличительной особенностью искусства Алтайского края являются сильные художники-графики. Аркадий Казанцев — это, безусловно, важный игрок нашей основной сборной по печатной графике.

Александр РЫЖОВ

Пиргельди Широв. Летняя кухня. Холст, масло

Окно в Азию

текст
ЛИДИЯ ЗИНОВЬЕВА

В выставочном зале Союза художников с 5 по 29 июня проходила международная выставка «Азия: образ открывается».

Охватить одной выставкой самую крупную часть света, где проживает больше половины населения Земли, практически невыполнимая задача. Но организаторы и не стремились к этому: достаточно приоткрыть лишь окно в Азию, чтобы уловить ее пряные ароматы.

Художники пяти стран — России, Монголии, Индии, Китая и Японии — принимали участие в выставке. В основе экспозиции — полотна алтайских мастеров на азиатскую тематику: Екатерины Дёмкиной, Елены Волковой, Николая Острицова, Пиргельди Широва, Василия Тебекова, Сергея Дыкова и организатора выставки Ларисы Пастушковой. Большинство авторов получили в свое распоряжение по отдельному залу, что создало впечатление путешествия от одного художника к другому, как из страны в страну. Залы объединили полосы холста с простыми листами бумаги, на которых твердой рукой Елены Волковой были выведены цитаты Рабиндраната Тагора, Сергея Дыкова, Ларисы Пастушковой, Догэна, Кобаяси Исса и других.

Экспозицию открыли фотографиями Василия Савченко, на них – спокойные лица тибетцев, сочные пейзажи Индии. Екатерина Дёмкина представила реалистические пейзажи «мест силы», где человек и его творения теряются на фоне великолепных гор.

Зал Елены Волковой светился благодаря перламутровым краскам по шелку. Она экспериментирует в традиционных японских техниках, тонко чувствуя восточную эстетику. Особого внимания заслуживает серия «Японские вертикали»: этнические зарисовки предметов быта с кратким описанием их применения. Зрителей выставки удивили абстрактные композиции из морской капусты. Елена Волкова — со всех сторон нетипичный алтайский художник: исследователь другой культуры, «реалист изнутри». Две части триптиха «Свободное дыхание дзен» — музыкальные, ритмичные работы, полностью выдержаны в японской стилистике.

«Летняя кухня» Пиргельди Широва, картина крупного формата, наполнена тщательно прописанными деталями восточного быта. В ней мы отмечаем особую стилистику Широва, художник использует вкрапления бирюзы, розового, пастельных тонов. Это одна из

Сергей Дыков. Предок рода Мунгус. 2012. Холст, акрил

Екатерина Дёмкина. Непал. Катманду 2011. Холст, масло. *Все фото предоставлены автором*

самых запоминающихся работ выставки, не только благодаря формату, но и атмосфере, от нее исходящей. Зритель, привлеченный теплом южного солнца и запахом специй, невольно входит в пространство картины и с удовольствием хозяйничает на летней кухне. Хочется взять турку, притягательно оставленную на столе, и налить кофе; заглянуть под крышку казана, источающего аппетитный пар: что тут томится, плов? Хочется устроиться на мягких подушках рядом с хозяйкой и наслаждаться игрой солнечного света, пейзажем, единственным днем бытия.

Лариса Пастушкова выставила работы разных лет. Каждое ее полотно — маленькая порция впечатлений от путешествия для дегустации зрителем. Азиатские девушки, яркий куст, случайное дуновение горячего ветра: запечатлено что-то одно, размашисто и броско. Ощущение передается цельно и захватывает тебя хоть на секунду, но полностью.

Горный Алтай представляли Василий Тебеков и Сергей Дыков. Тебеков в свойственной ему манере раскрывает свои графические образы как переплетение мелчайших деталей. Дыкову был отведен последний зал. Его картины нечасто выставляются в нашем городе, они стали кульминацией выставки. Дыков — один из самых загадочных алтайских художников, он является представителем сибирской неоархаики. Этот стиль подразумевает освоение художником обширной этно-мифологии алтайцев и использование национальных символов в художественных работах. Сергей Дыков смотрит вглубь: его охота — это ритуал, его женские образы — архетипы, а природные явления имеют свое мифологическое объяснение и первопричину. Ритмика фигур и цвета на эмоциональном уровне сообщают нам о том, что происходит на картине. «Приближение грозы» состоит из напряжения синего и красного, как и «Осеннее моление...», но в последней работе есть еще и динамика, переплетение образов.

Елена Волкова. Тот самый энсо. Шелк, краски по шелку, краски по стеклу, поталь

Монголию воспел в акварели Дамдин Гантулга: широкие выжженные пространства выражают спокойствие и смирение. Кроме того, на выставке присутствуют работы монголов Гамбатора и графика Зоригт Уянги.

Вся выставка — результат разноплановой работы Ларисы Пастушковой. Открытие сопровождалось выступлением йога, а на закрытии в зале развернулся небольшой восточный базар, где звучали металлические чаши. Елена Волкова раздавала всем желающим образцы своих каллиграфических росчерков. В витринах расположились предметы декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, привезенные из экспедиций по Японии, Индии и Китаю. Самое видное место в зале отвели огромному слону из индийских подушек – инсталляция Валентины Редько. Экспозиция дополнена привезенными из путешествий индийским батиком и шелкографией, образцами китайской каллиграфии художника Ли Фэнь, работами Шань Жень Сы Ву, члена Союза художников Китая. Разноплановость представленных работ не создавала впечатления хаоса, но скорее — продуманной и цельной мозаики, где каждый элемент является своеобразной точкой зрения на многогранную Азию. Очень интересный опыт — аукцион по продаже нескольких работ с выставки, подобных акций не было в Барнауле больше двадцати лет.

«Мариша» из Шипунова и серебряный век

В Шипуновском краеведческом музее хранится портрет девочки, он способен вызвать к жизни судьбы многих известных людей искусства.

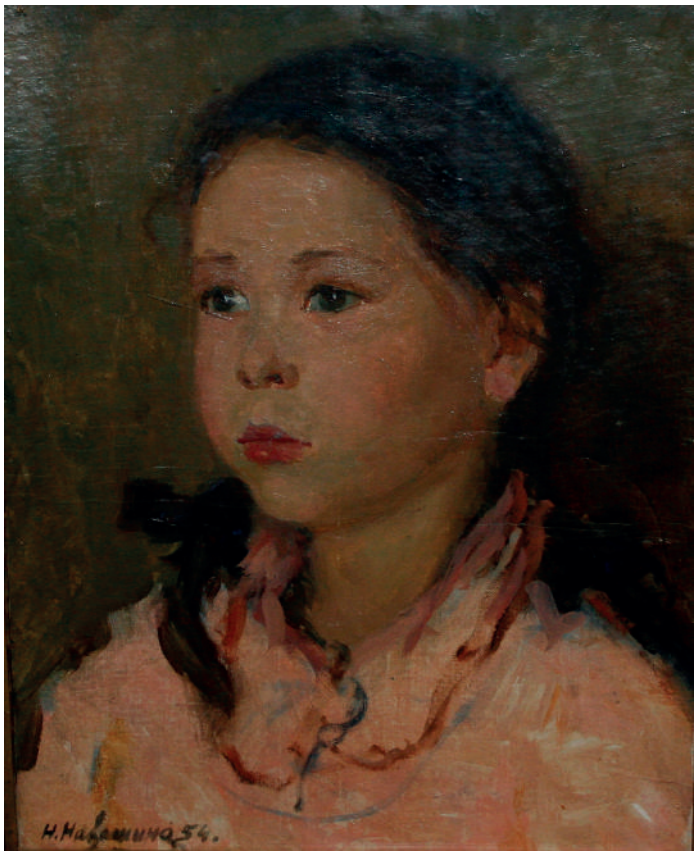
текст
ГАЛИНА БАТЮК

Из глубины темнеющего полотна любопытно вглядывается в нас девочка. Игриво сияют ее черные глазки-бусинки; тонким, нежным румянцем подернуты щечки; ярко алеют пухлые, вздернутые губы. Все дышит в этом портрете очарованием и неуловимой прелестью детства. Причудливо сплетаются в ней озорство и серьезность, задумчивость и непоседливость. Кажется, пройдет еще минута-другая и терпеливое, сосредоточенное выражение личика сменится на милую гримаску, девочка вскочит и со вздохом еще раз скажет художнику: «Ну, долго еще?» Кто ты, милая девочка? Чья рука так любовно запечатлела тебя во времени? Как сложилась твоя судьба?

Как бы мало мы ни знали о мастере, создавшем портрет, чувствуется уверенная рука профессионала-художника, продолжателя традиций русского реализма, тяготеющего не только к передаче индивидуальных внешних черт, но и стремящегося раскрыть внутренний мир портретируемого, неуловимый трепет и движение человеческой души. Своеобразной подсказкой становится для нас подпись художника «Н. Навашина» и год написания картины — 1954, а также некоторые сведения, полученные из инвентаризационной карточки экспоната, согласно которым полотно, поступившее в Шипуновский музей в 1981 году из запасников города Москвы, называется «Мариша».

Судьба может быть не только у людей, но и у картин. Полотно действительно принадлежит кисти известной московской художницы Натальи Петровны Навашиной-Крандиевской. На картине она запечатлела свою восьмилетнюю племянницу Марину Файдыш.

Наталья Петровна родилась в 1923 году в Москве в семье с богатыми интеллектуальными и художественными традициями.



Наталья Навашина-Крандиевская. Мариша. 1954. Холст, масло. *Фото предоставлены автором статьи*

Удивительная и своеобразная культура первой трети двадцатого века, в том числе и литература серебряного века, хоть и пользуется довольно большой популярностью в наше время, все же представляется нам неким историческим явлением. То, что для нас история, для художницы Навашиной-Крандиевской — настоящее, культурная среда, которая ее взрастила и определила художественный вкус и стиль дальнейшего творчества. Она принадлежит к тому поколению, которое было отделено от Маяковского и Цветаевой одним рукопожатием. Она принадлежит к тому поколению людей, чья жизнь и облик составили своеобразный и уже, увы, неповторимый феномен русской творческой интеллигенции. Через семью Крандиевских прошли судьбы Вячеслава Шишкова и Константина Паустовского, Елены Булгаковой и Беллы Ахмадулиной; прошли, то едва затронув, то оставив глубокий след.

Род Крандиевских значительно обогатил русскую культуру конца XIX – начала XX века.

Бабушка художницы по материнской линии Анастасия Романовна Крандиевская была известной для своего времени писательницей, о таланте которой благожелательно отзывались Горький и Чехов. Дед Василий Афанасьевич был книжным издателем и популяризатором литературного творчества; этот Крандиевский выпускал журнал «Бюллетень литературной жизни». Их дочь Надежда станет знаменитым скульптором, в Школе живописи, ваяния и зодчества она и познакомится с Владимиром Маяковским. Творческая среда сведет Надежду с Иваном Шадром и Верой Мухиной, она будет ходить

в кружок сестры Сергея Эфрона Елизаветы, а гостьей в их доме станет Марина Цветаева с дочерью Ариадной. Пройдет время, и Надежда выйдет замуж за своего коллегу Петра Файдыша, талантливого архитектора, у них родятся сын Андрей и дочь Наташа. Андрей вырастет в хорошего скульптора Андрея Файдыша, а Наташа — в художницу Наталью Петровну Навашину-Крандиевскую.

Кажется, что род Крандиевских более всего тяготел к трем вещам: литературе, живописи и скульптуре. И если отвечающих за две последние стези мы перечислили достаточно, то на литературном поприще трудилась тетя нашей художницы — тоже Наталья Крандиевская, но только — Толстая. Поэт Наталья Крандиевская-Толстая была замужем за писателем Алексеем Толстым. Именно с нее Алексей Николаевич писал образы сразу двух сестер Кати и Даши, выведенных в романе «Хождение по мукам». «Советский граф» был крестным художницы Натальи Навашиной-Крандиевской.

Семья отца Натальи Петровны, архитектора Петра Петровича Файдыша, также воплощала традиции уважения к интеллектуальному труду и художественному творчеству. Дед художницы по отцовской линии некоторое время работал управляющим у Саввы Морозова.

Детство Натальи Петровны, а тогда просто Наташи, прошло в дружеской, благоприятной обстановке, наполненной духом любви, творчества и созидания. Наташа любила подсматривать, как мама-скульптор лепит, быстро и виртуозно разминая глину, как тесто. А лепила она и Семёна Буденного, и артиста Качалова.

Но наступили тревожные 1930 годы, а потом и горькие 1940-е; и многое, очень многое, в семье Крандиевских разрушилось, поникло, перевернулось. Они были вынуждены переехать из большой городской квартиры в маленький дом в подмосковном поселке. В 1943 году отца художницы забрали (не на войну, а в лагерь). Забрали и не вернули, как это было со многими.

Навашина-Крандиевская окончила Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова. Она училась у Грабаря, Герасимова, Покаржевского, Мочальского, Почиталова, Дейнеки — признанных мастеров своего времени. Поворотным в ее судьбе стало полотно «В.И. Ленин на III съезде комсомола», которое писала бригада художников под руководством Иогансона. Казалось, что такая картина на заданную тему вряд ли смогла вызвать в душе юной художницы сильный отклик, но в том то и дело, что серьезное произведение в духе соцреализма обратило ее не в сторону монументальных полотен, а, напротив, в сторону камерного портрета. Честно проработав в творческой бригаде, Навашина-Крандиевская также честно надеялась быть представленной к Сталинской премии, как и все ее товарищи, но, увы, по непонятным причинам она одна была вычеркнута из почетного списка. Конечно, кто-нибудь может заметить, что не ради премий работают художники, но все же чувство необъяснимой несправедливости особенно обострено у людей, связанных с искусством; ведь тонко чувствовать мир — их профессия, а оголенные нервы — почти рабочий инструмент. Переболев обидой, как переболевают детскими болезнями, художница самостоятельно написала значительное полотно «Зоя», посвященное Зое Космодемьянской. Зоя и Наталья Навашина-Крандиевская были ровесницами.

Потом были сотни портретов, составивших галерею деятелей науки и искусства XX века. С картин Навашиной-Крандиевской смотрят на нас Корней Чуковский и Самуил Маршак, Аркадий Райкин, Тимур Гайдар, писатель Константин Федин, композитор Ян Френкель, писатель Митчелл Уилсон, пианист, первый лауреат конкурса им. Чайковского, Ван Клиберн, поэт Маргарита Алигер, композитор Юрий Шапорин, академик Александров.

Художница всегда говорила, что непременное условие хорошего портрета — разговор. Человек за беседой расцветал и преображался, и даже самое невыразительное лицо могло просиять. Среди работ Навашиной-Крандиевской встречается много полотен, запечатлевших людей никому неизвестных. Это обычные советские люди, и умудренные опытом старики, но особенно дети. И эти образы написаны тепло, с силой любви и соучастия, с мыслью о ценности, уникальности и неповторимости каждой личности. Художница, кроме того, была неравнодушна к натюрмортам, эти картины передают свежесть мимолетного очарования настурций, ромашек, сирени. Особое внимание к детям и цветам отличают ее творчество. Среди работ Навашиной-Крандиевской мы найдем и тихие пейзажи старой Москвы и Волоколамска, похожие на славные, почти забытые городские песни, которые еще кто-то из старожилов напевает по вечерам.

Шло время, работы художницы приобретали Третьяковская галерея, Литературный музей, Театральный музей им. Бахрушина, Музей музыкальной культуры им. Глинки, Музей истории и реконструкции Москвы. Ее картины разлетались, как птицы, по галереям России, Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, по частным собраниям Японии, США, Испании, Франции, Германии, Италии и других стран. Автор картин иногда сама не была уверена, где находится то или иное полотно, но место нахождения одного из них мы уяснили точно.

В 1975 году прошла первая персональная выставка художницы, посвященная ее шестидесятилетию. После этого вернисажа Министерством культуры СССР были куплены многие работы Навашиной-Крандиевской. Возможно, после этой выставки портрет «Мариша» и обрел постоянное местожительство в селе Шипуново.

Такой метод комплектования художественных коллекций был довольно популярен в советское время. Шипуновский краеведческий музей был основан в 1971 году, и как многие вновь созданные музейные объекты, испытывал подъем, выражавшийся в повышенном внимании к формированию коллекций и получении ценных экспонатов из запасников Москвы и Ленинграда. К сожалению, нельзя радостно отметить, что данная тенденция находит отражение и в современности. Шипуновское собрание делит печальную судьбу многих провинциальных музеев, как бы зависших в постперестроечном времени. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что и картины, и здание нуждаются в реставрации, что экспозиции явно нужно предать новый смысл, что одного зала мало для демонстрации всех экспонатов, что и «Марише» нашей грустно «сидеть» только в запасниках.

Кстати, Мариша выросла; не нарушая семейных традиций, стала художником-реалистом Мариной Файдыш. А сама Наталья Петровна Навашина-Крандиевская сейчас живет в подмосковном Переделкино.

И все-таки удивителен этот дар художника — останавливать время, есть в этом что-то почти колдовское. Жизнь идет, меняется, Мариша становится Мариной Андреевной, а со стен провинциального музея по-прежнему смотрит на нас это удивленное детское личико, по-прежнему звучит неповторимая звонкая песня молодости и очарования. Искусство — это смелость угадать в мимолетном вечное и поймать его, мне так кажется.

Автор выражает благодарность семье Н.П. Навашиной-Крандиевской и М.А. Файдыш за предоставленные материалы.

Магический реализм Юрия Иванова

В память о прекрасном художнике с доброй усмешкой

текст
АЛЕКСАНДР РЫЖКОВ

В конце весны 2014 года Барнаул облетела траурная весть: после болезни, в возрасте 64 лет ушел из жизни Юрий Алексеевич Иванов.

Необъятный художественный талант Иванова, конечно же, не уместить в небольшом пространстве статьи, но мы будем считать наш материал подготовительным этюдом.

Юрий Алексеевич родился в селе Шарчино Ребрихинского района Алтайского края. Живописью начал интересоваться в тринадцать лет; во время пребывания на Северном Кавказе учился у соседа-художника. А еще раньше Юрий восхищался карандашными рисунками своего отца Алексея Иванова, который рисовал для души, не имея художественного образования.

Вернувшись на Алтай, он окончил Новоалтайское художественное училище. С 1998 года — член Союза художников России.

Юрия Иванова можно отнести к сильнейшим мастерам жанровой картины на Алтае. Человек энциклопедического склада, знаток истории, он писал полотна на исторические темы («Осенний концерт»), на злобу дня («Война Барнаульцев с Гонконгским гриппом»), тематически обрабатывал литературные сюжеты («Бег свободных лошадей»). К своей работе всегда относился серьезно, все делал на совесть, но не считал, что сумел постичь все живописные тайны. Живопись всегда была для него неисчерпаемым кладезем новых открытий.

Кажется, что сама типично русская фамилия обязала художника выражать русское начало в разных образах — будь то пейзаж или сценка из жизни. Эта особенность достигла эпического размаха в картине «Корабль дураков», триптихе «Богатыри».

Его работы отличали по доброму юмору, мягкой иронии. Сквозь красочный слой полотен буквально просвечивает любовь художника к комичному в обыденной жизни («Бобыль», «Информационный голод»). Высокого градуса сатира Иванова достигала в графике, где образы еще более заострены, доведены до гротеска. Отдельные графические листы даже сопровождались приписанным в уголке анекдотическим диалогом. Безусловно, Юрий Алексеевич обладал отличным чувством юмора и умел превосходно его воплотить в художественном материале.

Примечательны художественные серии Иванова. Одна из самых эпатажных — «Клиенты палаты № 6», где едким шаржем подаются Гитлер (Адик), Наполеон (Боник) и Цезарь (Юлик). С одной стороны, это обыгрывание анекдота о наполеоновской

Юрий Иванов. Корабль дураков. 2003. Холст, масло

Все фото предоставлены ГХМАК

Юрий Иванов. Иванова Юлия Алексеевна. 2007. Холст, масло

Юрий Иванов. Триптих «Клиенты палаты №6» Боник. 2002. Холст, масло

мании величия, а с другой — намек художника на то, что вышеупомянутые исторические личности были потенциальными клиентами психиатрической лечебницы.

Совсем другие эмоции запечатлел Иванов в серии «Художники», где персонажами стали Микеланджело, Дюрер, Рубенс, Дали, — они изображены почти в куртуазном стиле. Здесь Юрий Алексеевич любуется великими мастерами, досконально выписывая их одеяния и интерьер. Позы художников подобраны таким образом, что они раскрывают представления самого Иванова о характерах мастеров.

Юрий Иванов

Самая обширная серия посвящена деревеньке Барсуково, куда семья Ивановых выезжала на лето. В фокусе внимания художника и улочки, и огороды, и скособоченные домишки. Даже забор или тропинка в Барсуково могли стать центральным объектом изображения. Все, что изображал Иванов в пейзаже, очаровывает зрителя потаенной красотой.

Юрий Иванов. Очень снежная зима. 2004. Холст, масло

Юрий Иванов. Мир Дали. 2010. Холст, масло

Пейзажи Юрия Иванова пасторальны, светлы по настроению. Многие из них пронизаны солнечными лучами ностальгии по детству. Какое бы время года ни изображалось на полотне, а всегда «Русью пахнет».

Художник достиг высокого мастерства в портретном изображении, его работы передают характеры людей. Свои же автопортреты художник писал по-рембрандтовски — с артистическим запалом и с большой долей самоиронии.

Называть Юрия Алексеевича типичным художником-реалистом было бы неверно. Реализм его работ своеобразный. Изображаемые им люди — личности колоритные, запоминающиеся («Кунделеева болтает», «Матрешка»), встречаются и вовсе экзотические типажи («Алхимик»). Персонажи произведений Иванова всегда заслуживают какой-то большой отдельной истории, они литературогеничны. Многие могли бы стать героями былин, анекдотов, сказок и прибауток.

Реализм Юрия Иванова можно было бы назвать «магическим» (по аналогии с магическим реализмом писателя Габриэля Гарсия Маркеса), но, быть может, он заслуживает отдельного эпитета — «Ивановский».

Рисовал художник до последнего. Встречаясь с коллегами-художниками в своей мастерской, во время беседы с ними, он не выпускал карандаш из рук, делал наброски постоянно.

Юрий Алексеевич ушел из жизни для всех внезапно. Это огромная утрата не только для родных и близких, но и для сибирской культуры.

Улицы Барнаула и участники Первой мировой войны

текст
ЕВГЕНИЙ ПЛАТУНОВ

В Барнауле существуют одиннадцать улиц, которые носят имена людей, принимавших участие в Первой мировой войне или начинавших службу в годы войны в царской армии. Трое из них — Георгиевские кавалеры! Чести — остаться в памяти народной все они удостоились за заслуги перед советским обществом. Дореволюционная часть биографии в социалистические времена не учитывалась, хотя и была весьма достойной.

В России в годы Первой мировой войны прошла волна топонимических переименований. Пример подали на самом верху: 18 августа 1914 года появился указ, в котором «Государь Император Высочайше повелеть соизволил именовать впредь город Санкт-Петербург Петроградом».

В 1915 году антинемецки настроенные барнаульцы обратились в городскую думу с просьбой о переименовании улицы Немецкой — в Бельгийскую. Думцы единогласно поддержали желание жителей. Новое название улицы выражало сочувствие и поддержку бельгийцам, поскольку в 1914 году широкий резонанс получила информация о расправах германских военных властей над мирным населением некоторых бельгийских городов (например, в Лувене).

В 1927 году Бельгийская улица была переименована в улицу Денисова — в память о казненном колчаковцами Степане Капитоновиче Денисове (1874–1919).

Улица Мамонтова

Житель села Вострово и будущий главнокомандующий партизан Алтайской губернии Ефим Мефодьевич Мамонтов (1889 – 1922) был призван на военную службу в 1910 году. Служил в 1-й телеграфной роте 1-го Сибирского инженерного батальона. 18 марта 1916 года «за отлично-усердную и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий» Ефима Мефодьевича наградили серебряной нагрудной с медалью на Станиславской ленте «За усердие».

Примечательно, что в том же батальоне во 2-й саперной роте служил земляк Мамонтова Павел Демьянович Тибекин из села Осколково (ныне Алейского района). Тибекин к лету 1915 года был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней и двумя французскими медалями.

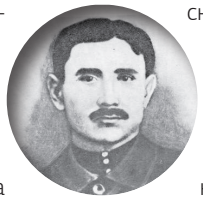
Мамонтов дважды награждался Георгиевским крестом в 1917 году: в июле — 4-й степени («за то, что с 1 ноября 1916 года по 7 января 1917 года неоднократно вызывался охотником, подползал к проволочным заграждениям противника, заземлял провода и перехватывал разговор противника по телефону»), в ноябре — 3-й степени («...с 6 по 12 июня 1917 года, находясь под сильным и действительным огнем противника, вызвавшись охотником и проявляя мужество и самоотвержение, руководил работами по восстановлению связи и тем обеспечил успех»).

О вкладе Мамонтова в создание партизанской армии и его подвигах во время Гражданской войны на Алтае много писали в советское время. В память о Ефиме Мефодьевиче назван районный центр Мамонтово. Широкую известность в советские годы имели соревнования фехтовальщиков «Сабля Мамонтова».

В Барнауле на проспекте Ленина при пересечении с улицей Льва Толстого есть бюст Мамонтова. Ефим Мефодьевич похоронен в братской могиле на мемориальной аллее «Борцам за социализм» в центре Барнаула. Его смерть во Власихе в 1922 году и сейчас вызывает споры историков: заговор или бытовая ссора. Как бы там ни было, но в плане Барнаула 1923 года уже зафиксирована «улица товарища Мамонтова». В прошлом улица Подгорная. В 1927 году переименование было официально утверждено.

Улица Жигалина

В Центральном районе Барнаула (Борзовая Заимка) с 1967 года существует улица Якова Жигалина, бывшего начальника штаба партизанской армии Мамонтова. Яков Павлович Жигалин (1890 – 1983) родился в станице Зоргольской в Забайкалье. В 1914 году сельского учителя Жигалина призвали в армию. Воевал со своим 2-м Читинским казачьим полком на Кавказском фронте. В 1917 году после четырехмесячных курсов в Иркутском военном училище он направлен в свой полк уже прапорщиком.



После войны полк вернулся в Забайкалье, здесь солдаты избрали Жигалина своим командиром. В должности начальника штаба Зоргольского красногвардейского отряда воевал с семеновцами. После поражения советской власти в Сибири с паспортом на имя Виктора Петровича Бурцева казак Жигалин попал на алтайскую станцию Рубцовка, в партизанскую армию Мамонтова. В 1920 году Жигалин вернулся в Забайкалье. Алтайское книжное издательство опубликовало в 1965 году книгу его мемуаров. Яков Петрович умер в Ленинграде 21 июля 1983 года.

Переулок Малюкова

Зимой 1915 года в Барнаул в 24-й Сибирский запасной полк прибыл на службу из Петрограда молодой энергичный прапорщик Николай Дмитриевич Малюков (год рождения неизвестен – 1918). В бурном марте 1917-го он станет комиссаром в Барнаульском комитете общественного порядка в составе местного органа Временного правительства. Барнульский литератор и учитель Порфирий Казанский в своем очерке «Мартовские дни в Барнауле» (журнал «Сибирский рассвет», № 5, 1919) хорошо передает первые настроения эйфории после свержения монархии:

«Но вот появляется на трибуне солдат, а с ним офицер молодой, кудрявый, взволнованный.

— Дайте нам хлеба, а мы дадим вам победу, — говорят они.– Солдат и офицер теперь братья!

И целуются на глазах у всех.

Зал стонет от оваций. Многие плачут. Из задних рядов слышится голос:

— Все отдадим!

Офицера и солдата качают. Странные шутки шутит история. Этот кудрявый офицер, так красиво и вдохновенно обещавший крестьянам победу, был прапорщик Малюков, через полгода уже ярый большевик, один из столпов барнаульской советской власти. А в июне 1918 года он был расстрелян...»

Писатель Ефим Пермитин, описывая в повести «Жизнь Алексея Рокотова» пожар в Барнауле 2 мая 1917 года, тоже вспоминал Малюкова: «Военного в дымящейся гимнастерке, с опаленными ресницами и бровями узнали — это был офицер четвертой роты прапорщик Малюков. И еще спасли одного человека из этого большого, перенаселенного жильцами доходного дома — разбитого параличом казначейского чиновника. Его на матрасе спустили через балкон: оба выхода из дома, забитые сундуками и мебелью, горели...»

Николая Малюкова расстреляли на следующий день после занятия Барнаула белыми и чехословаками — 15 июня 1918 года. Быстрой расправе способствовали слухи о якобы жестокости Малюкова к арестованным в Барнауле белым подпольщикам. Он сам за неделю до гибели пытался развеять эти слухи. В газете «Голос труда» (от 9 июня 1918 года) было опубликовано его письмо в редакцию:

«Низкие клеветники, подлые провокаторы, — герои из-за угла распространяют гнусную ложь, что будто бы я, Николай Малюков, был вдохновителем ареста бывших офицеров всех рангов и якобы предлагал учинить арестованному офицерству кровавую баню. Заявляю твердо и категорически, что аресты производились в моем отсутствии в Барнауле, с презрением отвергаю провокаторские сплетни о моем якобы проекте сожжения офицерства, и стану настаивать перед Военно-Революционным Комитетом на предании самому беспощадному суду провокаторов, рассеивающих грязную, будирующую население ложь. Ник. Малюков».

По воспоминаниям очевидцев, на расстрел Малюкова вели на Нагорное кладбище избитого и со сломанной рукой. Но все же он успел написать свое легендарное предсмертное послание на стволе березы. Позже к этим последним строкам добавились и другие — одни с сочувствием, другие с проклятиями. Исписанное дерево поспешили спилить, но надписи продолжали появляться: таково было всеобщее ожесточение в те летние дни 1918 года.

Именем Малюкова был назван переулок Низкий Яр.

Улица Казакова

Эта улица впервые зафиксирована на плане города в нынешнем Октябрьском районе в 1925 году. Михаил Кириллович Казаков (1887-1918), уроженец Уфы, работал в землеустройстве Алтайского горного округа, в 1916 году был призван в армию, служил в Томске. В 1917 году вернулся в Барнаул. В мартовские дни, когда было получено известие из Петрограда о свержении монархии, Казаков вместе с прапорщиками Николаем Малюковым и Дмитрием Сулимом арестовали командира 24-го Сибирского запасного стрелкового полка. Казаков возглавил военный отдел в Барнаульском Совете депутатов. В декабре 1917 года после установления на Алтае советской власти Казаков стал председателем высшего губернского революционного суда, позже был избран заместителем председателя губернского исполкома. Казаков руководил сопротивлением наступлению белочешских отрядов на Барнаул в начале июня 1918 года. Он возглавил эвакуацию из Барнаула советских активистов и красногвардейцев, и сам выехал с последним эшелоном на станцию Алейскую. Вместе с советскими руководителями Алтайской губернии Матвеем Цаплиным и Иваном Присягиным Михаила Казакова задержали в селе Луковка (ныне Панкрушихинского района). В сентябре 1918 года Казаков погиб вместе с Цаплиным и Присягиным. Обстоятельства их гибели и место захоронения до сих пор не выяснены.

Сулима

Первая улица в барнаульском поселке Урожайном называлась «имени Сулима» — ударение на втором слоге. Со временем слово превратилось в «Сулиму». «Где живешь?» — спрашивают. Отвечают: «На Сулиме». Молодой певец-барнаулец, известный в современном шоу-бизнесе, взял сценический псевдоним Сулима.

Кто же такой Сулим? Дмитрий Григорьевич Сулим (1892–1918) родился в семье крестьянина Полтавской губернии (Гядячский уезд, хутор Побыванка), окончил начальную и двухклассную школу. Работал учителем в Шукайводской экономии на станции Христиновка.

В Первой мировой войне Сулим сначала участвовал как рядовой 1-й роты 531-й Вятской пешей дружины. В 1916 году (как учитель) он был направлен в Одесское военное училище, по окончании которого оказался в 24-м Сибирском запасном стрелковом полку в Барнауле. После февральской революции Сулим был начальником гарнизона Барнаула, председателем Алтайского губернского комитета Партии Социалистов-революционеров (без разделения на левых и правых), членом Совдепов разного уровня, барнаульским уездным комиссаром Временного правительства. Одновременно входил и в руководство Алтайского отделения «Украинской громады», организации, требующей автономии Украины, руководил хором «Украинской громады». Большевики поначалу не доверяли Сулиму как председателю губкома эсеров.

Ираида Третьякова описывает такой случай. Когда в конце 1917 года проводилось собрание красногвардейцев, на собрание пришел Сулим. Красногвардейцы заволновались, зашумели и начали стучать прикладами винтовок в пол. Председательствующий попросил Сулима удалиться, и тот ушел. В начале 1918 года Сулим вообще был объявлен вне закона — за участие в Томске в подпольном заседании Сибирской областной Думы, он был избран в так называемое «правительство Дербера» министром «экстерриториальных народностей». 26 января 1918 года представители советской власти объявили, что он, в числе других министров правительства Дербера, подлежит «аресту и преданию суду революционного трибунала» по обвинению в организации власти, враждебной рабочим и крестьянским совдепам. Но в конечном итоге Дмитрий Григорьевич Сулим известен как участник и один из руководителей похода красногвардейцев отряда Федора Сухова, сначала по степной части Алтая, а потом по предгорьям. Биография Дмитрия Сулима обрывается после боя с белогвардейцами 10 августа 1918 года у села Усть-Иня. По одной версии его тело унесла река, по другой — он похоронен вместе с погибшими красногвардейцами.

Улица Карева

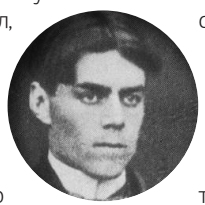
Семен Петрович Карев (1885–1918) — еще один участник Первой мировой войны, в память о котором в Барнауле названа улица. Георгиевский кавалер был избран в 1917 году секретарем исполкома Барнаульского Совета депутатов. Семен Петрович — коренной барнаулец, родился в семье рабочего-жестянщика. С 1927 года имя Карева носит бывший

Суховский переулок. А вот бывший проезд Карева был, наоборот, в 1963 году переименован в память о Фроловых, отце и сыне — изобретателе и организаторе горнорудного производства начала XIX века. Это наглядный пример того, как в советское время пожертвовали частично памятью борца за советскую власть, чтобы возродить память о деятелях совсем другой эпохи!

Обстоятельства гибели Семена Карева после свержения в Барнауле советской власти полны драматизма. Его жена смогла наладить связь с тюрьмой, где содержали мужа; помогали ей в этом, в том числе и представители семьи белого офицера Смоленникова. Краевед из Барнаула Юрий Гончаров опубликовал воспоминания сестры Карева, Варвары Петровны Уженцевой: «...Жена его Мария Алексеевна все время старалась спасти его. Она установила связь с офицерами, потом поступила каким-то начальником в тюрьму с целью спасти мужа и оказывать помощь своим и его товарищам, находящимся в тюрьме. Но все это не помогло. Правда, он не был убит вместе с Цаплиным и Присягиным, но все-таки и его расстреляли... Потом Мария Алексеевна добилась, чтобы нам отдали его труп для похорон. Это разрешили, но строго-настрого предупредили, чтобы похороны прошли тайно и чтобы на похоронах никого не было. Они его вырыли из могилы где-то в лесу, там где он был расстрелян и похоронен в общей могиле. Когда его привезли в Барнаул, то он лежал у нас дома на столешне. Стреляли его очевидно в голову, потому что когда я открыла покрывало, чтобы посмотреть... то у него левый висок — все было черное. Похоронили мы его на старом кладбище и поставили памятник. Сейчас там парк Меланжевого комбината, и ничего от могилы не сохранилось».

Улица Сухова

Участник событий Гражданской войны на Алтае Петр Федорович Сухов (1884–1918) проливал, как и многие другие, свою кровь на фронтах Первой мировой войны за Веру, Царя и Отечество.



Информацию о Сухове как о «прибывшем по ранению прапорщике» содержит кемеровское издание 1986 года «Такие женщины в сибирской стороне: книга очерков о наших современницах».

В сборнике опубликована беседа с приемной дочерью Ольги Прокопьевны Суховой (в девичестве Ястребовой) — Антониной Федоровной Карасевой.

«В декабре 1914 года, после недолгого знакомства Ольги Ястребовой с прибывшим по ранению прапорщиком Петром Суховым, состоялась их свадьба. Сухов, еще в гимназические годы увлекшийся политической литературой и исключенный за это из гимназии, теперь был уже партийцем-большевиком. Работая на Ашанинских угольных копях под Челябинском, он вел нелегальную работу. Пока Ольга об этом ничего не знала. К мужу порой заходили его знакомые, засиживались в вечерних беседах, чаще всего о войне. Да и кто тогда не говорил о войне! Иногда и сам Сухов по вечерам уходил, говорил — нужно по работе, а приходил перед рассветом. Вот с этим жена смириться не могла, несколько раз учиняла проверку и убедилась: на работе Сухова не было. Захлестнула волна ревности. Ольга Прокопьевна с улыбкой вспоминала об этом: «Тогда и состоялся первый семейный урок политграмоты. Петр, предупредив меня о молчании, сказал, что еще до войны он стал партийцем, на фронте вел работу среди солдат. И теперь занят тем же. «Мы за то, — говорил он, — чтобы добиться прекращения гнусной войны и свергнуть царя, чтоб люди не мучились и всем стало жить лучше. И нам с тобой тоже».

Переулок Колядо

У многих участников Гражданской войны самые известные и порой единственные фотографии сделаны в период службы в Русской императорской армии в годы Первой мировой войны. Вот и часто публикуемое фото Федора Колядо (1898–1919) тоже из дореволюционного времени. Федор Ефимович из семьи переселенцев на Алтай, родился в селе Екатериновка области Войска Донского, это Кубанская область Российской империи. В настоящее время село Екатериновка относится к Ейскому району Краснодарского края. Колядо — представитель не донского, а кубанского казачества. В 1916 году Федор Колядо был призван в армию, служил в Новониколаевске, Мариинске, Иркутске. В 1918 году в составе красногвардейского отряда оборонял Барнаул. Потом в партизанской армии Мамонтова возглавил полк «Красных орлов». Федор Ефимович погиб в бою 15 ноября 1919 года у партизанской столицы — Солоновки.

Переулок Колядо появился на карте Барнаула сравнительно недавно. В протоколе № 20 исполкома Барнаульского горсовета от 27 июня 1963 года «О переименовании улиц и упорядочении нумерации домов в городе» записано: «Учитывая многочисленные пожелания предприятий, организаций и трудящихся города, в целях улучшения обслуживания населения почтово-телеграфной связью, такси и другими бытовыми предприятиями, исполком городского Совета депутатов трудящихся решил: переименовать улицы, переулки, проезды с одинаковыми или сходными наименованиями, в том числе: пер. Косой Взвоз — в пер. им. Ф. Колядо».

Улица Степанова

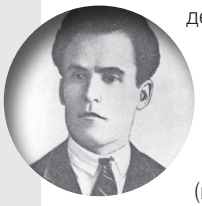
Андрей Степанович Степанов (1873–1922) — участник Первой мировой войны. Улица Степанова в Барнауле находится в Октябрьском районе, от проезда Тальменского до улицы Лесокирзаводской.

Вот что сообщает о нем сайт Управления внутренних дел по Алтайскому краю: «Родился в крестьянской семье. Окончил два класса городского училища. В царской армии во время мировой войны служил старшим унтер-офицером. После Октябрьской революции с октября 1918 года Андрей Степанович начинает работать в уголовном розыске. После разгрома Колчака Степанова направляют на службу помощником начальника Омского губрозыска. В октябре 1921 года Андрея Степановича утверждают на должность начальника Алтайского губернского угрозыска. Некоторое время перед этим назначением Степанов работал в уголовном розыске Бийска. Прирожденный лидер и организатор, Андрей Степанович отлично знал свое дело. С его приходом работа угрозыска активизируется. Уголовный мир почувствовал это быстро. Организованная преступность уже не была уверена в своей безопасности, и начала делать попытки «договориться» с новым начальником. Ответом были все новые и новые аресты воров и бандитов. 6 марта 1922 года во время ликвидации самой кровожадной и многочисленной банды Пименова группа оперативных работников, возглавляемая Степановым, попала в засаду. В ожесточенной перестрелке с бандитами на углу 4-го Прудского переулка и 3-й Алтайской улицы А.С. Степанов и агент Ф. Сергеев погибли».

Улицы Гущина и Бабуркина

Биографии этих двух участников Первой мировой войны связаны с историей милиции Алтая.

Петр Ильич Гущин (1892–1944) родился в белорусском Гродно. В Русской императорской армии служил с 1913 года. Участвовал в Первой мировой войне,



Гражданская война привела его на Алтай, где он и остался жить после демобилизации. Во время Великой Отечественной войны при острой нехватке кадров был принят в милицию. В марте 1942 года стал милиционером 3-го отделения (на улице Крупской). В ночь на 3 сентября 1944 старый солдат погиб в неравной схватке с тремя вооруженными преступниками из банды «Черная кошка». Но на выстрелы среагировала оперативная группа, которая смогла нейтрализовать преступников.

Исполком Барнаульского горсовета 29 октября 1963 года принял решение о переименовании улицы Цветочной в улицу Гущина.

Семён Андреевич Бабуркин (1890–1954) родился в Казанской губернии, с 1909 года семья жила на Алтае, в Причумышье. Бабуркина призвали в армию в годы Первой мировой войны. В 1917 году он вернулся домой. После свержения советской власти в Алтайской губернии летом 1918 года Бабуркин стал партизаном в одном из отрядов Григория Рогова. Личная трагедия ожесточила этого человека: была изнасилована колчаковцами молодая жена Семёна Андреевича и зарублен у крыльца собственного дома его брат. После окончания Гражданской войны на Алтае Бабуркин продолжал долгое время возглавлять отряды по борьбе с контрреволюционерами, в том числе и в Горном Алтае. Потом возглавил окружную милицию. В 1935 году по состоянию здоровья переехал в село Петровка Троицкого района, возглавлял там колхоз. Умер в 1954 году.

Решением Барнаульского горсовета от 3 августа 1987 года улица Буровая в Индустриальном районе Барнаула переименована в улицу Бабуркина.

Улица Парфенова

Участник Первой мировой войны Петр Семенович Парфенов-Алтайский (1894–1937) получил свою именную улицу в Октябрьском районе Барнаула только в 1987 году в честь празднования 50-летия Алтайского края. Автору текста песни «По долинам и по взгорьям» не повезло: официально стихи закрепились за ним спустя много лет после смерти.

В январе 1915 года Парфенов пошел добровольцем на фронт — рядовым. В боях получил Георгиевский крест 4-й степени. После ранения в сентябре 1915 года Парфенов был отправлен во 2-ю Московскую школу прапорщиков. Окончил ее в феврале 1916 года, был оставлен помощником курсового офицера, затем переведен в 186-й запасной стрелковый полк, позже отправлен на Румынский фронт. За год прошел путь от прапорщика до поручика (за боевые отличия). По последнему ранению в 1917 году получил двухмесячный отпуск и приехал к родителям на Алтай, стал офицером 24-го Сибирского запасного стрелкового полка. В октябре 1917 года был от Славгородского уезда делегатом II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего советскую власть (в списках делегатов записан как «меньшевик-интернационалист»).

22 октября 1918 года военно-полевым судом 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка Парфенов был приговорен к расстрелу. Спасен офицером-поэтом Ревердатто. 18 ноября 1918 года Парфенов был сначала посажен в эшелон 3-го Барнаульского полка, но смог все-таки остаться в Барнауле, а то мог бы и не доехать живым дальше Чесноковки.

Чему теперь стоит больше удивляться: что борца за власть Советов расстреляли в год двадцатилетия этой власти или тому, что в его память назвали улицу в год семидесятилетия той же советской власти?

Добротинский переулок

Сразу скажем, в настоящее время переулка с таким названием нет в Барнауле. Он существовал с 1906 или 1907 года и по 14 апреля 1927-го, когда решением Барнаульского горсовета Добротинский переулок был переименован в Трудовой.

Добротинским переулок назывался в честь командира 12-го Барнаульского полка Сергея Федоровича Добротина (1854 – год смерти неизвестен), проявившего беспримерное мужество в сражениях Русско-японской войны. На Первой мировой войне генерал Добротин был командиром дивизии и корпуса, заслужил орден Св. Георгия 3-й степени и Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами, а также французский орден Почетного легиона. Примечательно, что именно в его 44-й пехотной дивизии началось формирование будущего Чехословацкого корпуса, чьи легионеры оставили о себе в Сибири печальную память в песне:

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
Отца убили злые чехи,
А мать живьем в костре сожгли.

Дивизии Добротина была придана в качестве разведчиков 1-я рота Чешской добровольческой дружины. Под командованием Добротина служили многие известные впоследствии офицеры Чехословацкого корпуса, в частности, генерал Чечек. Добротин весьма импонировал чехам своим поведением и теплым отношением. Между собой чехи называли его «Отец Жижка», поскольку генерал с Русско-японской войны имел только один глаз, как и знаменитый герой Гуситских войн.

Улица Ваксмана

Улица Лазаря Ваксмана (1890–1945) просуществовала в Барнауле недолго, с 1945 по 1952 год.

Бывший барнаульский раввин Исроэль Каменецкий в 2008 году вспоминал на страницах «Российской газеты»: «После окончания Первой мировой войны в Барнаул попал доктор Лазарь Ваксман. В 1918 году его направили на Алтай для борьбы с эпидемией тифа. На Алтае он создал кожно-венерологическую службу. Его именем была названа улица, сегодня Малотобольская».

Правнучка Лазаря Вильгельмовича Ваксмана рассказывала о прадеде: «Сразу после окончания Томского университета в 1914 году он попал на фронт. После возвращения с фронта прадед кратко и очень скупо рассказывал жене, что попал в Польше под одну из первых немецких газовых атак. Это было сразу после газовой атаки немцев у Ипра. Но их гарнизон выжил и еще отбросил немцев назад. Тогда еще не было противогазов, и медики из его лазарета быстро сообразили и скомандовали: снимать гимнастерки, заливать их водой или мочой и плотно завязывать лицо. Приходилось оперировать раненых прямо в таком газовом облаке. С того дня прадед стал очень тяжело болеть, мучала одышка, перенес несколько инфарктов совсем молодым человеком, но несмотря на это, много работал, оперировал и лечил больных днем и ночью, никогда не отказывал в помощи. Сначала служил хирургом, потом главным врачом созданной его руками венерологической больницы в Барнауле. Сидел в 1937-м как все, но из тюрьмы вышел, и вскоре умер. Это произошло в марте 1945 года прямо на работе, от пятого по счету инфаркта на пятьдесят третьем году жизни».

Исполком Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 15 января 1945 года поручил Барнаульскому горисполкому «увековечить память старейшего врача Л.В. Ваксмана, отдавшего 28 лет своей жизни здравоохранению трудящихся Алтайского края».

Улица Малая Тобольская была переименована в ул. Л.В. Ваксмана.

В октябре 1952 года Барнаульский горсовет постановил восстановить название улицы Малой Тобольской «в связи с затруднениями переоформления инвентаризационной и другой документации по домовладениям».

Каким ты был...

Лозунг «Пламенный привет строителям Волго-Донского канала», укрепленный над портиком, помогает определить достаточно точно время исполнения фотографии. Поскольку в 1949 году для гигантской стройки Советского Союза по всей стране набирали работников, а 1 июня 1952 года по каналу началось движение судов, то фотографию можно датировать этими годами.
Фото из частной коллекции

В августе павильон современного искусства «Открытое небо» представил выставку «Из истории одного парка», экспозицию которой составили фотографии видов парка Барнаульского меланжевого комбината (в настоящее время «Изумрудный»), сделанных в 1930–1980 годы.

текст
СВЕТЛАНА МЯГКИХ

Снимок сделан, вероятнее всего, в конце 1940-х — начале 1950 годов. Это можно определить по одежде женщин. На главной аллее еще нет елей, но очень скоро они там появятся. Предполагаем, что деревья высадили в 1951–1952 годах, потому что по воспоминаниям старожилов, «в 1957 году елки уже поднялись». В настоящее время еловая аллея является главной достопримечательностью парка.
Фото из частной коллекции

Городской парк — это особая территория, которая хранит приметы былых времен, воплощенных в разных видах искусств. Он и сам — искусство.

Садово-парковое искусство выражает мировоззрение эпохи через планировку, ландшафт, малые архитектурные формы и скульптуру. Фотографии для экспозиции «Из истории одного парка» предоставлены Государственным архивом Алтайского края, Алтайским государственным краеведческим музеем, жителями Барнаула, в чьих альбомах и коллекциях сохранились семейные снимки, и известными барнаульскими фотографами Борисом Брязгиным и Михаилом Хаустовым.

События, происходившие на территории парка Меланжевого комбината, нашли отражение в мистических историях и легендах. Парк не раз менял названия. Изначально он был назван Садом Культуры и Отдыха имени Ударников (1932),

Озеро «Комсомольское». *Фото предоставлено Государственным архивом Алтайского края*

Беседка на озере «Комсомольское» — любимое место встречи учащихся балетной студии БМК. 1963. *Фото предоставлено Государственным архивом Алтайского края*

позже парком культуры и отдыха Меланжевого комбината (1939), в 1953 году зона отдыха переименована в Парк имени Иосифа Сталина, в 1956 году вернули предыдущее название, а в 2000 годах часть территории парка получила название «Изумрудный».

В начале XX века на территории парка располагалось городское кладбище с небольшой Крестовоздвиженской церковью. В 1918–1919 годах, во время восстания чехословацкого корпуса и последовавшей за ним диктатуры Верховного правителя России адмирала Колчака, здесь были расстреляны красногвардейцы и работники Барнаульского Совета.

Территория парка имела большое значение для превращения Барнаула в город-сад. Идея «города-сада» была призвана обновить старую планировку города после разрушительного пожара 2 мая 1917 года. План архитектора Ивана Феодосиевича Носовича, представленный в Городскую думу, не был реализован в полной мере. О благородной идее напоминает сегодня улица «Садгородская», расположенная за парком при пересечении с проспектом Сибирским в районе краевого колледжа культуры.

В 1930 годы, во время строительства первенца индустрии Алтая Барнаульского меланжевого комбината, работники предприятия заложили на территории кладбища парк. В 1939 году эта территория отдана под парк культуры и отдыха Меланжевого комбината. В центре парка решено было сделать большой пруд, в результате чего надгробия были снесены, а могилы уничтожены. Известно, что в послевоенное время на территории парка проходили захоронения японских военнопленных.

После войны началось восстановление парковой зоны: появились аттракционы, аллеи, цветники, скульптуры. В 1950 году кладбищенская церковь была преобразована в планетарий, в 1957 году установлен памятный знак в честь кровавых событий 1918-1919 годов. В советский период парк был излюбленным местом отдыха горожан.

Идея ретроспективной выставки фотографий, посвященных парку БМК, принадлежит директору парка «Изумрудный» Илоне Тепляковой, которой повезло обнаружить альбом с фотографиями 1960 – 1970 годов. Впервые фотовыставка прошла летом 2012 года в парке и вызвала неподдельный интерес горожан.

Кроме фотографий из упомянутого альбома в экспозиции были представлены снимки Виктора Михайловича Анискина, бывшего в 1960-е школьником и счастливым обладателем фотоаппарата. Из окна своего дома он сфотографировал парашютную вышку, расположенную в парке; здание планетария, еще сохранявшее белые стены Крестовоздвиженской церкви; пересыхавший на лето пруд, тогда еще не обустроенный бетонными плитами.

Девочка, запечатленная на фото, скорее всего, из первой половины 1970 годов. Скульптурная композиция «Мальчик с осетром», вероятно, выполнена в начале 1950 годов. В начале 1970 годов на аллее, ведущей от мостиков к планетарию, через каждые пять метров стояли скульптуры, все они были посвящены теме труда, достижений, счастливого детства. *Фото из частной коллекции.*

Экспозиция под названием «Прогулка во времени», дополненная новыми кадрами из семейных альбомов барнаульцев, была представлена вновь в рамках программы Музейной ночи — 2014 в кафе «Мельница», расположенном в «Изумрудном». В августе, накануне празднования Дня города в Барнауле, павильон «Открытое небо» представил ретро-тему в новом ключе, задавшем тон диалога со зрителем. Формат предполагает поступление новых фотофактов, составление исторических аннотаций к некоторым объектам на снимках. Выставку расширили содержательно и эмоционально воспоминания барнаульцев, чье детство и юность связаны с парком Меланжевого комбината.

/ *Государственная филармония Алтайского края*

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ «КАМЕРАНС»

Странно и удивительно то, что большинство людей считают классическую музыку скучной, унылой, непонятной и предназначенной исключительно для подготовленных слушателей. Инструментальная капелла «КамерАнс» в очередной раз доказала несостоятельность этого мнения, исполнив в конце мая в концертном зале Государственной филармонии Алтайского края программу под названием «Нескучная классика».

Владимир Анисимов (флейта). Инструментальная капелла «КамерАнс». *Фото предоставлено ГФАК*

Концертные программы «КамерАнса» отличаются яркостью, разнообразием, оригинальностью и даже, порой, неожиданными сюрпризами. Концерт, исполненный майским теплым вечером, не стал исключением. Перед слушателями развернулся калейдоскоп образов: вдохновенно-лирических, скерцозных, философски-сосредоточенных и ярко юмористических.

Погружение в мир нескучной классики началось с исполнения произведений немецких композиторов. Открыла концертную программу Симфония для струнных № 7 Феликса Мендельсона, погрузив зал в атмосферу чистой, ясной и безукоризненно красивой музыки. В исполнении были моменты, когда ансамбль добивался отличного звучания, воплощая в жизнь тончайшие нюансы партитуры — именно так прозвучали Andante и Менуэт. А вот в финале не совсем выстроенным получилось фугато, но этот факт нисколько не испортил общего положительного впечатления.

Вслед за музыкой Мендельсона зазвучали шедевры Иоганна Себастьяна Баха. Подобное возвращение в концерте вглубь эпох — от Романтизма к Барокко — не случайно. Этих композиторов связала незримая, но очень прочная нить, ведь многие величественные полотна скромного кантора лейпцигской церкви Св. Фомы получили известность в XIX веке благодаря деятельности Мендельсона. Сегодня исполнение музыки этих авторов в одном концерте — уже сложившаяся, и даже актуальная тенденция. И вот в программе вечера Оркестровая сюита № 2: солирует Владимир Анисимов (флейта), который в настоящее время является руководителем ансамбля «Ars longa». Несмотря на ряд незначительных погрешностей, допущенных и солистом, и ансамблем, публика очень благодарно и эмоционально восприняла услышанное. Особенно живо, так уж повелось, публика отзывалась на то, что привычно, знакомо и любимо, то есть — на шлягер популярной классики, коим и стала знаменитая «Шутка», венчающая финал сюиты.

В настоящее время среди музыкантов разворачиваются настоящие словесные баталии, связанные с музыкой Барокко. Одни исполняют ее на новеньких, современных музыкальных инструментах, а вот другие в приоритет ставят стремление к исторической достоверности звучания сочинений. Последняя тенденция получила отражение в работе ансамбля, который всячески старался воссоздать дух барочной эпохи. В следующем номере программы — Концерте для клавира и струнных № 4 A-dur — ярко и звонко зазвучал клавесин. Поскольку филармония Алтайского края не располагает таким раритетным инструментом, то его роль исполнил электронный инструмент, за которым восседал заслуженный деятель искусств России Сергей Будкеев. И прошу заметить, прекрасно исполнил!

Эпиграфом к следующему произведению послужило высказывание Гиппократа «Жизнь коротка — искусство вечно», которое напомнило забывшимся в прекрасной музыке слушателям об извечной проблеме — жизни и смерти. С удивительной эмоциональной силой и искренностью в исполнении Марины Нехорошевой прозвучало стихотворение Николая Смирнова «Ничего не откладывай». На экране, возвышающемся над сценой, загорелась свеча. В такой атмосфере зазвучало знаменитое «Адажио» Томазо Альбинони,

несомненно, одно из самых глубоких и проникновенных сочинений в своем жанре.

Вторая половина программы была посвящена музыке Джоаккино Россини, известного своим юмором и необыкновенной жизнерадостностью. Да и вся его музыка такая — яркая, темпераментная, искрящаяся оптимизмом. Музыковеды сходятся во мнениях — бриллиантом его творчества является знаменитая комическая опера «Севильский цирюльник», фрагменты из которой и были исполнены в концерте (увертюра, Largo al factorum). А вот на точку золотого сечения программы пришлась «Каватина Розины», прозвучавшая в исполнении лауреата международных конкурсов Виктории Гальцевой. Благодаря прекрасному вокальному мастерству, позволившему блестяще исполнить сложную, изобилующую колоратурами партию героини, и замечательной актерской игре: перед нами предстала настоящая оперная Розина — задорная, искрометная, с немалой долей женского кокетства. Оптимистическая линия продолжилась в исполнении зажигательной «Неаполитанской тарантеллы», еще раз подтверждающей жизненное кредо итальянского маэстро.

В финале концерта публику ждал сюрприз.

Ведущая концерта настроила зал на серьезный лад: сейчас прозвучит великое произведение, сложное (компиляция из трех тем (!!!), что особенно насторожило зал. Зазвучали тревожные аккорды, и в зал внезапно ворвалась кошачья пара, в которой зрители узнали уже знакомую Викторию Гальцеву и дирижера симфонического оркестра филармонии Дмитрия Лузина. Мяукая под аккомпанемент, они развернули настоящий мини-спектакль и буквально сразили публику своим актерским мастерством. Артистизм солистки вновь предстал в широком образном диапазоне, ее партнер ничуть не уступал ей в способности к перевоплощению (ведь недаром дипломант «Золотой маски»). И если бы в конце этого вечера выдавали премии, то приз зрительских симпатий, без сомнений, получил бы именно этот «Кошачий дуэт».

Котики собрали бурные аплодисменты и не только. Будучи под маской экс-акционеров Газпрома, они еще и разжалобили добрую часть зрителей первых рядов — прекрасные рулады сопровождались звоном монет и шорохом банкнот, падающих в шляпу артистов. Артисты обеспечили публике яркие положительные эмоции на несколько дней вперед. А вот как поделили добытое — для слушателей осталось «за кадром».

«КамерАнс» и солисты уходили со сцены с цветами, под аплодисменты и крики «Браво!»

Олеся МИХАЙЛОВА

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ КАПЕЛЛА «КАМЕРАНС»

Образована летом 2012 года. В ее состав вошли молодые скрипачи, альтисты и виолончелисты, окончившие Алтайский государственный музыкальный колледж и кафедру инструментального исполнительства Алтайского госуниверситета, ныне работающие в симфоническом оркестре Государственной филармонии Алтайского края. Идейные вдохновители коллектива — Марина Нехорошева и Наталья Кривошеева. Камерный ансамбль исполняет огромный массив выдающихся произведений музыкальной литературы — от шедевров барокко до современных обработок классической музыки и сочинений XXI века.

Костел Иоанна Крестителя
Бийск

В КОНСОНАНСЕ КУЛЬТУР

Бийский муниципальный академический хор выступил в костеле Иоанна Крестителя

Освящение нового здания римско-католической церкви, получившей имя Иоанна Крестителя, состоялось в Бийске 2 августа 2014 года. К этому событию было подготовлено выступление Бийского муниципального академического хора, которому выпала честь представить культуру города Бийска и Алтайского края перед многочисленными прихожанами и гостями.

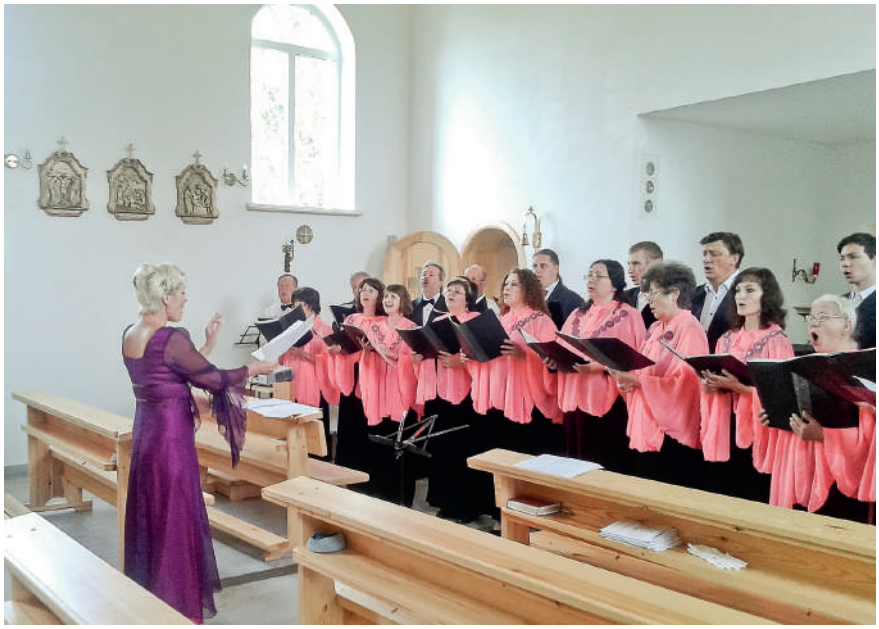
Алтайский край является наиболее крупной зоной сосредоточения верующих католического вероисповедания в Сибири. В Бийске католический приход под духовным пасторством настоятеля о. Анджея (Обуховского) существует с 1997 года. Уже тогда приход получил имя Иоанна Крестителя, данное ныне и новому костелу.

С конца 1990 годов в Бийске литургии проводились в просторном одноэтажном доме, один из просторных залов которого был отведен под церковь, а в другой комнате размещались квартира священника и библиотека. Ныне там находится монашеская обитель.

Отец Анджей является и настоятелем католического прихода в поселке Иогач Турочакского района Республики Алтай. Этот высококультурный человек — не только священник, но и просветитель. Он добровольно повторил судьбу католических священников,

О. Анджей (Обуховский) настоятель Католического храма г. Бийска. *Фото предоставлено автором*

покинувших Польшу во имя служения Богу и связавших свою жизнь с Россией. Он полностью посвятил себя духовному просвещению общины, много работает с детьми прихожан. Каждое лето силами родителей и прихода организуются поездки ребят в лагерь на Телецкое озеро, где они под руководством монахинь и о. Анджея обучаются основам религиозной этики. К праздникам ребята готовят самодеятельные выступления для прихожан. Кроме того о. Анджей помогает потомкам ссыльных поляков вернуться к культурным корням своих предков. При церкви настоятель преподает польский язык для членов Польского культурного общества «Белый орел». Отец Анджей



На репетиции перед концертом. Бийский муниципальный академический хор. Дирижирует Людмила Гюрджян. *Фото предоставлено автором*

преподает в Бийской гуманитарной академии имени В.М. Шукшина, участвует в религиозных дебатах с представителями других конфессий.

Теперь у католической общины есть настоящий костел – белоснежное здание, которое расположилось недалеко от Бийского моста на Чуйском тракте, месте историческом. Не одно столетие по этому тракту звенели кандалами сосланные на каторгу люди. В том числе и поляки.

В проектировании и строительстве здания принимала участие бийчанка Светлана Рафальская, которой храм обязан удивительной акустикой. Малейший шепот и тишайшее pianissimo слышны в любом уголке зала, а хоровое forte настолько впечатляюще отзывается под сводами храма, что вызывает трепетное благоговение. Отец Анджей, планируя проведение церемонии открытия, хотел не только порадовать прихожан, но и показать многочисленным иностранным гостям (а на освящении были духовные гости из Польши, деканата Словакии, Германии, Швейцарии, Австрии, Международного контингента священников и сестер, монахини из Кореи) особенности российской культуры. Обсуждая будущую программу с художественным руководителем хора Людмилой Гюрджян, он не раз подчеркивал эту мысль. В результате было решено представить хоровую музыку a capella разных эпох и стилей.

Во время одной из репетиций, обращаясь к хору, ставя задачу перед дирижером хора Станиславом Лукиным и артистами, Людмила Васильевна сказала: «Это не просто концерт, это нечто гораздо большее. Нам выпала честь представить музыкальную культуру Бийска, Алтайского края и России».

И это удалось. По отзывам гостей, они меньше всего ожидали в периферийном русском городе, в Сибири, о которой до сих пор бытует представление как о неком медвежьем угле, встретить коллектив, способный на исключительно высоком уровне вокально-хорового мастерства исполнить сложнейшие произведения на латыни, церковно-славянском, английском и русском языках.

Хор представил богатую жанрово-стилевую палитру: от строгого хора Miserere (аналога православного «Помилуй мя, Боже») итальянского композитора Антонио Лотти, современника Баха, до негритянских спиричуэлсов «Deep river» и «Evry time»; от «Тебе поём» Сергея Рахманинова и «Благослови, душе моя, Господа» Михаила Ипполитова-Иванова до наполненного ликующим патриотизмом хора Георгия Свиридова «Наша Родина – Россия» и обработок русских народных песен «Ничто в полюшке не колышется» и «Коробушка».
Во второй части концерта выступил известный и любимый на Алтае вокальный квартет «Fresko», в состав которого вошли лучшие солисты хора и его руководитель Людмила Гюрджян. Квартет дополнил концерт камерным исполнением «Ave, Maria» и «За тихой рекою» Эннио Морриконе, «Заневестилось лето красное» Михаила Старикова и других композиций. Людмила Гюрджян руководит хором семнадцатый год, ее творческие замыслы облекаются в форму тематических программных концертов. Сама Людмила Васильевна на таких выступлениях является ведущей, она раскрывает перед слушателями тайны содержания звучащей музыки, погружая их в особенности той или иной музыкальной эпохи, рассказывая о неповторимости стиля композиторов. И хотя в этот раз лекторской части не было, но прекрасная музыка достигла высокой цели. Бийские музыканты смогли доказать, что искусство во всем своем национальном и жанровом многообразии способно не разделять, а объединять людей в их обращении к Богу, в их любви к своей Родине, в их способности воспринимать прекрасное.

Когда под сводами храма зазвучала в исполнении квартета «Amazing Grace» (буквально «Изумительная благодать», это христианский гимн, написанный английским поэтом Джоном Ньютоном (1725–1807)), ее подхватили все присутствующие. В общем созвучье голосов раздавались латинские слова:

Изумительная Благодать,
Как сладок звук, который спас
такого несчастного, как я.
Я однажды потерял себя, но теперь нашелся,
Был слепым, но теперь я прозрел.

Вот это и было всеобщее единение музыки и веры, слившееся в единый унисон культур!

Галина ПРЕСС.

Алтайские «Хлеб и розы»

История Алтая на художественном экране, театральной сцене и в книге

текст

ЕЛЕНА ОГНЕВА

Кадр из фильма «Хлеб и розы». Слева — Павел Кадочников в роли Ивушкина. 1960. *Все фото предоставлены ГМИЛИКА*

Как правило, с особым вниманием мы смотрим картины, в которых есть наш, алтайский, след: будь то актер или режиссер, родившийся на Алтае, сюжет или кадры натурных съемок, в которых узнаем знакомые пейзажи. Такие картины обладают для нас особым свойством: они не стареют, не переходят в разряд забытых, наоборот, они дают нам возможность почерпнуть знание о прошлом, набраться мудрости, силы и впечатлений, которые, в конечном счете, и формируют наш художественный вкус.

Одной из таких кинолент является художественный фильм «Хлеб и розы», вышедший на всесоюзный экран в дни ноябрьских праздников 1960 года. Эта картина относится к исчезнувшему из отечественного кинематографа еще в 1970 годы историко-революционному жанру, некогда занимавшему вершину олимпа советского киноискусства. Пик популярности и востребованности этого вида картин пришелся на 1950 годы, когда в канун сорокалетия советской власти было создано более ста фильмов на тему Октябрьской революции и Гражданской войны. Почти все лучшие советские историко-революционные ленты были по своему характеру романтичными и поэтичными. Но если в 1920 годах они представляли собой главным образом эпические полотна, в 1930 — социальные драмы, то в 1950-х эти картины стали тяготеть к психологической драме. Фильм «Хлеб и розы», сюжет которого связан с историческими событиями, происходившими на Алтае в 1918 – 1919 годах, соответствует мейнстриму своего времени — это психологическая драма.

* * *

Появлению этой ленты во многом способствовал наш земляк, прославленный кинорежиссер Иван Пырьев, в то время одна из ключевых фигур в отечественном кинематографе. В 1958 году к Ивану Александровичу в Москву приехали земляки с Алтая. Делегацию возглавлял Игнат Владимирович Громов, герой Гражданской войны, командир красных партизан. Он обратился к Пырьеву с просьбой: «Помогите создать фильм о том, как партизаны на Алтае за советскую власть боролись, как вот этими руками хлеб растили на обновленной земле». Пырьев, всегда трепетно относившийся к сибирякам, предложение принял и более того сам взялся за организационную работу по постановке фильма.

Драматургической основой будущей картины он предложил сделать пьесу Афанасия Салынского «Хлеб и розы», которая в то время шла на сцене Московского театра им. Ленинского комсомола. Пьеса была известна и на Алтае, и более того — поставлена на сцене Бийского драматического театра в сезон 1958–1959 годов.

* * *

Пьесу «Хлеб и розы» Афанасий Дмитриевич Салынский написал в 1957 году, обучаясь на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР. Для сбора материала драматург со своей супругой Раисой Григорьевной Салынской приезжал на Алтай. Кстати, после этой поездки Раиса Григорьевна написала повесть «Крестьянский сын» о пионере-герое Кире Баеве, разведчике из партизанского отряда Игната Гро-

АЛТАЙСКОЕ
КРАЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

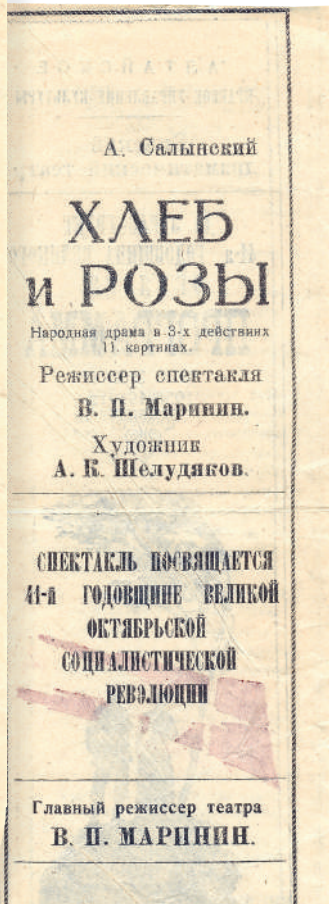
Бийский
драматический театр

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
41-я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ!

ПРОГРАММА

СЕЗОН
1958-1959 гг.

г. БИЙСК



А. Салынский

ХЛЕБ
и РОЗЫ

Народная драма в 3-х действиях
11 картинах.

Режиссер спектакля
В. П. Маринин.

Художник
А. К. Шелудяков.

СПЕКТАКЛЬ ПОСВЯЩАЕТСЯ
41-й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Главный режиссер театра
В. П. МАРИНИН.

Программка Бийского драматического театра к спектаклю «Хлеб и розы» по пьесе Афанасия Салынского. 1958

мова. Книга была опубликована под творческим псевдонимом — Раиса Григорьева. Позже режиссер Ирина Тарковская по этой книге поставила одноименный фильм.

В основу драматургического произведения Салынского легли реальные события, связанные с созданием петроградскими рабочими на Алтае в 1918 году первой коммуны — «Первого российского общества землеробов-коммунаров».

Пьеса Салынского начинается так: холодной ночью на питерской улице у костра греются и ведут беседу три человека: молодой рабочий Путиловского завода большевик Ивушкин, солдаты Никифоров и Охапкин. Ивушкин проникновенно и страстно говорит о том, что для счастья всех людей необходимы, выражаясь словами Генриха Гейне, «хлеб и розы», и читает стихи Гейне:

Устроить небесное царство
Нам на земле уже надо.
Достаточно хлеба растет
здесь внизу...
Всем хватит...
И мирты и розы.

Так понимал герой картины путь к устройству счастливой жизни людей: будет вдоволь хлеба, и жизнь людей наполнится радостью. Воплощение идеального устройства жизни виделось ему через организацию коммун.

* * *

Реальная история, на которую опирался автор при написании пьесы, была менее романтична, но тоже происходила в революционном Петрограде, где после закрытия в конце декабря 1917 года Обуховского завода 12 тысяч рабочих оказались без работы и средств к существованию. Под угрозой голода многие уезжали с семьями в деревню, где было легче прокормиться.

В январе 1918 года группа обуховцев провела среди населения Невской заставы агитацию за то, чтобы поехать в деревню и основать там коммунистическую общину. Местом строительства ячейки «нового мира» обуховцы выбрали Алтай. Как только в газетах появилось первое объявление об организации коммуны, сотни людей пожелали записаться в нее. Поскольку путь предстоял неблизкий и тяжелый, то обуховцы решили обратиться за помощью к В.И. Ленину.

30 января 1918 года Ленин принял в Смольном делегацию обуховских коммунаров, выслушал их и подготовил письмо-обращение ко всем советским и партийным организациям с призывом оказать помощь первым российским коммунарам.

В дорогу собиралось 145 семей — около 400 человек. По распоряжению Ленина обуховские коммунары получили 28 вагонов, 6 военных кухонь, 200 военных палаток, 25 комплектов упряжи, 50 винтовок.

Вся Невская застава принимала участие в снаряжении и отправке коммуны: собирали деньги на покупку медикаментов, семян, сельскохозяйственных орудий и пр. В итоге 5 марта 1918 года со станции Обухово вагоны с коммунарами отправились на Алтай, в район Усть-Каменогорска (этот город к Восточно-Казахстанской области стал относиться с 1932 года).

Коммунары добрались через Семипалатинск до небольшого казачьего поселка Гусиная пристань, где разбили временный лагерь и стали хлопотать о выделении им земли. В селе Кондратьевском местный сельсовет разрешил коммунарам пользоваться свободной землей в тысячу десятин. Таким образом, на высоком берегу реки Бухтармы среди живописных алтайских гор весной 1918 года обосновалась коммуна и стала обзаводиться хозяйством. Но даже первый урожай питерцам убрать не пришлось, поскольку вскоре стали разворачиваться драматические события Гражданской войны. Коммуна была разгромлена, 28 человек погибли. После восстановления советской власти коммуна возродилась.

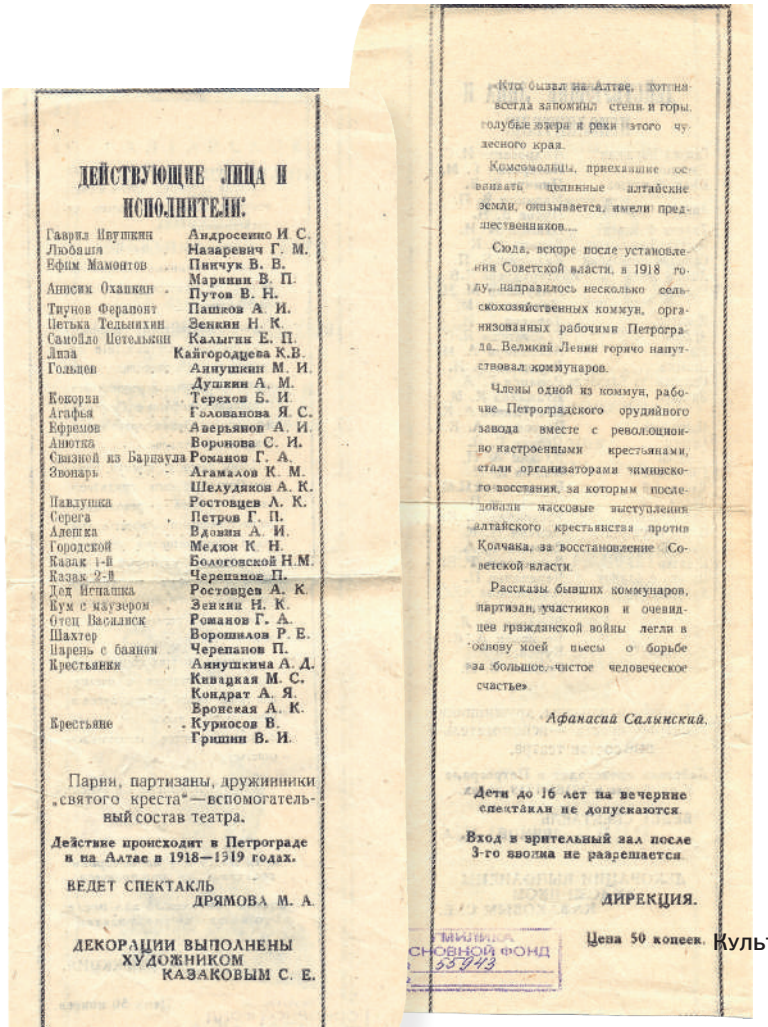
Коммунарское село получило название Зубовка. Много позже, когда начиналось строительство Бухтарминской ГЭС, Зубовка оказалась в месте затопления будущим Бухтарминским водохранилищем, поэтому жителей переселили на новое место и дали селу новое название — Первороссийское (оно существует и поныне).

История питерцев-коммунаров в свое время была широко известна, в том числе благодаря деятелям культуры и искусства, отразившим ее в своем творчестве. Яркий тому пример — поэма «Первороссийск» Ольги Берггольц, за которую она в 1951 году получила Сталинскую премию, а в 1967-м по ее же сценарию на «Ленфильме» был снят игровой фильм «Первороссияне». Правда, картина, в отличие от фильма «Хлеб и розы», не имела широкого проката.

* * *

Киногруппу фильма «Хлеб и розы» формировал Иван Пырьев. Постановщиком картины был выбран кинорежиссер Федор Иванович Филиппов, который в 1936 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Сергея Эйзенштейна) и работал вторым режиссе-

Трактор «Fordson» (США, 1913), «снимавшийся» в фильме «Хлеб и розы». Ныне находится в экспозиции музея «Мосфильма»



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Гаврил Ивушкин	Андросенко И. С.
Любаша	Назаревич Г. М.
Ефим Мамонтов	Пинчук В. В.
	Маринин В. П.
Анисим Охапкин	Путов В. Н.
Тиунов Ферапонт	Пашков А. И.
Петька Тедьянхин	Зенкин Н. К.
Самойло Петельнин	Калыгин Е. П.
Лиза	Кайгородцева К. В.
Гольцев	Аннушкин М. И.
	Душкин А. М.
Кокорин	Терехов Б. И.
Агафья	Голованова Я. С.
Ефремов	Аверьянов А. И.
Анютка	Воронова С. И.
Связной из Барнаула	Романов Г. А.
Звонарь	Агамалов К. М.
	Шелудяков А. К.
Павлушка	Ростовцев Л. К.
Серега	Петров Г. П.
Алешка	Вдовин А. И.
Городской	Медюн К. Н.
Казак 1-й	Бологовской Н.М.
Казак 2-й	Черепанов П.
Дед Испашка	Ростовцев А. К.
Кум с кузовом	Зенкин Н. К.
Отец Василиск	Романов Г. А.
Шахтер	Ворошилов Р. Е.
Парень с баяном	Черепанов П.
Крестьянки	Аннушкина А. Д.
	Кивацкая М. С.
	Кондрат А. Я.
	Бровская А. К.
Крестьяне	Куриносов В.
	Гришин В. И.

Парни, партизаны, дружинники „святого креста"—вспомогательный состав театра.

Действие происходит в Петрограде и на Алтае в 1918—1919 годах.

ВЕДЕТ СПЕКТАКЛЬ ДРЯМОВА М. А.

ДЕКОРАЦИИ ВЫПОЛНЕНЫ ХУДОЖНИКОМ КАЗАКОВЫМ С. Е.

«Кто бывал на Алтае, хотя всегда запомнил степи и горы, голубые озера и реки этого чудесного края.

Комсомольцы, приехавшие осваивать целинные алтайские земли, опишутся, имели предшественников....

Сюда, вскоре после установления Советской власти, в 1918 году, направилось несколько сельскохозяйственных коммун, организованных рабочими Петрограда. Великий Ленин горячо напутствовал коммунаров.

Члены одной из коммун, рабочие Петроградского орудийного завода вместе с революционно настроенными крестьянами, стали организаторами чиминского восстания, за которым последовали массовые выступления алтайского крестьянства против Колчака, за восстановление Советской власти.

Рассказы бывших коммунаров, партизан, участников и очевидцев гражданской войны легли в основу моей пьесы о борьбе за большое, чистое человеческое счастье».

Афанасий Салынский.

Дети до 16 лет на вечерние спектакли не допускаются.

Вход в зрительный зал после 3-го звонка не разрешается.

ДИРЕКЦИЯ.

Цена 50 копеек.

ОСНОВНОЙ ФОНД 55993

ром в картинах Пырьева, «Сказание о земле Сибирской» и «Кубанские казаки».

В интервью журналистам режиссер Федор Филиппов подчеркивал, что свою картину кинематографисты посвящают целинникам Алтая. Уместно заметить, что Иван Александрович, курировавший весь процесс создания фильма «Хлеб и розы», первым в игровом кинематографе поднял тему целины. В год начала освоения целинных земель на экраны вышел фильм Пырьева «Испытание верности» (1954). В финале картины ее молодые герои в мечтах посвятить себя настоящему делу отправляются на целину, связывая с ней свои надежды на новую жизнь.

В середине 1950-х о покорителях целины говорила вся страна, прославляя новых героев. Фильм «Хлеб и розы» подхватывает эту тему и расширяет ее обращением к истории коммунаров-первопроходцев. Режиссер Федор Филиппов идею фильма «Хлеб и розы» кратко формулировал так: «Честь и хвала тем, кто ныне вдохнул жизнь в целину. Но нельзя забывать, что они не были первыми. Вот мы и показываем тех, кто был пионерами освоения Алтая, кто создавал здесь первые сельскохозяйственные артели».

Именно к коммунарам были обращены вступительные слова киноповествования: «Вам, покорители целины, землепроходцы, строители, посвятили свои лучшие мечты отцы и деды. Для нас никогда не станут прошлым те дни, когда в борьбе рождался мир самых справедливых человеческих отношений».

Прежде чем приступить к съемкам, режиссер Федор Филиппов несколько раз ездил на Алтай, он работал в архивах, музеях, библиотеках, встречался с бывшими коммунарами и очевидцами исторических событий.

Мемориальный комплекс на Ильичёвом поле (Родинский район Алтайского края).

В год 10-летия освоения целинных земель по инициативе краеведов, поддержанной райкомом партии и райисполкомом, на поле бывшей коммуны «Свобода» было положено начало созданию мемориального комплекса «Ильичёво поле».

В 1974 году мемориал был торжественно открыт и на долгие годы стал местом старта уборочных работ в районе и посвящения в хлеборобы выпускников Родинского СПТУ.

Сейчас на Ильичёвом поле стоит колесный трактор Харьковского тракторного завода, выпущенный в 1930 годах

Музыку к фильму взялся писать композитор Николай Крюков, стихи песен — Лев Ошанин. В качестве художника-постановщика был привлечен Борис Маркович Чеботарев, работавший уже с Пырьевым на картинах «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки». Как и Иван Пырьев, Борис Чеботарев родом с Алтая.

Операторскую группу возглавляли Пётр Емельянов и Игорь Черных.

Иван Александрович Пырьев взял на себя роль художественного руководителя будущей постановки и актерский состав подбирал лично. В группу вошли: Павел Кадочников, Людмила Касаткина, Александра Завьялова, Сергей Калинин, Пётр Глебов, Эдуард Бредун, Клавдия Хабарова и другие. В качестве директора картины был приглашен один их старейших в то время кинематографистов Виктор Биязи.

* * *

Зимой 1959–1960 годов съемочная группа выезжала на Алтай, но основные натурные съемки были проведены с апреля по июль 1960 года на Волге в Горьковской области. График съемок был очень жестким, работали с рассвета до заката, иногда прихватывая и ночи.

Для съемок эпизода «Первая борозда» и сцен, в которых задействован трактор, полученный коммунарами в подарок от Ленина, по всей стране искали настоящий колесный трактор «Фордзон». Нашли в Литве. Кстати, эта американская раритетная машина 1913 года выпуска сохранилась до сего дня и ныне экспонируется в музее «Мосфильма».

Федор Филиппов воспроизвел в фильме историю, которую услышал от жителей Алтая, рассказывавших, что когда такой «Фордзон» впервые прибыл на Алтай, удивлению не было предела: крестьяне за сотни верст приезжали, чтобы своими глазами посмотреть на чудо техники. Рассказчиками могли быть жители Родинского района Алтайского края, где в 1920 году была образована коммуна «Свобода», которая в 1922 году направила ходоков к Ленину с просьбой выделить им трактор. Просьба была удовлетворена, коммунары получили трофейный трактор «Рустон-Проктор». И хотя достался он коммунарам не в лучшем состоянии, его восстановили и перевели с бензина на керосин, а потом и на скипидар, что позволило активно использовать трактор в хозяйстве. Именно на нем впервые вспахали и засеяли целинное поле в Родинском районе, которое в память о том, кто прислал трактор, было названо Ильичёвым.

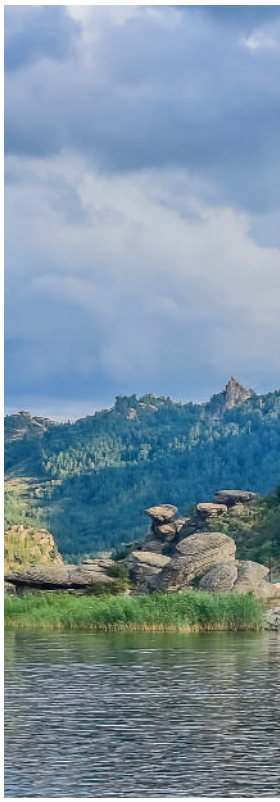
В сюжете фильма «Хлеб и розы» можно найти много совпадений с алтайской историей. Так, в этой киноистории есть персонаж, прототипом которого является герой Гражданской войны на Алтае — «алтайский» Чапаев — Ефим Мефодьевич Мамонтов, который командовал Западно-Сибирской рабоче-крестьянской партизанской армией. В фильме Мамонтов начинает свою биографию с эпизода в революционном Петрограде, а затем появляется уже в кадрах, снятых на Алтае, в разгар борьбы с белочехами и колчаковцами. Эту роль с большой долей внешнего сходства с Ефимом Мамонтовым исполнил артист Лев Фричинский.

Перед выходом на экраны картины «Хлеб и розы» режиссер Филиппов говорил: «Нам хочется, чтобы картина понравилась труженикам Алтая, законным наследникам славы первых коммунаров. Им первым мы покажем свою работу».

Так и случилось — премьера фильма «Хлеб и розы» состоялась в Барнауле в начале ноября 1960 года и произвела большое впечатление на кинозрителей. Жители Алтая понимали, о чем идет речь в картине, поскольку многие зрители лично знали, каких усилий требует освоение диких алтайских степей.

Постановщики картины и первоцелинники 1950 годов (вполне возможно бывшие потомками коммунаров) верили, что все, что было ими создано и пережито, никогда не станет забытым прошлым.

Сказочная страна



Озеро Колыванское

Все фото Александра Волобуева

Змеиногорская земля притягательна. Даже проездом следуя по территории района, непременно хочется задержаться в этих местах. Влекут причудливые камни, будто специально расставленные вдоль трассы. Дорога похожа на сказочные декорации. Каменные изваяния кажутся заколдованными живыми существами. По облику им и названия народ подобрал: черепаха, ангел, орел. Тут само пространство заповедно и сызвека культурно.

Нам предстоит познакомиться с той культурной сферой, которую возделывают в Змеиногорском районе люди.

текст

ЛАРИСА ВИГАНДТ

ЗМЕИНОГОРСК

Население 10900 человек

Музей горного дела на Алтае

Главный объект и первейший в Змеиногорском районе, его не минует ни один турист — Музей истории развития горного производства им. Акинфия Демидова. Здание музея — памятник архитектуры первой трети XIX века. Этот уникальный крепыш из красного кирпича изначально предназначался для сохранения исторических коллекций — таковым было распоряжение Петра Козьмича Фролова, начальника Колывано-Воскресенских заводов. Музей построен в 1823–1825 годы и открыт в 1827 году. Британский путешественник Чарльз Герберт Котрелл, побывавший в Змеиногорске в 1840 году, писал: «Здесь есть довольно хороший музей...» Сколько лет помещение служило первоначальному музейному замыслу — неизвестно. Есть сведения, что до 1921 года здание использовалось для продажи казенного спирта, после — до 1981 года, здесь работала почта.

Валентина Христиановна Смирнова, директор музея

Здание Музея истории развития горного производства им. Акинфия Демидова

О первоначальном назначении строения в 1979 году вспомнили местные власти. Ведущая роль в возрождении музея принадлежит мэру Змеиногорска Михаилу Филиппо́вичу. На должность директора он пригласил Валентину Смирнову, и 27 апреля 1985 года двери змеиногорской кунсткамеры открылись вновь.

— Музея не было бы в его нынешнем виде, если бы не писатель Александр Михайлович Родионов, — рассказывает Валентина Христиановна. — Он предложил организовать не краеведческий (таких музеев немало по краю), а первый музей горного дела на Алтае.

В обустройстве музея и наполнении фондов помогали десятки энтузиастов.

Все это люди небезызвестные в Алтайском крае и безусловные мастера своего дела.

В разработке концепции участвует специалист из краеведческого музея Барнаула Лидия Леонова; действующие макеты пильной мельницы на реке Мартазихе, сереброплавильной печи, первой в мире чугунно-рельсовой дороги изготавливает Георгий Мусихин. Заслуженные геологи РФ Александр Беляев и Вениамин Чекалин пополняют музейную коллекцию минералами; археологи — находками, найденными на территории района.

ческая и другая историческая информация.

Губернатор Алтайского края Александр Карлин после посещения музея выделил деньги, на которые были приобретены выставочные витрины. Также в подарок от губернатора музей получил макет мурзинского рудника.

В зале истории развития горного дела отчетливо читаются две темы: «Каторжные условия работы рудокопов» и «Творцы новой техники в крепостной России».

На картинах Николаева «Секретнокаторжные колодники», Ивана Харина «Отдых под землей», Ивана Мамонтова «Исход. Секретнокаторжные горы Змеиной» мы видим шокирующий подземный мир

Наталья Петрова, мастер по росписи

Экспонатов все больше, но площадь музея невелика. Выход находит Генрикас Нехведавичус, он предлагает двигающиеся планшеты, на которых размещается картографи-

горняков-каторжников. Низкие штольни, в полутьме лихорадочно блестят глаза загнанных людей. Они живут здесь, под землей, здесь едят, спят; здесь им отпускаются грехи в подземной часовне, здесь их настигает смерть. В змеиногорских рудниках держали и пугачевцев, которых по инструкции следовало заковывать «в ручные и ножные железа», и снимать предписывалось только один вид желез.

Ручной тяжелый труд стремятся облегчить горные инженеры, назначенные на работу в Колывано-Воскресенский округ из столицы государства российского. Во второй половине XVIII века и первой трети XIX — в Змеиногорске в полной мере проявляются таланты отца и сына Фроловых. Гидротехнический каскад, сооруженный Козьмой Дмитриевичем Фроловым, до сих пор вызывает интерес исследователей. Ему же принадлежит изобретение стационарной установки пожаротушения. Действующая модель пожарной установки Козьмы Фролова сделана в детском центре Железнодорожного района Барнаула и подарена музею в декабре 2013 года. Огромный вклад в развитие промышленности округа внес Петр Козьмич Фролов. По его проекту с 1808 года велась доставка руды от шахты до Корбалихинского завода по чугунно-рельсовой дороге на конной тяге. Нововведения Фролова-младшего многочисленны. Это был человек блестящего образования, а потому закономерно, что ряд его распоряжений связан с организацией социальной и культурной сферы. Например, при его содействии Высочайшим указом 16 апреля 1828 года утверждено учреждение об управлении заводов и положение о мастеровых и приписных к заводам крестьянах, в соответствии с которым мастеровые стали получать бесплатный провиант.

Змеиногорский музей — это, в первую очередь, площадка, которая предлагает перенестись на несколько веков назад, погрузиться в XVIII и XIX века, почувствовать их через горняцкие лампы, тяжеленный молот, атлас всего мира 1793 года (единственный на территории России), треугольный кусок рельса — но не только. Это еще и пространство, где незримо встречаются единомышленники, старатели просвещения и радетели России из разных эпох — их сотни. Здесь пересекаются пути Акинфия Демидова и Александра Родионова, Ивана Ползунова и автора его портрета Юрия Кабанова, изобретателя Филиппа Стрижкова, чей шкаф из карельской березы украшает интерьер музея, и Валентины Смирновой, которая почти тридцать лет привечает весь этот блистательный сонм пассионариев.

Самоцветные мастера

Художественный салон «Самоцветы» существует в Змеиногорске десять лет и объединяет ремесленников всего района. Выставочно-торговая площадка помогает мастерам народных промыслов выйти на потребителя. Летом, когда туристов в районе горы Змеиной особенно много, рас-

купается все, что наработано мастерами за зиму: резьба и роспись по дереву, изделия из рогоза, живопись, керамика, сувениры из ревневской яшмы, кварцита, порфира.

Хозяйка салона Наталья Петрова занимается росписью по дереву. Она неоднократный участник и победитель различных конкурсов ремесленников. В 2013 году ее Ревневская Царица, матрешка из 20 кукол (самая маленькая — пять миллиметров), завоевала гран-при на конкурсе «Ремесленник года» и признана сувениром года в Алтайском крае. Свою работу Наталья посвятила 170-летию колыванской Царицы ваз. В росписи мастер запечатлела историю создания самой большой вазы планеты — от изображения места, где был найден монолит яшмы, до Эрмитажа.

В этом году к 85-летию Шукшина Наталья Владимировна подготовила новую матрешку, она расписана по мотивам рассказов и фильмов нашего земляка.

Детская школа искусств

Змеиногорская районная детская художественная школа искусств обосновалась в бывшем доме купчихи 2-й гильдии Александры Васильевны Огаревой. Дом красивый, деревянный, с резными именными вензелями над окнами. К тому же дом — с тайной. Во время ремонта здания подняли полы и обнаружили под домом оплавленные слитки, керамические формы — явно Александра Васильевна что-то отливала. Тут же обнаружился засыпанный подземный ход с выложенным круглым сводом. Недалеко от бывшего подворья Огаревой был найден клад — монеты, датированные 1860-м и последующими годами. Местные рассказывают: здесь это обычное дело, все этим промышляли, руды-то в достатке.

Как бы там ни было, но дом оставила купчиха хороший — не одно поколение юных змеиногорцев постигали азы искусств в его комнатах.

— В настоящее время в художественной школе занимаются сто восемьдесят детей от четырех до пятнадцати лет. У нас работают два отделения: живописное и декоративно-прикладное, — знакомит нас с устройством учреждения директор школы Маргарита Капранова. — Дети пробуют себя во всех направлениях, и рисуют, и все промыслы изучают. У нас прекрасные мастера. Резьбу по дереву преподает Алексей Шатыгин, керамику — Игорь Рондяк, плетение из рогоза — народный мастер Алтайского края Полина Гладких. Каждый учебный год посвящен какой-либо теме, например, мы изучали быт и культуру славян, нынешний год посвящен Василию Макаровичу Шукшину.

Приятное знакомство состоялось с Полиной Федоровной Гладких. В этом году она принимала участие в московской выставке-ярмарке «Интурмаркет», теперь во Францию приглашают. В ее творческом объединении занимаются 70 детей. Куклы-обереги, которые создает мастерица, радуют глаз и просятся в руки. Начинала Полина Федоровна самоучкой в 1997 году, а теперь дает мастер-классы (из других районов люди едут) и принимает индивидуальные заказы на изготовление свадебных кукол.

Народный ансамбль казачьей песни «Атаман». Инна Позднякова, Роман Риффель, Сергей Поздняков, Сергей Якоби, Жанна Изотова *(слева направо)*

Полина Гладких, народный мастер Алтайского края

— Мне нравится делать на заказ, — рассказывает Полина Федоровна, — потому что люди предлагают свои идеи. И с ребятишками нравится работать, они много нового придумывают, и меня учат.

Выпускники студии Полины Гладких в качестве дипломных работ представили рогозовые костюмы в славянской тематике. Елена Таллер, автор свадебного костюма, на Дельфийских играх — 2012 получила за свою работу «Серебро». Многие ученики Полины Федоровны, окончив школу, выбрали специальность «Декоративно-прикладное творчество» или «Дизайн» в специальных и высших учебных учреждениях.

СЕЛО БАРАНОВКА

Население 2250 человек

Народный ансамбль казачьей песни «Атаман»

Можно сказать, что ансамбль «Атаман» берет начало в Алтайской государственной академии культуры и искусств, поскольку руководители музыкального коллектива Инна и Сергей Поздняковы окончили именно этот вуз. В Барнауле пара пела в известной группе «Вечерки». А потом супруги получили приглашение на работу в Барановку. Молодым специалистам дали квартиру в селе. В декабре 2005 года они организовали вокальную группу, и с тех пор «Атаман» успешно концертирует и гастролирует по району и за его пределами.

Солистка Инна Позднякова, став участницей I Всероссийского конкурса молодых исполнителей народной песни имени Надежды Плевицкой (1999), получила диплом за самобытное исполнение народной песни из рук Людмилы Зыкиной, а председателем жюри конкурса была Надежда Бабкина.

Детище Поздняковых — ансамбль казачьей песни «Атаман» — хорошо известен в крае, коллектив принимает участие в знаковых мероприятиях региона, является постоянным участником профильных конкурсов. Из последних побед — диплом лауреата в номинации «Народное пение» на краевом фестивале вокально-хорового искусства им. Л.С. Калинкина (май, 2014). Тем приятнее награда, что поют в ансамбле

учитель труда и физкультуры, бармен, тракторист, пекарь и горняк.

Достижения коллектива позволили ему войти в Федеральную программу «Развитие казачьих коллективов» и получить хорошую сумму, которую артисты планируют потратить на новые костюмы, павловопосадские платки, звукоусилительную, световую компьютерную аппаратуру.

Цирковая студия «Серпантин»

Детская цирковая студия существует в Барановке с 1974 года. Большая заслуга в том, что удалось сохранить столь оригинальный коллектив, председателя комитета по культуре Змеиногорского района Надежды Дударенко и педагогов студии. Когда уехали из села основатели коллектива Александр и Галина Клевакины, дело поддержали односельчане Галина Лукьянова (теперь художественный руководитель студии и обладатель звания «Лучший работник культуры — 2013») и Марина Миронова. Марина Ивановна — выпускница барановской цирковой студии и Ташкентского циркового училища, теперь является балетмейстером и режиссером. В Барановке говорят: «У нас полсела циркачей». Можно добавить: «Барановка — кузница кадров циркового искусства России и мира». Выпускники студии работают в цирках Омска, Красноярска, в различных шапито. В «Цирке Никулина» выступает канатоходец родом из Барановки Татьяна Жабина, а в цирке дю Солей — ее сестра Валентина Жабина.

Сейчас в студии занимаются 50 школьников, тренировки — ежедневно, каждый юный артист осваивает несколько жанров арены. И результат прекрасный: ребята дают полуторачасовое представление из 16–17 номеров. Заслуженный коллектив Алтайского края народный цирк «Серпантин» зарабатывает деньги гастролями, во всех близлежащих районах его любят и ждут.

В Барановском доме культуры действуют 22 клубных формирования, в них занимаются более 300 человек. Многие коллективы имеют длительную историю. Так, кинофотостудия «Нива» существует с 1967 года, ее основателем был заслуженный работник культуры РФ Николай Бондарев (сейчас творческое объединение носит его имя). Студия располагает огромным фотоархивом, и потому тематические выставки фотографий не редкость

Цирковая студия «Серпантин»

в фойе ДК. В настоящее время руководит «Нивой» Александр Будянский, направление «Кино» ведет Сергей Рыбалкин. Объединение посещают и взрослые, и дети; они учатся фотографировать, снимать на камеру, монтировать.

МБУ «Барановское социально-культурное объединение» — одно из тех учреждений, которое признано в 2014 году лучшим учреждением культуры Алтайского края по направлению «Культурно-досуговая деятельность» и получит денежное поощрение в размере 100 тысяч рублей.

СЕЛО КАРАМЫШЕВО

Население 1300 человек

Небольшое село Карамышево прославляет в крае и в России детская школа искусств.

Во-первых, здесь работает опытный мастер по соломке Зоя Белоусова. Как многие ремесленники, Зоя Леонидовна осваивала промысел самостоятельно по книгам. Но простое повторение известного — это не ее путь. Ей всегда хочется что-то выдумать, сделать свое. Такой подход к делу и делает из подмастерьев мастеров. Педагог сама активно участвует в выставках — от районных до всероссийских, и ученики за ней подтягиваются.

Далеко за пределами Змеиногорского района известен образцовый детский фольклорно-этнографический коллектив «Былина». Коллектив был создан в 1996 году, руководит им уже много лет энтузиаст своего дела, человек, влюбленный в русское народное бытование, Маргарита Рондяк. Можно сказать, что «Былина» ведет настоящую научную работу. Основа ее деятельности — полевые экспедиции, в которых участники объединения встречаются со старожилами района и фиксируют все: говор, песни, танец, крой и изготовление одежды, предметы крестьянского быта. Образцы материальной культуры бережно хранятся в музее фольклорно-этнографического отделения ДШИ.

В «Былине», занимаются 14 человек, самому младшему 6 лет, старшему — 15. Дети сами шьют сценические костюмы, даже мальчики здесь умеют кроить, шить, вышивать, плести пояски. И кичка (женский головной убор), и лакомка (сумочка на ремешке через плечо) — все делается в точном соответствии с оригинальной русской одеждой.

На сцене «Былину» ни с кем не спутаешь: пестрые ситцевые сарафаны на девочках, яркие рубахи у мальчиков, неповторимо экспрессивная Маргарита Рондяк и аутентичная русская песня.

«Былина» — это тот случай, где к месту будет сказать: хорошие учителя создают хороших учеников.

СЕЛО ЧЕРЕПАНОВСК

Население 200 человек

В Доме досуга села Черепановск нас ждала встреча с марийцами. В 1960 годы, когда на целинном Алтае требовались рабочие руки, сюда приехали несколько десятков семей из Марийской АССР (сейчас Республика Марий Эл). В настоящее время в Черепановске проживают 17 марийских семей. Вокальная группа «Энер» («Ручеёк»), созданная марийцами по приезду, пусть в гораздо меньшем составе, но сохранилась до сих пор. В исполнении Надежды Михайловны Ирдубаевой и Анны Афанасьевны Илимбаевой мы услышали калтасинские частушки. Калтаса — местность на родине исполнительниц.

Идея поближе познакомиться с культурой марийцев, предложенная директором Дома досуга Татьяной Рябовой, показалась черепановцам интересной, и коллектив учреждения в 2008 году выиграл грант в рамках программы «Сохраним культурное наследие малых народов».

Одна комната в помещении МКУ «Черепановское социально-культурное объединение» выделена под ПÖРТ, в переводе с марийского языка на русский это означает «дом» — музейная комната, в

Ансамбль «Ручеёк» Черепановского дома досуга

которой представлен марийский быт и рукоделие.

Детские танцевальные ансамбли «Ручеёк» и «Чудесники» разучили и специально для нас показали марийские танцы. Обрядовый танец сватовства исполняется с длинным полотенцем и чашей. Полотенце символизирует приданое, в чаше — напиток любви.

«Верёвочка» («Кандыра пунымаш») — это массовый традиционный танец восточных мари. Считается, что он связывает собой три мира — мир живых, богов и нижний мир предков. В этот момент боги и предки танцуют вместе с людьми.

Дети, занимающиеся в Доме досуга, осваивают марийскую культуру с помощью хореографа Татьяна Жидецкой и заведующей клубом Любови Лопаревой.

Очень увлекательна для изучения марийская кухня. Нам довелось попробовать два национальных блюда: кыстыбый — это пшенная каша в тонкой лепешке и пюремеч — стряпня, похожая на наши шаньги.

Замечательно, когда вопрос о национальности сводится к вопросам культуры и кухни!

СЕЛО ТАЛОВКА

Население 980 человек

20 июня 2014 года после реконструкции, длившейся два с половиной года, в Таловке открылся Дом культуры. Настоящий дворец! Новое светлое прекрасно обустроенное здание. Здесь есть все: зрительный зал на 296 мест, артистическая комната с гримерными столиками, костюмерная, тренажерный зал, лыжи и коньки напрокат, библиотека с 13 тысячами томов (имеет, кстати, 670 читателей — прекрасный показатель).

— Раньше воды в здании не было, — рассказывает счастливая директор ДК Вера Зубова, — теперь, пожалуйста, и холодная, и горячая. В старом клубе было очень холодно, руки дыханием согревали, чтобы можно было играть на инструменте — теперь тепло. В помещении есть туалеты, в том числе туалет для инвалидов-колясочников.

Для нового ДК построена котельная за счет таловского бюджета, на решении настоял глава поселения Анатолий Иванович Зубов, в прошлом сам работник культуры. Реконструкция здания Дома культуры велась за счет средств краевой адресной инвестиционной программы 75х75.

В такой Дом культуры хочется приходить, тем более что для клубных объединений приобретены современное световое, звуковое и мультимедийное оборудование. В 12 творческих коллективах здесь занимаются 289 человек.

Новый Дом культуры в селе Таловка

СЕЛО САВВУШКА

Население 1400 человек

Дом культуры в Саввушке немаленький, сделан с размахом, какой был принят в семидесятые годы советской эры. О масштабности можно судить по количеству мест в зрительном зале — их 440. После горнила 1990 годов многие объекты культуры в сельской местности нуждаются в капитальном ремонте. Но в Саввушке здание выглядит ухоженным.

— На новую систему отопления, окна, двери сами заработали. Костюмы шьем тоже на заработанные деньги, — услышали мы от работников ДК.

Честно скажем, удивили. Впервые довелось услышать о том, что учреждение культуры самостоятельно справляется со своими нуждами. Подробнее о том, как это происходит, расскажем ниже.

А пока знакомимся с участниками двух больших коллективов — Народного ансамбля русской песни «Старая деревня» и любительского театра «Балагур».

«Балагур»

В театральную студию Натальи Давыдовой, окончившей Алтайский колледж культуры по специальности «Режиссер театральных представлений», ходят сорок односельчан. В 2013 году саввушинский театр отважился на постановку полноактных спектаклей (раньше пробовали только миниатюры). Поставили пьесы «В погоне за оранжевой мечтой» (Лариса Баклага) и

Театр «Балагур». Репетиция. *Слева направо:* ***Валентина Рекун, Евгений Кудряшов, Борис Гончаров, Людмила Задорина, Елена Афанасьева.***

«Фиктивный брак» (Владимир Войнович). И что же? В зале аншлаг, народ из соседних сел и районов едет, аплодируют стоя, «браво» кричат.

И труппа задалась вопросом: не замахнуться ли нам на Василия, понимаете ли, нашего Шукшина? Замахнулась!

— Мы взяли четыре рассказа Василия Макаровича и объединили их в один спектакль. Шукшин дался нам сложно. Ведь наш, казалось бы, но боялись, что вовсе не поставим. Актеры мои даже бастовали. И все-таки мы победили, дали два премьерных спектакля, и на обоих полный зал, — делится опытом освоения творчества Шукшина режиссер.

Артистами в театре служат пенсионеры, учителя, работники клуба, фельдшер скорой помощи. Реквизит несет вся деревня, декорации рисовала киномеханик, костюмы шьет Елена Исаева, руководитель трех клубных формирований в этом же ДК.

— Я свою партнершу по сцене встречу в магазине или поликлинике, говорю: «Добрый день, Изольда Львовна». Люди оборачиваются, чего, мол, Валентину Сергеевну Рекун он так называет. А так по роли, я так в образ входил, — рассказывает Павел Федорович Кудрин. — Я сколько себя помню, все время выступаю, пою, пляшу. Люди отдыхают, и сам отдыхаешь. Эмоции какие! Когда три раза «бис» похлопают — о-о!

— Сначала страшно было, а теперь я уверенно себя чувствую. Я фактурная женщина, но такие тоже нужны. Вечер — я уже жду, когда на репетицию, — поддерживает коллегу по сцене Людмила Ивановна Задорина.

На краевом фестивале «Театральный разъезд» в 2014 году жюри оценило энтузиазм, любовь к сцене и «замах на Шукшина» саввушинской труппы и отметило «Балагура» Дипломом I степени.

Ансамбль «Старая деревня»

Ансамбль русской песни «Старая деревня» в 1991 году создала Наталья Савченко (Лисова), а когда спустя восемь лет уезжала из села, передала дело подруге Иоланте Беляевой. Самодеятельный коллектив исполняет фольклорные песни и авторские, а капелла и под гармошку. Одни из самых любимых в ансамбле — песни военных лет.

Что характерно для Саввушинского ДК: и в театральном, и в песенном объединении каждый старался рассказать не о себе, а о товарище. Так мы узнали, что участник ансамбля «Старая деревня» Юрий Горностаев пишет стихи и музыку, и выступал в качестве солиста на фестивалях «Песни Иткульского лета» и «В гостях у Шукшина». Самодеятельный гармонист Александр Шеховцов является участником всероссийского конкурса «Играй, гармонь!». Коллектив — дружный, слаженный. Никаких сомнений в этом не осталось, когда в кабинет на руках внесли руководителя и хормейстера ансамбля Иоланту Беляеву с загипсованной ногой, и под общий гомон и улыбки усадили на стул.

«Старая деревня» — активный участник всех праздничных и конкурсных мероприятий в селе, районе и крае. В этом году коллектив подтвердил звание «народного». Кроме того, ансамбль стал абсолютным победителем «Битвы хоров» — замечательного проекта 2013 года в Змеиногорском районе, исполнив многоголосьем, без музыкального сопровождения песню «Ромашки спрятались».

Ансамбль «Старая деревня». *Слева направо:* ***Татьяна Сорокина, Илина Шишаева, Олеся Шишаева, Вера Четыркина, Ольга Шулакова, Настя Шулакова.***

ЧЕМУ НУЖНО УЧИТЬСЯ В ЗМЕИНОГОРСКОМ РАЙОНЕ

В районе умеют проводить на высоком уровне массовые масштабные мероприятия. Мы уже упоминали о «Битве хоров». Конкурс проводился по положению, разработанному в комитете по культуре и предполагавшему несколько условий: в хоре должно быть не меньше 12 человек, из них не меньше четырех мужчин. Со сцены городского Дома культуры в Змеиногорске звучали 130 лучших голосов из девяти коллективов девяти населенных пунктов района. В прошлом году конкурс проводился впервые, и прошел так, что артисты и зрители с нетерпением ждут его повторения.

Еще один проект — «Голос культуры». В нем принимают участие специалисты всех районных учреждений культуры. Концертная программа, в которую вошли вокальные, хореографические, театральные номера, исполнение музыки ансамблем народных инструментов, была представлена в девяти селах района и везде собирала аншлаговые залы. Параллельно гастролировала передвижная выставка декоративно-прикладного творчества, представлявшая лучшие изделия мастеров народных промыслов. Это начинание посвящено Году культуры в России.

Культурная сфера района ярка и самобытна, немалая заслуга в этом председателя комитета по культуре Надежды Григорьевны Дударенко, которая приехала в Саввушку молодым специалистом в 1975 году. Получив огромный опыт работы в сельских домах культуры, с 1984 года она успешно управляет отраслью.

Теперь о деньгах. Как их зарабатывает культура Змеиногорска? Согласно Федеральному закону № 83 учреждения культуры имеют право оказывать платные дополнительные услуги. И они оказывают. Дома культуры сельских поселений проводят платные выезды для проведения дней рождения, предусматривают некоторую плату за пользование тренажерными залами, оказывают транспортные услуги. Но самый яркий пример — это Саввушинский дом культуры, который организовал на озере Колыванском базу отдыха «Солнечный берег». Специалисты ДК по очереди дежурят на базе. Во время нашего приезда как раз была очередь директора Ольги Поповой. «Солнечный берег» — очень недорогой приют для туристов: можно снять домик, а можно на территории базы разбить свою палатку. Парковка для машин, лежаки с постелью, сауна, экскурсии — все это дает доход. Вот и средства на новые окна, двери, отопление в Доме культуры.

«Солнечный берег» хорош еще тем, что тут чисто и тихо. Территория и вода в озере не всегда была такой образцово-показательной — работники культуры все привели в порядок. Они же настраивают отдыхающих на спокойный лад, здесь нет шумных компаний, но очень любят это место семьи с детьми. Нет человека в Алтайском крае, который бы ни разу не слышал о селе с ласковым названием Саввушка и озере Колыванском в его окрестностях. Тысячи туристов со всех концов планеты стремятся в эти сказочные места. И встречают сказочный прием.

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

Обитель

Фрагменты из романа

Недавно вышла в свет новая книга Захара Прилепина «Обитель» — семьсот пятьдесят страниц в двух томах. В начале сентября автор (пожалуй, сегодня самый известный в России) представлял роман читателям на 27-й международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ в Москве.

Перед нами Соловки. Знаменитый СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения времен 1920 годов. Лагерь для врагов советской власти, бытующий на месте бывшего монастыря, — потому обитель. В центре повествования Артём Горяинов, ему двадцать семь, он поэт и отцеубийца. Лагерная жизнь жестока. Достойны ли другой — души, подобные черным душным безднам? Но это люди, и они ищут Бога, «неся на дне своем немного ада». В книге много диалогов и программных монологов, соответственно — схлестывание, битва идей.

Свежий, точный, чувственный язык. Больно, голодно, страшно; опасно, сладко и сладострастно; покойно и радостно — текст воспринимается кожей, все естество и нутро читателя подвижно.

Эксперты считают, что «Обитель» претендует на звание одного из важнейших текстов десятилетия. Не исключено, что автору известных романов «Патологии», «Санькя», «Грех», «Черная обезьяна» и обладателю премии «Русский Букер», в этом году может достаться премия «Большая книга».

Публикация отрывков из романа «Обитель» в журнале «Культура Алтайского края» согласована с Захаром Прилепиным.

Рисунок Александра Карпова.

...

Ротным у них был грузин — то ли по прозвищу, то ли по фамилии Кучерава — невысокий, с глазами навыкате, с блестящими залысинами тип, твёрдо напоминавший Артёму беса. Как и все ротные в лагере, он был одет в темно-синий костюм с петлицами серого цвета и фуражку, которую носить не любил и часто снимал, тут же отирая грязным платком пот с головы.

— Здравствуй, двенадцатая рота! — гаркнул Кучерава, выпучивая бешеные глаза.

Артём, как учили, сосчитал до трёх и во всю глотку гаркнул:

— Здра! — хоть криком хотелось ему выделиться: но разве кто заметит твою ретивость в общем хоре?

Ротный доложил дежурному по лагерю о численном составе и отсутствии происшествий.

Чекист принял доклад и сразу ушёл.

— Отщепенцы, мазурики, филоны и негодяи! — с заметным акцентом обратился к строю ротный, который выглядел так, словно пил всю ночь и поспал час перед подъёмом; глаза его были красны, чем сходство с бесом усиливалось ещё сильнее. — Выношу повторное предупреждение: за игру в карты и за изготовление карт...

Дальше ротный, не стыдясь монастырских стен, дурно, к тому же путая падежи — не «...твою мать», а отчего-то «...твоей матери», — выругался. Потом долго молчал, вспоминая и, кажется, время от времени задрёмывая.

— И второе! — вспомнил, качнувшись. — В сентябре возобновит работу школа для заключённых лагеря. Школа имеет два отделения. Первое — по ликвидации полной безграмотности, второе — для малограмотных.

Второе в свою очередь разделяется ещё на три части: для слабых, для средних, для относительно сильных. Кроме общей и математической грамоты будут учить... этим... естествознанию с географией... и ещё обществоведению.

Строй тихо посмеивался; кто-то поинтересовался, будут ли изучать на географии, как короче всего добраться из Соловков в Лондон, и научат ли, кстати, неграмотных английскому языку.

— Да, научат, — вдруг ответил ротный, услышав нечутким ухом разговоры в строю. — Будут специальные кружки по английскому, французскому и немецкому, а также литературный и натуралистический кружки, — с последними словами он едва справился, но смысл Артём уловил.

Рядом с Артёмом стоял колчаковский офицер Бурцев, всегда подтянутый, прилизанный, очень точный в делах и движениях — его небезуспешно выбритая щека брезгливо подрагивала, пока выступал Кучерава. Характерно, что помимо Бурцева во взводе был рязанский мужик и бывший красноармеец Авдей Сивцев, кстати, малограмотный.

Ротный, пока боролся со словами, сам несколько распросонился.

— Половина из вас читать и писать не умеет. — «А другая половина говорит на трёх языках», — мрачно подумал Артём, косясь на Бурцева. — Вас всех лучше бы свести под размах! Но советская власть решила вас обучить, чтобы с вас был толк. Неграмотные учатся в обязательном порядке, остальные — по желанию. Желающие могут записываться уже сейчас, — ротный неровным движением вытер рот и махнул рукой, что в это нелёгкое для него утро обозначило команду «вольно!»

— Запишемся в школу — от работы освобождать будут? — выкрикнул кто-то, когда строй уже смешался и загудел.

— Школа начинается после работы, — ответил ротный негромко, но все услышали.

Кто-то презрительно хохотнул.

— А вам вместо работы школу подавай, шакалы? — вдруг заорал ротный, и всем сразу расхотелось смеяться.

С нарядами разбирались тут же — за столиками сидели нарядчики, распределяли, кого куда.

Пока Артём ждал своей очереди, Крапин прошёл к одному из столов — у Артёма от вида взводного зазудело в спине, как раз там, куда досталось дрыном.

Зуд не обманул — на обратном пути Крапин бросил Артёму:

— Привыкай к новому месту жительства. Скоро насовсем туда.

Василий Петрович, стоящий впереди, обернулся и вопросительно посмотрел на Артёма — тот пожал плечами. Меж лопатками у него скатилась капля пота. Левое колено крупно и гадко дрожало.

Нарядчик спросил фамилию Артёма и, подмигнув в тусклом свете «летучей мыши», сказал:

— На кладбище тебе.

Авдей Сивцев всё искал очередь, которая записывается в школу. Никакой очереди не было.

* * *

Работа оказалось не самой трудной, зря пугался.

А они даже обнялись с Василием Петровичем на прощанье — тот, как и собирался, опять отправился по ягоды, захватив на этот раз Моисея Соломоновича.

— Артём... — начал торжественно Василий Петрович, держа его за плечи.

— Ладно, ладно, — отмахнулся тот, чтоб не раскиснуть совсем. — Хотел бы наказать Крапин — отправил бы на глиномялку... Узнаем сейчас, что за кладбище. Может, меня в певчие определили.

В Соловецком монастыре оставался один действующий храм — святого Онуфрия, что стоял на погосте. С тех пор как лагерь возглавил Эйхманис, там вновь разрешили проводить службы и любой зэка, имевший «сведение» — постоянный пропуск на выход за пределы монастыря, — мог их посещать.

— Певчие в Онуфриевской — да! В церквах Советской России таких не сыскать, — сказал Василий Петрович, разулыбавшись. — Моисей Соломонович и туда просился, Артём. Но там целая очередь уже выстроилась из оперных артистов. Такие баритоны и басы, ох...

Артёма направили, конечно, не в певчие, а на снос старого кладбища в другой стороне острова.

С ним в бригаде были Авдей Сивцев, чеченец Хасаев, казак Лажечников, представлявшийся всегда по имени-отчеству: «Тимофей Степаныч» — что, к слову сказать, вполне шло к его курчавой бороде и мохнатым бровям: «У такой бороды с бровями отчество быть обязано», — говорил Василий Петрович по этому поводу Артёму в своей тёплой, совсем не саркастической манере.

— Пошто кресты-то ломать? — спросил Сивцев конвойного, когда дошли.

Вообще говорить с конвойными запрещалось — но запрет сплошь и рядом нарушался.

— Скотный двор тут будет, — сказал конвойный хмуро; по виду было не понять, шутит или открывает правду.

— И так монастырь переделали в скотный двор, по кладбищам пошли теперя, — сказал мужик негромко.

Конвойный смолчал и, присев на лавочку возле крайней могилки, вытащил папироску из портсигара.

«Наверняка у какого-нибудь местного бедолаги забрал», — мельком подумал Артём.

Винтовки при охраннике не было — конвой часто ходил без оружия; а на многих работах охраны не было вообще. Конвойных набирали из бывших, угодивших в лагерь чекистов — в основном, надо сказать, безусловной сволочи.

Говорили, что, если сложатся удобные обстоятельства — и, естественно, при наличии оружия, — конвойный может убить заключённого — за грубость или если приглянулась какая-то вещь, вроде этого портсигара, — а потом наврать что-нибудь про «чуть не убёг, товарищ командир».

Но Артём сам таких случаев не видел, в разговоры особенно не верил, к тому же дорогих вещей у него при себе не было, а бежать он не собирался. Некуда бежать — вся жизнь впереди, её не обгонишь.

Появился десятник, по дороге отвлекшийся на ягоды; в руке держал один топор, а второй — под мышкой. Ещё издалека заорал, плюясь недожёванной ягодой:

— Что стоим? На всю работу — один день! Чтоб к вечеру не было тут ни кладбища, ни крестов... ни надгробий! Всё стаскиваем в одну кучу! Пока не сделаем работу — отбоя не будет! Хоть до утра тут ковыряйтесь! Спать будете в могилах, а не уйдёте!

— Скелеты тоже вынать наружу? — спросил Сивцев.

— Я из тебя скелет выну наружу! — ещё громче заорал десятник.

— Ну-ка за работу, трёханая ты лошадь! — нежданно гаркнул, вскочив с лавки, конвойный на Сивцева.

Тот шарахнулся, как от горячей головни, ухватился за подвернувшийся старый крест на могиле и повалился вместе с ним.

С этого и пошла работа.

«Кладбище так кладбище, — успокаивал себя Артём. — Дерево рубишь — оно хотя бы живое, а тут все умерли».

Поначалу Артём считывал имена похороненных монахов, но через час память уже не справлялась. Зацепилась только одна дата — его рождения, но сто лет назад, в тот же день и тоже в мае. Дата смерти была — 1843-й, декабрь.

«Мало... — с усмешкой, то ли о покойном, то ли о себе, подумал Артём; и ещё подумал: — Что там у нас будет в 1943-м?»

Было солнечно; на солнце всегда вилось куда меньше гнуса.

Сначала Артём, потом чеченец, а следом Лажечников разделись по пояс. Один Сивцев так и остался в своей рубахе: как у большинства крестьян, шея его была выгоревшей, морщинистой, а видневшееся в вороте рубахи тело — белым.

Все понемногу вошли в раж: кресты выламывали с остервенением, если не поддавались — рубили, Сивцев ловко обходился со вверенным ему топором; ограды раскачивали и, если те не рушились, крушили и топтали. Надгробия сначала сносили в одно место и складывали бережно, будто они ещё могли пригодиться и покойные потом бы их заново разобрали по могилам, разыскав свои имена.

— Извиняйте, потревожим, — приговаривал казак Лажечников, читая имена, — ...Елисей Саватьевич... Тихон Миронович... и вы извиняйте, Пантелемон Иваныч... — но потом запыхался, залился потом, заткнулся. Через час всякий памятник уже раскурочивали без почтения и пощады, поднимали с кряком, тащили, хрипло матерясь, и бросали как упадёт.

Будто бы восторг святотатства отражался порой в лицах.

«Есть в том грех, нет? — снова рассеянно думал Артём, тяжело дыша и поминутно отирая лоб. — Когда бы я так лежал в земле — стало б мне обидно... что креста надо мной нет... а надгробный камень с моим именем... свален вперемешку... с остальными... далеко от могилы?»

Отвлёк от раздумий Сивцев — улучил минутку и, проходя мимо конвойного, сказал негромко:

— А про лошадь так нельзя, милок. На лошади весь крестьянский мир едет. Ты сам-то всю жизнь в городе, наверно? Родаки из фабричных?

— Чего? — не понял конвойный; Сивцев ушёл со своим обломанным деревянным крестом к общей куче, где их было под сотню, а то и больше.

— Ни мёртвым, ни живым... покоя большаки... не дают, — шептал мужик, которого молчание, похоже, томило больше всех.

Работу сделали неожиданно скоро — всех мёртвых победили на раз.

Кресты смотрелись жутковато: будто случилась большая драка меж костлявых инвалидов.

Запалил костёр с одной стороны десятник, не отказавший себе в удовольствии, а с другой — чеченец, который потом всё яростней и яростней суетился возле огня, поправляя торопливо занявшееся дерево и закидывая то, что осыпалось к ногам, в самый жар.

Огонь был высок, сух, прям.

— Они уж в раю все, — сказал Сивцев про кресты, успокаивая даже не Артёма, а скорее себя. — Мёртвым кресты не нужны, кресты нужны живым — а для живых тут родни нету. Мы безродные теперь.

Когда догорело, десятник скучно осмотрел место бывшего кладбища. Делать было нечего на этой некрасиво разрытой, будто обмелевшей — и обомлевшей земле. Разве что надгробные камни унести ещё дальше, побросать в воду или закопать — но такого приказа не поступало.

Артём вдруг болезненно почувствовал, что все мертвецы отныне и навек в земле — голые. Были прикрытые, а теперь — как дети без одеял в стылом доме.

«И что? — спросил себя. — Что с этим делать?»

Тряхнул головой и — забылся, забыл.

В кремль пошли засветло.

* * *

Ночь проспал — будто неподъёмной землёй засыпанный. Даже ребро не мешало — оттого, что, как лёг плашмя, положив сверху на голову подушку, так и пролежал.

Клопов и вшей в больничке не водилось.

«Так странно, — размышлял утром Артём, бережно трогая нитки на виске. — Все эти месяцы ем мало, постоянно на тяжёлой работе. Когда грузил в порту — сутками на сырых сквозняках. Когда с баланами — в воде с утра до вечера, и не простужался. Не болел вообще! Даже соплей не было».

Артём, правда, не чувствовал жара — и даже напротив, после обеда ему стало лучше, он начал успокаиваться, — тем более что за ним так никто и не пришёл вчера.

Ну, висок прошили, глаз заплыл, лицо распухло, в ребре отдавало, лежать на левом боку было совсем нельзя, ещё подташнивало — но всё терпимо. Крови было много, но вся натекла с виска да из носа — а нос тоже стоял на месте, не сломали.

Артём решил пока об этом никому не говорить, а пофилонить, сколько сможет.

Спрятавшись под своё покрывало, тихо потягивался и в путаных, полусонных мыслях перебирал всё то прекрасное, душистое, вкусное, что удалось ему отведать в последнее время.

Сухофрукты, плитка шоколада, конская колбаса были в посылке матери... Шоколад тоже пропах колбасой, но это его нисколько не испортило. Сухофрукты из второй посылки, по совету Василия Петровича, замочили в кипятке — и пили, истекая сладостным потом.

Потом шпик, сметанка с лучком — о, каким это оказалось блаженством.

Вот только Бурцев... там был Бурцев. К лешему Бурцева.

Ещё было варёное яйцо.

...А где оно было? Да не было его нигде, оно приснилось однажды, дня три назад. Ах, какое было яйцо во сне! Из такого яйца наверняка б вылупился золотой петушок.

Вчерашний винегрет...

В третий раз замерили температуру — и опять записали в журнал тридцать девять и два.

На завтрак принесли две воблы, жаренные в тюленьем жире, и картошку в мундире — правда, одну.

Но снова были радость, и очарование, и восхищённое головокружение.

«Дома ты это есть бы не стал, выбросил бы эту воблу в окно», — пытался увещевать себя Артём, но сам же себе старался не верить.

Освоившись, Артём начал изучать ближних соседей и обстановку.

Во всю стену огромной больничной палаты была незакрашенная, как в большинстве других помещений монастыря, фреска.

Фреска изображала больных — но среди них был, кажется, Христос. Он поддерживал одного из хворых — седобородого старика.

Артём был не очень сведущ в библейских историях и этот сюжет не знал.

С минуту он любовался на фреску, потом отвлёкся на людей.

Кроме юродивого Филиппа и батюшки-побирушки, то и дело вышагивающего меж монастырских диванов, почти все больные лагерники показались Артёму схожими, как сушёная вобла.

Он помнил, что вчера, да, подходил за табачком какой-то блатной, но, озирая сейчас палату, Артём не мог его узнать — напротив, готов был подумать почти на любого, что это он и был.

Бережно приподнявшись на руках — в рёбрах всё-таки болело, — Артём присел, стараясь не сутулиться, и заглянул, что там с другой стороны высокой диванной спинки.

Там стоял такой же диван, и на диване сидел батюшка Иоанн — тот самый владычка, который угощал Василия Петровича сметанкой с лучком.

Батюшка подшивал рясу.

Они встретились глазами.

— Доброе утро, владычка, — сказал Артём несколько неожиданно для самого себя.

— Как твоё здоровье, милый? — спросил владычка просто и ласково. — Я вижу, тебя тоже подшили!

Артём не нашёл тех слов, которые показались бы ему подходящими, — и просто улыбнулся, пожав плечами: всё ничего вроде бы, подшили, да.

— А с батюшкой и не надо искать особых слов, — сказал Иоанн, перекусывая нить. — Которые на сердце лежат — самые верхние, — их и бери. Особые слова — часто от лукавого, — и владычка улыбнулся.

«Вот как...» — подумал Артём с удивлением и потрогал нитки на виске.

Почему-то это было почти приятным.

— А как же стихи? — спросил он. — Стихи — это всегда особые слова.

— Думаешь, милый? — спросил батюшка. — А я думаю, что лучшие стихи — это когда как раз с верха сердца взятые. А вот когда только особые слова выбираются — тогда и стихи напрасные.

Артём почесал давно не стриженными ногтями чуть зудящую щёку. Мельком глянул на пальцы и увидел кровавую корочку под ногтями: наскрёб вчерашнего.

— И какие у вас слова лежат сейчас на самом верху? — спросил Артём: ему отчего-то хотелось говорить с владычкой.

— Что не стоит печали наш с вами плачевный вид, — сказал владычка, улыбаясь. — Что раз мы здесь собрались — на то воистину воля Божья. А ведь и не одни невинные здесь собрались, верно? Всякий про себя думает, что он точно невиновен, — да не каждый даже себе признается, с какой виной он сюда пришёл. У одного — злохулительные слова, у другого — воровские бредни, у третьего — иная великоважная ошибка. И что нам теперь жаловаться, жителям соловецким? Нас сюда против воли привезли, а дедушка Савватий — основатель монастыря — сам ведь приплыл. И ведь он немолод был! Как ты думаешь, милый, Савватию показалось тут легко? Дедушка явился на пустой остров — шесть лет прожил, ничего у него, кроме репы, не росло, никто его не кормил, крыши над головой не было, никто не топил ему в его ветхом шалашике, никакого благоустроения не имелось вовсе. А жил, старался! А мы что? Только обида и сердечное смятение, вместо того чтоб покаяться — и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьи, так за другие.

Артём потрогал голову и под волосами пальцами нашёл объёмную, отчего-то чуть сырую шишку, трогал её, иногда морщась и тем не менее продолжая слушать владычку.

— Для человека греха как бы и нет, если этот грех никто не видел! — говорил батюшка Иоанн. — Да? ведь, милый? Не пойман — не вор. Бог — один, кто знает любого вора, и у него есть свои Соловки для всех нераскаявшихся, в сто тысяч раз страшнее.

— Так зачем же на земле Соловки, когда и там они приготовлены? — спросил Артём. Он, естественно, не верил ни одному слову владычки, однако получал душевное удовольствие от его тихой ласковой речи.

— Я же говорю, милый: у Бога Соловки для нераскаявшихся — так, значит, лучше раскаяться вовремя, и земные Соловки — не самое дурное для этого место. Здесь без малого пятьсот лет жили так же тяжко, как и мы. Знаешь, как в Патерике соловецком писано о том житье: «Тружахуся постом и молитвами купно же и ручным делом... иногда же землю копаху мотыгами... иногда же древеса на устои монастыря заготовляху и воду от моря черпаху... и во прочих делах тружахуся и рыбную ловитву творяху... и тако от своих потов и кормов кормяхуся». Что изменилось? Много ли отличий от наших дней? Мытарства те же. Путь всё туда же.

И здесь владычка — Артём даже чертыхнулся от удивленья — подмигнул. Но в то же мгновение вернул себе тихое, хоть и улыбчивое, благообразие.

— И вот что вспоминаю я ещё, — сказал владычка. — Читал вчера о соловецком архимандрите Варфоломее: «Дух же исходит от его тела добронравен». А он на тот час одиннадцать недель, как помер! Что тут сказать, милый? Мы пахнем хуже некоторых мёртвых! Да, моют нас редко, кормят скудно, вошь живёт на нас, и хворость в нас. Но самый худший запах, милый, идёт от нераскаянного греха! Его смыть тяжелее всего!

Другой батюшка, что непрестанно кружил по палате, спрашивая хлеб, к дивану владычки старался не подходить. Но, заметив, что путь побирушки проходит недалеко, в пределах почти уже досягаемости — если не руки, то броска ботинком, — владычка Иоанн этот самый ботинок со своей ноги снял и выказал резкое и явное намерение кинуть его. Батюшка-побирушка, прикрываясь рукой, отбежал на несколько шагов — и стоял в отдалении, вытянув тонкую шею, похожий на испуганную птицу, ровно до тех пор, пока владычка ботинок свой не бросил на пол к ноге.

— Я тебе! — погрозился владычка побирушке.

Артём не без труда сдержал смех, но попутно обратил внимание на то, что веснушчатая рука владычки, когда он грозил, сложилась не в кулак, а привычно — в щепоть. Эта щепоть была обращена к самому владычке, и он тряс ей так, будто быстро посыпал себя солью.

КОНСТАНТИН ГРИШИН

Рисунок Алексея Дрилёва

* * *

Как хорошо, что в жизни есть понты!
Иначе — жить невыносимо скучно.
Прохожий мнёт нелепые цветы.
И мёрзнет, ждёт, угрюмый подкаблучник.
А я прощаюсь с юностью смешной,
Целую ей обветренные губы.
Жить в Барнауле, умирать весной
И наслаждаться искренностью грубой.

* * *

Мы в гостинице с видом на площадь
Сочиняли сегодняшний дождь —
Тот, что мокрый поребрик полощет
И смывает вчерашнюю ложь,
Огорченья, упрёки, обиды,
Строчки Быкова в календаре...
Нам досталась слепая планида —
Умереть, а потом постареть.

* * *

Эхо моего «Киноликбеза»,
Эхо легкомысленной любви...
Ты бемоль не путаешь с диезом,
Ты не исчезаешь, мон ами.
Никогда я не бывал печален,
Никогда я не был одинок.
Даже проливая кружку чая,
Вспоминаю милую Суок.
Приходи! Здесь провода под током,
Здесь живут дрозды-перепела...
Бары посещая ненароком,
Ты не вспоминаешь, где была.
Я же не забуду. Не напрасно
Птицы надрывались о любви.
Даже нелюбовь — она прекрасна.
Ты не постареешь, мон ами.

* * *

Описать запоздалую вспышку,
Мрак и морок, и пепел любви...
У лисицы и зайца интрижка,
И они навсегда vis-à-vis.
Откровенность, хожденья по мукам,
Фотовспышки, и магний, и плен.
И трехдневную эту разлуку
Вышить крестиком, как гобелен.

* * *

Ты словно героиня оперетты:
В СИЗО, в тюрьме, в приемной у врача
Твой нежный альт передает приветы
По перепонкам нежно стрекоча.
Твой нежный альт пророчит наказанье,
Подследственным пророчит Страшный суд...
И у меня заходится дыханье,
Когда сухие губы нежно врут.

* * *

Не томи меня, песня сиротская,
Как альфонс, я тоскую с утра.
Ренегаты цитируют Бродского.
У сортира кружит мошкара.
А по радио Doors надрываются,
Боря Рыжий в предплечьях саднит.
Ты подросток, влюбленный в красавицу.
У тебя поутру бледный вид.

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ

На излёте — тоска и обида,
Детский лепет, полынь, лебеда.
Толстый мальчик над книжкой Майн Рида
Верит в праздничные города,
В обтиранье, посты и закалку,
Поутру ледяное питьё...
Он влюблён в травести и хабалку.
Он однажды получит своё.

* * *

Похоронною мелкою стружкой
И еловыми ветками гнить.
Раздружиться с веселой подружкой
И навеки язык прикусить.
То борделем, то винною лавкой —
Барнаулом предзимним пройти.
И сентябрьской жухлою травкой
Прошуршать у тебя на пути.

* * *

Губы дерзки, слова — откровенны.
(Тот болтлив, кто сидит взаперти).
Афродита явилась из пены
Аккурат к девяти тридцати.
Вам диаспора гимны слагает,
Наливает то с горкой, то без.
А поэт ничего не решает,
У поэта иной интерес.

Гришин Константин Владимирович. Родился на Алтае в 1986 году. Окончил филологический факультет Алтайского государственного университета. Занимается литературной критикой. Публикации в журналах: «Ликбез», «Встреча», «Барнаул литературный», «Культура Алтайского края», «Алтайская миссия», «Урал», «Litera Днепр».

* * *

На работе — то вира, то майна.
Вот билеты — вояж — к сентябрю.
Впечатлителен необычайно,
Я навру, что тебя не люблю.
Мне довольно и Крыма и рыма,
Мне Набоков — крутой романист...
«Николенкова небом хранима», —
Проболтался один атеист.

* * *

Не давайся истерике летней,
Отвыкай от попкорна в кино.
И фильтруй барнаульские сплетни...
Лишь тебе, ясноликой, дано
Сочинять без причин, на излёте,
Без читателей, без дураков...
Тонко резать на автопилоте
Виноградное мясо стихов.

ЕВГЕНИЙ ЕГОФАРОВ

БОГОРОДИЦАМ СКОРБИ

Лампада теплилась во сне,
Угасшая в итоге,
И мотылек тонул в огне,
как ангел тонет в Боге.
Шагнул из темного угла,
Святой в венке менады,
И чернь бумажная легла
К подножию лампады.
Рукой брезгливой для оков,
Ремней рукопожатья
Святой с молящихся листов
Сорвал коросты платья.
Уже кончается карниз
У Бога под ногами,
Намокший ангел смотрит вниз
Безбожными глазами
На почерк, вьющийся кнутом,
На строки вдоль спины,
Он ловит онемевшим ртом
Зловонье седины.
Уж чаша медная полна
Неутоленного вина,
Невыпитого мозга —
Во тьме сгущалась тишина,
В огне свистела розга.
Послушай, в звонких камышах
Нам ангелы поют:
«Из тела выбилась душа
И сушится в раю,
Мы обовьем ее крылами,
Связав покрепче удилами,
Смоковницу твою».
Ты, опрокинутый цветок,
Течешь сквозь омуты и мели,
Неразличимых дней поток
К цветами убранной постели.
Святой сплетет из них венок,
Он покровитель всех Офелий.
Потому и зеленее
Посох, вбитый Моисеем,
Ибо ручкою своею
В посох ставишь вялость змея.
Ты доходишь до игры
На своей спине в бильярд:
Мчатся потные шары —
Кий выплескивает яд.
Наигравшись в полный рот,
Ты утрешь познанья пот.
А когда ты свободна от вздоха,
Часами, когда ничья,
Дотянись до цветенья чертополоха
У лесного ручья.
Леденящая крик немота,
Снег над горящей травой,
Офелии нагота
С отбитою головой.
Порченой бороздой
Тянешься, как слеза,
В сумерках за звездой,
Уже закатившей глаза.
И ангел книжицу раскрыл,
Он тихим снегом говорил,
Во рту его дымился крик,
И льдом звенел его язык:
«По горячей росе,
Сквозь мертворожденный сон
Слушайте все:
Я проповедую птицам,
Проповедую каннибализм
И неисследимость огня.
Новую песню даю вам
И семь бессмертных грехов.
Протяните пыльные крылья
К свету в конце
Двенадцативерстной кишки.
Любовь — это горб,
Это страх не взойти на Лысую гору.
Смерть еще теплится в вас,
Как свеча в васильковом лесу.
Молитесь в профиль и анфас,
Чтоб пузырилась кровь в носу».
Послушав этих длинных фраз,
Я убедился в том,
Что быть не может божьих глаз
Над посиневшим ртом,
Что смерть любовница для тех,
Кто руку протянул,
На отсечение, на смех,
Чтобы лампаду не задул
Ни сон, ни бабочка крылом.
Я убедился в том.
Все ходит по карнизу Бог,
И ангелы летят
На пир грозы, не сняв сапог,
И нимбами гремят.
Сквозь тучи блещут их тела,
Стекают мутные крыла
На дребезжанье крыш,
И если ты уже легла,
Не бойся их, малыш.

Рисунок Алексея Дрилёва.

* * *

Балует нравственность чертей у человека
И тешит зверя разъяренным медом,
Зрачков твоих полуденная Мекка,
Известно ей, откуда буду родом.
В окне я вижу Золушкины маски:
То тыквой по небу, то облаком плывет,
Весенней присказкой оканчивая сказки, –
Меня пугает этот хоровод.
Когда вся ночь металась на полу,
И было в нас чуть-чуть от человека,
Я влип по горло в пышную смолу;
Коснулись слуха всхлипыванья ада –
Явила мне ключи благого сада
Зрачков твоих расширенная Мекка.

Егофаров Евгений Николаевич. Родился в 1986 году. Публиковался в алтайской периодике. Автор сборника стихов «Акт первый. Насильственный». Студент Алтайской государственной академии культуры и искусств (отделение «Любительский театр»). Живет и работает в Барнауле.

ГАДАНИЕ

На черном камне спит вода,
В болотах дремлет вонь,
В деревьях шумные стада,
Летит по небу конь.

К воде склоняется свеча,
Огонь к теченью льнет;
От ее белого плеча
Пусть в сердце дрогнет лед,
Пусть он сквозь тучи на коне —
И тенью пепла на стене
Грядущее встает.

«Эпоха кончилась. А утро не взошло»

Эссе о поэте Сергее Новикове

текст
ИВАН ЖДАНОВ

В восемнадцать лет он познакомился в своей Ялте с Иосифом Бродским и ввязался с ним в поэтическое состязание. И тема подходящая: зимняя Ялта как бы в отблесках заката последней империи. Даже если это легенда, то вполне правдоподобная. Вообще-то Ялта того времени была ближе к столице, чем Подмосковье. Дом творчества не пустовал круглый год, знаменитых и не очень писателей и поэтов можно было запросто встретить на набережной или на улице: о, Паустовский, ах, Ахмадулина!.. Немудрено, что попасть в центральную печать из Ялты было легче, чем, скажем, из Барнаула. Так оно и вышло с Сергеем, он скоро вошел в круг авторов «Юности», «Нового мира», «Огонька». Казалось, он крепко ухватил судьбу за жабры. Но тут грянула перестройка. Статус поэта, да еще члена СП, стал необязательным. И мало того, даже статус гражданина великой страны куда-то улетучился. Навсегда.

«Я, русский поэт, не сходя с места, вдруг оказался за границей», — горько сетовал он. Его не радовала настойчивая украинизация полуострова, нет-нет, да и выскажет вслух неподабающую крамолу: «Чехов строил, строил дом в Крыму, а получился будынок», имея в виду указатели к дому-музея Чехова, написанные на украинском.

Впрочем, к крамольному образу мысли ему было не привыкать — в свое время его исключили из Симферопольского университета за публичное чтение Солженицына. С порога alma mater он шагнул в армейский стройбат на Мангышлак, в форт Шевченко (улавливаете, какая параллель напрашивается), куда воду привозят в цистернах, где только глина да песок и воздух пронизан мельчайшей глауберовой солью. Теперь это место тоже где-то за границей.

«На мою долю выпала Гражданская, твоему отцу — Отечественная, и тебе что-нибудь достанется», — говаривал дед своему внуку-школьнику. Дед его был златокузнецом, некогда бежавшим из Питера от гражданской смуты. На набережной Ялты он продавал ракушки рапана с надписями из крученой позолоченной проволоки.

Спустя полвека его внук сидел на той же набережной в драной майке и клянчил у проходящих знакомых и полузнакомых на выпивку, конечно, взаймы, конечно, долг никому не отдавая. Так он стал местной достопримечательностью, и вряд ли в начале своего творческого пути он догадывался о таком житейском финале. Хотя чувство судьбы, тревожное и неотступное, было.

Не пишите о смерти. Такой,
видно, есть уж закон у поэтов,
что становятся строчки судьбой.
Час неровен — зачтется вам это.

Но о жизни пишите, о ней!
Может статься, зачтется вам это
и надбавится несколько дней
подглядеть, как бушует ручей,
не желая прослыть невоспетым.

И странное дело, «наследник всех своих родных», завидный наследник при двухэтажном дедовском доме, двухкомнатной квартире в центре Ялты, он впал в нищету, потому что не был способен выживать в условиях, которых он никак не мог понять, тем более, принять. Почва уходила из-под ног. Родной город отчуждался на глазах, он вытеснялся из самого себя, из своей истории. Особняки, высотки нелепой архитектуры какого-то колониального стиля надвигались, как кошмарный морок, как дым без конца горящих горных лесов, которые нечем было тушить. Ну так что? Цветаева когда-то ведь тоже вернулась из эмиграции не в «свою» Москву. А надолго ли она пережила свое возвращение?

«Крым должен быть либо украинским, либо безлюдным» — и это сказал не какой-нибудь оголтелый политик из экстремистской партии, а видный поэт, депутат Верховной рады. Тогда это казалось постмодернистской ересью, чуть ли не приколом. А теперь мы видим по событиям в Донбассе, какие это шутки.

В рецензии на книгу А.Г. и В.Г. Зарубиных «Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму» Сергей писал: «Некоторое время назад в горном урочище неподалеку от Ялты в развалинах бывшего имения адвоката Фролова-Багреева, некогда юридического представителя Николая II в Крыму, совершенно случайно было обнаружено захоронение сотен людей, злодейски расстрелянных большевиками в 1920 году после захвата Крыма красными и трагического исхода неисчислимого сонма наших соотечественников к «другим берегам». Сейчас на этом месте стоит простой деревянный крест. Когда в поисках захоронения там шурфили слежавшуюся землю, бур, с натугой пройдя около метра, вдруг провалился на глубину четырех метров, словно в пустоту (четырехметровый слой органических останков!), и оттуда ударила черная страшная вода, а по лесу распространился невыносимый, зловонный запах, который живому человеку сравнить просто не с чем...»

«И веет ужасом гражданки...» — в то же время (время написания рецензии), но очень далеко от этих мест писал Евгений Блажеевский, который был другом Новикова и, конечно, бывал в его доме. Тогда для нормального обывателя это казалось преувеличением. Но, видно, нельзя пренебрегать предчувствием поэтов: вырвались-таки из-под спуда химеры той «далекой гражданской», нашли трещину в людской душе.

За возвращение в Россию Крым проголосовал почти поголовно. А если учесть еще и тех, кто встрепенулся в своих гробах, кто совсем немного по историческим меркам не дожил до этого...

Судьба любит подшутить (и довольно инфернально) над поэтом, если он начинает дразнить

* Лучшие поэты современности — новая рубрика в нашем журнале. Ее ведущий — Иван Жданов, наш земляк и поэт с мировым именем.

ее. Библиотекаря (и библиомана в одном лице) она легко может превратить в резчика проволоки на устройстве под названием «гильотина». Резчика простой железной проволоки, ничего общего не имеющего с крученой проволокой деда. Это и было последним местом его работы, дальше нищета и свобода, распыл библиотеки (библиотеки поэтов в отличие от их рукописей сгорают, как мы знаем на примере хотя бы Блока) не в пожаре, а в распродаже. Дальше скамейка на набережной, ожидание воскресения утраченного — хотя бы в алкогольной паузе. И даже стихи, если они поэзия, перестают быть фактом твоей биографии, каким бы нелепым ни был ее конец.

Новиков Сергей Леонидович (1951-2002). Поэт. Родился и жил в Ялте. Выпускник педагогического факультета Крымского государственного университета. Член Союза писателей Крыма. Автор сборников стихов: «Улица времени» (1986, «Таврида», Симферополь), «Тема часов» (1990, «Молодь», Киев). Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова. Публиковался в журнале «Новый мир» в 1997, 1998, 1999 и 2000 годах; в журнале «Новая Юность». Посмертная публикация в 2006 году в журнале «Радуга» (Украина). В 2008 году, в Симферополе, вышла книга избранных стихотворений «Правила стихосложения».

СЕРГЕЙ НОВИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы в Ялте сойдемся промозглой,
где, косо раздвинув туман,
системой ветвей кровеносной
полнеба объемлет платан.

За стеклами — свет позлащенный,
на улице — хлад до костей...
Буфетчица с кошкой ученой
приветит продрогших гостей.

Мы спутаем время (не место!),
стекляшка забытая — ах! —
чтоб снова прекрасно и тесно
толпиться в твоих зеркалах.

Всего-то — полшага и через
какой-то дремотный порог,
чтоб снова таинственный херес
мерцал на столе, как цветок,

чтоб снова усильем зеркальным
собрать в неминуемый круг
навечно! —
рисунком наскальным
невечных друзей и подруг.

Отсюда сквозь темень и воду
пространства дождливого сплошь,
скажи, ты из них хоть кого-то
за дальним столом узнаешь?

И если узнаешь, — печально
Запомни, пока не смела
буфетчица с мути зеркальной
их лица, как пыль со стекла.

* * *

Эпоха кончилась. А утро не взошло.
Садится ночь, как призрак, на скамейку.
И миром правит темное Число:
дыши, люби и думай под линейку.

Над городом порхает счетовод,
и метроном чеканит шаг по-русски...
Дитя отцу, волнуясь, задает
Вопросы об усушке и утруске.

Все продано. Все куплено. Щелчок.
И кассовый сверкает звон обвальный...
И в детской на волшебный сундучок
с размаху ставят автомат игральный.

Из всех существ одна лишь стрекоза
живет, как встарь, цифири не итожа,
свои гуманитарные глаза
слезит в потемках с ледяного ложа.

Идет луна, как одинокий страж.
Пейзаж подернут слюдяным сияньем...
Кассирша поправляет макияж,
и мертвый Бог стоит за подаяньем.

ЕВПАТОРИЯ

1 Приезжать к друзьям внезапно,
Допоздна сидеть на кухне,
До утра, уже «до завтра»
ворошить в конфорке угли.

Тут полам не до мастики.
От получки — вечный трешник.
Я проснусь, услышав крики, —
за окном вопит молочник.

О, насколько это надо,
знать, что есть на свете место,
где тебе и вправду рады,
где душой кривить — не честно.

Этот город — словно Мекка
для киношников соседних:
приснопамятного века
на песке оплот последний.

Переулочки и дачи,
крыш татарских черепица...
В проходных дворах незрячих,
как в столетьях заблудиться.

Приезжать к друзьям в Крещенье,
Натащив с собой мороза.
— Здравствуй, Люда!
— Здравствуй, Женя!
Ничего, что я без спросу?

Я опять уеду вскоре,
чтоб, затосковав, вернуться
к этим стынущим на взморье
тупичкам, проулкам куцым,

к этой улице колючей,
пробирающей до дрожи,
к вашей лестнице скрипучей,
к вам, которых нет дороже.

2 Этот трогательный город,
акварельный в стиле «ретро»,
где июль в песок размолот,
а песок подхвачен ветром,

он почти ненастоящий.
А иначе бы откуда
этот вкрадчивый, щемящий,
этот легкий привкус чуда,

этот детский спазм испуга
с ощущением, что скоро
чудо спрячут в темный угол,
как коллекцию фарфора.

Словно нежности собранье,
вздохов и сердцебиений,
всех загаданных желаний,
всех непрочных сновидений,

всех рожков почтовых хриплых,
всех пастушеских, пожарных...
...Но тихонько дверцы скрипнут.
Шлепанцы хозяйки шаркнут.

Вот и кончились щедроты!
Этот праздник беспредельный...
И детей уводит кто-то
снова в мутный понедельник.

КАНАТНАЯ ДОРОГА

Вдруг в парении неспешном
вспыхнет, солнца встретив ток,
желто-красный, как черешня,
подвесной кабинки бок.
Пассажир к стеклу прижмется,
к обмиранью приобщен
трюкача-канатоходца
или мойщика окон.
А внизу — дома большие.
Жизнь поспешная снует...
Люди, улицы, машины —
кое-как, врасхлест, вразброд...
Свадьбы, праздники, разлуки,
простыни на зеркалах,
чьи-то слезы, чьи-то руки:
где — в мольбе, а где — в кулак.
Небожитель поневоле,
созерцаешь сам не свой
всплески радости и боли
с отрешенностью немой.
Словно ты стоишь у рампы,
вне ее фанерных дел,
словно к ним душою сам ты
намертво не прикипел.
Нет, прощай, полет канатный!
Этот искус не про нас.
За пятак билет обратный
билетерша мне придаст.
И нырну я с горной кручи
в судеб, лиц и глаз поток,
нескончаемый, кипучий,
без которого б не смог.

КОНЕЦ СЕЗОНА В ЯЛТЕ

Серьезное время разлада,
разъезда, ухода, когда
ледком невесомым чревата
стоящая в лужах вода.
И звонок на улице оклик,
и видно до края земли,
как будто бы резкость в бинокле
немыслимую навели...
И северным ветром прорежен
по всей штормовой полосе
гудящих глухим побережий
людской неумолчный посев.
И долго приезжий смущенный,
утратив свой праздничный вид,
потерянно и потрясенно
у дикого моря стоит.

Алексею П.

Отмечен пророческой жаждой —
да будешь! Но я не о том...
И это не важно, не важно,
что ветром разграблен твой дом.

И это не главное, право,
что схватит за горло тебя
похлеще татарских удавок
пенькового века петля.

Я знаю, никто не положит
на сердце, как на руку, жгут.
За наши мытарства, быть может,
скупого гроша не дадут.

Но это не важно, ты знаешь,
мой милый, уставший вконец,
богема, соратник. Товарищ,
студьоз, олимпийский птенец.

Пусть время расправится с нами, —
мы бросим козырно и зло:
«Мы неба коснулись губами,
и небо нам горло свело!»

СТАРАЯ ЯЛТА

И в кладке стен полигональной,
чей росчерк серый строг и сух,
эпохи до индустриальной
еще живет артельный дух.

И душный ветер Средиземья
пролетом из иных глубин
еще в сады заносит семя
адриатических маслин.

И Диогенов местный орден
парит у круглого ларька.
И рыбы ходят, как на корде,
послушны глазу рыбака...

А там, в четвертом измеренье,
переходящем в синеву,
аутской дачей бродят тени,
которых я не назову...

Там света бисерною ниткой
чуть тронут берег нежилой,
пока не ставший ни открыткой,
ни сувенирной мишурой.

И птица с высоты надмирной
глядит, уставя круглый глаз,
как, надымив, уходит в Смирну,
какой-нибудь «Владикавказъ».

И, растопырив свой треножник
вблизи лотка, где пышет снедь,
безумный пробует художник
сей краткий век запечатлеть.

Но дождь идет... Не уставая,
летит дремучая вода,
и Рим ракушечный сминает,
и мир игрушечный смывает
с бумаги слабой навсегда.

ТУМАН В ЯЛТЕ

О, как таинственно и юно
замрут сердца у горожан,
когда неслышный, словно шхуна,
причалит к берегу туман.

И, упакован влажной ватой
и мелом выбелен сплошным,
мерцает март голубоватым
каким-то светом навесным.

Не хлопнет дверь, не звякнет обод,
и так безгласность глубока,
что переходит вдруг на шепот
хозяйка бойкого лотка.

И мир волшебный осязаем
на ощупь разве... Как впотьмах.
И мы друг друга не узнаем
в пяти шагах, в пяти шагах.

И прямо с улицы проточной
влетает в дом шальной щенок,
парной и зябкой мглы молочной
натаскивая за порог...

МОЕМУ ГОРОДУ — ИЗДАЛЕКА

О, как мне хочется туда,
где бродит тенью черепица
и где спектральная вода
не устает о днища биться,
где свод царит над головой
дремучих звезд в чаду шелковиц
и ресторанных пустословиц
взлетает к небу сноп цветной.

Мишурный, парусный, пеньковый,
ты был мне столько лет назад
под ноги брошен, как подкова,
(а это к счастью, говорят),
когда я к свету бестолково
спешил незрячим, наугад.

И звонкую свою удачу,
тебя, каленую дугу,
я с той поры у сердца прячу,
сиротской ночью чуть не плачу
и наглядеться не могу.

ЗИМА В ЯЛТЕ

Когда над морем снегопад, —
все восклицанья невпопад.
И все сравнения — не в счет,
Когда над морем снег идет.

И мы молчим с тобой, боясь
нарушить голосом своим
небес торжественную связь
с накатом волн береговым.

А чайки хриплые в порту,
от удивленья ошалев,
буксирчику летят вослед
и снег хватают на лету.

ОЛЬГА КАН

Рисунок Алексея Дрилёва.

БОЛЬШОЕ И ДОБРОЕ

— Добрая тётенька в кассе,
Здрасьте!
Нам дайте по билету.
Но только денег нету.
Зато у нас — такое,
Что денег дороже втрое.
Большое-пребольшое!!!
И доброе, как слон!
Возьмите же СПАСИБО
Большое-пребольшое!
Две тысячи СПАСИБО
Плюс маленький вагон!

Тётя нам улыбнулась в окно
И пропустила в кино.

ФОТОГРАФИЯ В ШЕСТЬ ЛЕТ

— Не вертись, — сказал фотограф.
— Не вертись! — сказали все.
— Улыбнись, — сказал фотограф.
— Улыбнись! — сказали все.

— Я могу не шевелиться,
Может, целых пять минут.
Но так чешутся ресницы,
Так сейчас ботинки жмут.

Улыбнуться не просите!
— Почему? Открой секрет!
— Я — красавица, учтите,
А зубов передних нет!

КОЛЮЧИЙ ГОСТЬ

Открыла я входную дверь.
И хоть глазам своим не верь:
Гляжу — на коврике сидит
Колючий серый зверь.

Откуда вы? Издалека?
Как дотянулись до звонка?
А он надулся и сопит.
То сильно, то слегка.

Не будьте букой, гость лесной!
Хотите леденец цветной?
Зажмурились. Невкусно, да?
А булку с ветчиной?

Вы — чудо с кнопкой на носу!
Но вас ежата ждут в лесу?
Тогда в корзинку и — айда!
Домой вас отнесу.

ПРО ГНОМА И КОНФЕТЫ

В лесу далёком,
За холмом,
Жил толстячок усатый —
Гном.
Он был на ухо глуховат,
А в чём причина?
Шоколад.
Зефир,
Конфеты,
Мармелад
Он кушал целый день.
И стал глухим, как пень.
Не слышит!
Хоть ему кричат
Над ухом
Сорок пять галчат
И тридцать три совы —
Не слышит он,
Увы!

Малыш, тебе я дам совет,
Внимательно послушай:
Поменьше лопай ты конфет,
Чтобы не слиплись уши!

Кан Ольга Викторовна. Родилась в Барнауле. Окончила Барнаульский педагогический колледж и Московский психолого-социальный институт. Публиковалась в журналах: «Звёздочка наша» (Барнаул), «Миша» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово). Вышли в свет четыре сборника стихотворений: «Недетские секреты» (2013), «Весёлые стихи» (2012), «Весёлые стихи №2» (2013), «Карусель» (2014). Победитель губернаторского конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей» (2014).

КТО УМНЕЙ?

Спросил учитель тихо нас:
— Кто в классе всех умней?
— Я, — громко выкрикнул Тарас, —
Я знаю, где Бомбей.
— Нет, я! — сказала Тая. —
В уме я всё считаю.
Все сразу выкрикнули:
— Я!!!
И получилась толкотня:
Никто руки не поднимал,
Один другого обзывал.
И только Вовка не гудел,
Молчал, сидел, вздыхая.
Сдаётся мне, что он умнел,
За нами наблюдая.

БАЮ-БАЙ

Ночь настала.
Я устала.
Прыг в кровать под одеяло.
Мёрзнут плечи,
А щека
В белом инее слегка.
Ноги — парочка ледышек.
Нос — сосульки ледяней.
Завернусь я в нашу крышу —
Станет чуточку теплей.
Захочу, укроюсь небом,
К тучке тёпленькой прильну.
И подушку надо мне бы —
Желтопузую луну.
Подожму к себе коленки.
Спи, мой ротик, не зевай!
В центре маленькой Вселенной
Засыпаю.
Баю-бай.

ТРУДНОЕ СЛОВО СОБАКА

Диктант был лёгким.
Но, однако,
В нём слово встретилось СОБАКА.
Вздохнула грустная СОБАКА:
«Ты напиши меня без брака!»

Я начал рассуждать логично:
Что радует собак обычно?
Уютный дом,
Свиная ножка,
Но главная награда — кошка!
Ведь с ней всегда такая драка,
Погоня,
Схватка,
Неотложка.

В диктанте я пишу СО-БАКА!
И проверяю словом КОШКА.

Терещенко Владимир Борисович (1948). День рождения. 1987. Холст, масло. 130x115.

Фото предоставлено ГХМАК

В номѐре:

200 лет со дня рождения М.Ю. Лермонтова
100 лет с начала Первой мировой войны
85 лет со дня рождения В.М. Шукшина
Целина – 60 лет
Известные люди: *Эдуард Артемьев, Валерий Золотухин, Иван Жданов*
Фоторепродукции картин *Елены Волковой, Владимира Гаврилова, Екатерины Дёмкиной, Сергея Дыкова, Юрия Иванова, Аркадия Казанцева, Владимира Муратова, Натальи Навашиной-Крандиевской, Владимира Панова, Ивана Сорокина, Владимира Терещенко, Алексея и Сергея Ткачёвых, Фёдора Филонова, Пиргельди Широва*
Проза *Захара Прилепина*
Стихи *Константина Гришина, Евгения Егофарова, Ольги Кан, Сергея Новикова* *Новикова*

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» предлагают любителям искусства проект «Чарующий Алтай». С декабря 2012 года на страницах журнала размещаются картины из коллекции музея, снабженные QR-кодами. Это лучшие полотна XX века, посвященные Алтаю. QR-коды восемнадцати картин из собрания ГХМАК размещены на сервере Государственного Русского музея, выступившего генеральным партнером проекта.

О музее.

Хотите знать о картине больше?

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY или APP STORE.
2. Выберите и установите программу RM GUIDE.
3. Запустите программу, наведите телефон на код.
4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.